

ГЛЕН КУК

ТЕМНАЯ
ВОЙНА

• ПОСЛАННИЦА РОКА • КОЛДУН •
• ПОСЛЕДНИЙ ОБРЯД •

Звезды новой фэнтези

Глен Кук

Темная война

«Азбука-Аттикус»

1985, 1986, 1982

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кук Г. Ч.

Темная война / Г. Ч. Кук — «Азбука-Аттикус», 1985, 1986,
1982 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-20252-8

С каждым годом в мире разумных волков-метов все суровее холода. Долгие зимы и затяжные снегопады пробуждают древний страх в стае Дегнанов – страх перед вторжением свирепых кочевников, нападением загадочных ведьм-силт и приходом граукена – поры, когда разум уступает инстинкту и меты пожирают друг друга. Юная Марика полна отчаяния, поскольку всем этим угрозам не способны противостоять ни ее семья, ни вся стая. Но в ней самой пробуждается сила, равной которой нет в целом мире, легендарная способность, которая может не только спасти мир, но и открыть Марике дорогу к самим звездам... Знаменитая трилогия публикуется на русском в новом переводе, а рассказ «Темная война», примыкающий к ней, выходит на русском впервые!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20252-8

© Кук Г. Ч., 1985, 1986, 1982
© Азбука-Аттикус, 1985, 1986, 1982

Содержание

Посланица рока	6
Книга первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	25
Глава четвертая	36
Глава пятая	52
Глава шестая	58
Книга вторая	70
Глава седьмая	70
Глава восьмая	80
Глава девятая	90
Глава десятая	99
Глава одиннадцатая	109
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Глен Кук

Темная война (сборник)

Glen Cook

DOOMSTALKER

Copyright © 1985 by Glen Cook

WARLOCK

Copyright © 1985 by Glen Cook

CEREMONY

Copyright © 1986 by Glen Cook

DARKWAR

Copyright © 1982 by Glen Cook

All rights reserved

© К. П. Плешков, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Глен Кук – уникальный писатель. Он с необычайной легкостью лавирует между военной фэнтези, космооперой, эпической фэнтези, фэнтези-детективом и научной фэнтези... Он описывает жизнь в самых реальных ее проявлениях: от мысли, рождающейся в уме героя или героини, до бьющего ему или ей в лицо ветра.

SFFWorld

Автор «Черного Отряда» насыщает жестоким реализмом свои легенды о воображаемых странах.

Library Journal

И снова Кук затягивает нас в созданный им мир, и снова этот мир того стоит.

Amazon.com

Посланница рока

Книга первая Стойбище

Глава первая

I

То была худшая зима на памяти многих – что вскоре признали даже Мудрые. Снег рано пришел с Жотака и к восходу Гривастой звезды лежал слоем в несколько лап. Пронизывающий ветер продувал все щели бревенчатых логов стаи Дегнан, пока старухи, не выдержав, не выгнали самцов на улицу, чтобы обложили покатые крыши кусками дерна. Самцы старались изо всех сил, но ветер пожрал ледяными клыками все тепло земли, и та не поддавалась их орудиям. Они пытались завалить крыши снегом, но непрерывный ветер уносил его прочь. Запасы дров таяли пугающе быстро.

Молодняк стаи, когда ему не находилось других занятий, обычно рыскал по близлежащим холмам в поисках валежника. Но в эту суровую зиму Мудрые нашептали на ухо охотницам, и охотницы приказали щенкам не выходить за окружавший стойбище частокол. Щенки чуяли: что-то изменилось, и им становилось не по себе.

Никто не произносил слово «граукен». Старые жуткие истории на время позабылись. Никому не хотелось пугать малышей. Но все взрослые знали, что подобная погода готова пробудить зверя, таящегося под шкурой мета.

Все знали, что дичи в Жотаке наверняка будет мало, а у стай кочевников с северных земель рано иссякнут запасы еды и они наверняка вскоре придут на юг. Некоторые являлись даже в более мягкие зимы, похищая все, что попадалось под лапу, а в случае нужды и вступая в драку, чтобы завладеть плодами труда оседлых собратьев.

А в страшные зимы – каковой обещала стать и эта – они даже уносили маленьких щенков. Среди метов, в самом сердце великой зимы, голод не знал преград.

В рассказах, звучащих у очага, граукен был ненасытным чудовищем, которое обитало в тенистых лесах и скалистых холмах, подстерегая неосторожных щенков. В реальности же граукен был порождением голода, вынуждавшего забыть о цивилизации и разуме. Мудрые Дегнанов нашептывали охотницам, желая, чтобы у щенков вошло в привычку держаться поблизости и быть настороже задолго до того, как рычащий граукен явится из темного убежища.

На плечи измученных самцов легло очередное бремя. Они совершали вооруженные вылазки в поисках валежника и длинных прямых бревен, пригодных для строительства. К их обычным изматывающим обязанностям добавились расширение и укрепление спирального частокола из острых как иглы кольев. А также – доставка в логова снега, который затем растапливали. Полученную воду вновь выносили на холод, где заливали в формы и замораживали в кирпичи, из которых постепенно выстраивали внешнюю защиту для логов.

Такого ветра, как этой зимой, стая еще не знала. Даже в Летописи не упоминалось ничего похожего. Ветер стонал и выл не переставая. Похолодало настолько, что даже снег перестал падать. Любой, осмелившийся взяться голой лапой за металлическое орудие, рисковал лишиться кожи. Неосторожные щенки обмораживали мордочки. Страх светился в глазах Муд-

рых, когда они склоняли к очагу головы, бормоча беззубыми ртами о дурных предзнаменованиях. Сагана, самая мудрая из Мудрых, ежедневно жгла благовония и приносила жертвы. Все время, когда она не спала, ее дрожащие, изуродованные болезнью старые лапы плели могущественные фетиши и амулеты, которые вешали над входами в логова, умиротворяя духов.

Ветер не унимался. Зима становилась все студенее. Тень страха закралась в самые отважные сердца.

Охотницы обнаружили следы чужих метов в нескольких часах пути от стойбища, возле границ охотничьих угодий стаи Ласп. Возможно, их оставили охотницы Ласпов, выбравшиеся за пределы своей территории в поисках мелкой дичи, не впавшей в спячку. Но снег не хранил запахов, и всех преследовали самые худшие опасения. Не дикари ли это с севера, начавшие разведывать Верхний Понат?

В пещере Мачен, недалеко к северу от стойбища, обнаружили остатки старого костра. Даже зимой лишь самые отважные, отчаянные или глупые осмеливались ночевать в пещере Мачен. Ласпы или любые другие соседи предпочли бы продолжить путь ночью, чем искать там убежища. Мудрые шептались, а охотницы что-то бормотали друг другу. Знающие Верхний Понат ведали и то, что в пещере Мачен обитает тьма.

II

Марика, щена Скилджан, встретила свой десятый день рождения в худшую из зим, когда по углам логова матери таился страх, подобно мрачным теням из старых историй, которые больше не рассказывали старухи. Вместе с другими выжившими щенками из ее помета, Кублином и Замберлином, она попыталась отпраздновать это событие в свойственной щенкам манере, но это нисколько не развеяло угрюмого настроения старших.

Обычно щенячьи забавы основывались на старых преданиях и сказках, однако Марика и Кублин сочинили собственную приключенческую историю и, несмотря на протесты Замберлина, репетировали ее несколько недель. Марика с Кублином считали, что сумеют удивить старших, Замберлин же полагал, что они лишь оскорбят закоснелых Мудрых. Как в итоге оказалось, только их мать хоть сколько-нибудь отвлеклась от забот, слушая их повествование, и все их ожидания пошли прахом. Они пытались сопроводить выступление музыкой. Марика неплохо играла на флейте, а Замберлин с энтузиазмом колотил в обтянутые шкурами барабаны. Кублин пытался петь.

Одна старуха рявкнула, раздраженная шумом. Щенки не сумели вовремя остановиться, и Скилджан пришлось вмешаться, встав между старухой и ними.

Щенки пытались жонглировать, Марика в этом была весьма талантлива. Летом подобное зрелище всегда приводило старух в восторг. Казалось, она способна повелевать мячами в воздухе. Но теперь даже мать не проявила особого интереса.

Покинутые всеми, щенки забились в угол, согревая друг друга своим теплом. Холод пробирал до костей, леденя не только тело, но и душу.

В любое другое время года старшие огрызнулись бы на них, заявив, что они уже слишком взрослые для подобных глупостей. Но в эту ужасающую зиму старшие не обращали внимания на щенков, а те старались не попадаться им на глаза, поскольку все были на пределе и тонкий налет цивилизации мог слететь в любой миг. Если с кем-то из метов происходило подобное, он превращался в убийцу. Слишком тонка была нить, связывавшая их род с культурой и разумом.

Марика жалась к братьям, чувствуя, как отчаянно колотятся их сердца, и глядя сквозь дымный полумрак на старших. Кублин тихо скулил от страха. Он не отличался крепким здоровьем и был уже достаточно взрослым, чтобы знать, какой порой бывает судьба слабых самцов в суровые зимы.

Их жилище называлось логовом Скилджан, по имени матери Марики, хотя та делила его с десятком сестер, их самцов, несколькими пожилыми самками и всеми их щенками. Скилджан властвовала по праву опыта и силы, как до этого ее мать. Она была лучшей охотницей стаи, вторая по физической силе и первая по силе воли, и принадлежала к числу самых сообразительных самок стаи Дегнан. Поскольку именно эти качества позволяли метам выжить в дикой глуши, к Скилджан с почтением относились все, кто делил с ней логово. Даже старухи ей подчинялись, хотя она редко игнорировала их советы. Мудрые обладали большим опытом и могли видеть сквозь вуаль, что порой застилала глаза молодым. На советах стаи только слово Геррьен значило больше ее собственного.

В стойбище Дегнанов имелось шесть похожих друг на друга логов. На памяти живущих не построили ни одного нового. Каждое представляло собой лежащий на боку полуцилиндр девяноста футов в длину, около десяти в высоту и двадцати пяти в ширину. Южный конец, где располагался вход, был плоским, развернутым в сторону от зимних ветров. Северный конец напоминал сужающийся конус, скрывая под собой погреб для хранения припасов и защищая от кльков ветра. В шести футах над землей, на полфута выше среднего роста взрослого мета, нависало чердачное помещение, где в теплое время года спали щенки. И туда же, в темные углы, убиралась большая часть ненужных вещей. Чердак мог многое рассказать о прошлом стаи Дегнан, будучи хранилищем истории, куда более интересным, чем Летопись. Марика и Кублин провели там немало часов, исследуя тени и вспугивая мелких паразитов, а иногда извлекая на свет сокровища, считавшиеся утраченными или забытыми в течение многих лет.

Пол логова был земляным, утоптанном поколениями лап. Его устилали шкуры, на которых вповалку спали взрослые – самцы к северу, старухи между двумя центральными очагами, самки щенородного возраста к югу, ближе всего к двери. У стен логова лежали дрова, а также орудия, оружие, имущество и съестные припасы, которые не обязательно хранить на холоде. Все это создавало дополнительную защиту от стужи.

Со стропил, поддерживавших чердак, свисали связки еды, шкур и прочих вещей, из-за чего путь через логово становился извилистым и достаточно интересным.

И – запахи! Сильнее всего был густой запах дыма, поскольку зимой, когда тепло ценилось выше всего, дым почти не выходил наружу. За ним следовал запах немывтых тел, свисающих колбас, плодов, овощей. Летом стая Дегнан мало времени проводила в доме, предпочитая провонявшему помещению сон под звездами. Летом взрослые меты с тоской говорили о свободе, которой наслаждаются кочевники Жотака, не привязанные к подобным дурнопахнущим западням для душ. Кочевники считали, что в построенных домах душа оказывается в плену, и укрывались в пещерах или временных палатках из шкур. Но когда со стороны Жотака завывал ледяной ветер, от тоски взрослых не оставалось и следа. Оседлые меты, выращивавшие горстку тощих овощей и злаков и добывавшие в лесах мясо и плоды, которые можно было завялить и засушить, переживали зиму с куда большим уютом, чем их свободные собратья.

– Марика! – рявкнула старая Зертан. – Поди сюда, щена.

Марика вздрогнула, выпутываясь из объятий братьев. Все щенки стаи звали мать ее матери Карка – по имени летучего хищника с невероятно дурным характером. У Зертан были плохие зубы, которые постоянно болели, но она не позволяла их вырывать и отказывалась пить отвар гойина. Она была слегка не в себе от старости и боялась, что, если задремлет, выпив обезболивающего снадобья, к ней подкрадутся давно умершие враги.

Ровесницы за глаза звали ее Релат. Релатом назывался падальщик, который убивал добычу, а потом ждал, когда она протухнет. Из-за гнилых зубов Зертан у нее отвратительно воняло изо рта.

Марика подошла к ней, почтительно склонив голову.

– Сбегай в логово Геррьен, щена. Принеси те иглы, что обещала мне Боргет.

– Да, бабушка.

Марика повернулась, поймав взгляд матери. Как ей поступить? Боргет не стало месяц назад. Да и в любом случае, насколько помнила Марика, та была настолько слаба, что вряд ли смогла бы сделать хоть одну иглу.

Бабка в очередной раз теряла ощущение времени. Скоро она забудет, кого как зовут, и начнет разговаривать с метами, умершими поколение назад.

Скилджан кивнула в сторону двери, давая понять, что следует притвориться послушной.

– У меня тут есть кое-что для Геррьен, раз уж ты все равно идешь.

По крайней мере, поход не пропадет впустую.

Набросив тяжелую доху из шкур и натянув сапоги на меху отека, Марика подождала у двери. Зертан наблюдала за ней, будто некая коварная часть ее разума знала, что повод для похода мифический, но все равно гнала Марику на лютый холод. Только из-за того, что она слишком юна? Или Зертан продолжала цепляться за остатки власти, которая принадлежала ей, когда логово носило ее имя?

Скилджан принесла мешок с каменными наконечниками для стрел, из тех, что использовались для повседневной охоты. Самки ее логова были опытными мастерицами по изготовлению кремневых орудий. В каждом логове меты занимались своим ремеслом, скрашивая долгие зимы.

– Скажи Геррьен, что их нужно насадить на древка.

– Да, мам.

Марика проскользнула сквозь тяжелые занавеси, не дававшие холоду с ревом ворваться в логово, когда открывалась дверь. Она немного постояла, положив лапу на засов, прежде чем шагнуть на мороз. Зертан. Возможно, стоило бы избавляться от сумасшедших старух, а не от щенков, подумала она. От Кублина было намного больше пользы, чем от бабки, давно не вызывавшей ничего, кроме недовольства.

Глубоко вдохнув дымный воздух, она открыла дверь, и в морду ей тут же ударил ветер. Глаза мгновенно заслезились. Опустив голову, она с трудом пересекла центральную площадь. Если поспешить, можно успеть, прежде чем ее начнет бить дрожь.

Логова стаи Дегнан стояли в два ряда по три, один – к северу, другой – к югу, с открытым пространством в пятьдесят футов между ними. Логово Скилджан располагалось посредине в северном ряду, между логовами Дорлак и Логуш. Логово Геррьен было крайним слева от Марики, если стоять мордой на юг. Центральным и правым логовами заправляли меты по имени Фехсе и Кузмик. В жизнь Марики редко вмешивался кто-либо, кроме Геррьен. Геррьен и Скилджан были подругами и соперницами со щенячьего возраста.

Неподалеку от внешних логов проходил частокол с прильнувшими к нему пристройками, дважды описывая спираль вокруг стойбища. Любому незваному гостю, чтобы добраться до цели, пришлось бы пройти по кругу через узкий ход шириной в ярд. В отличие от некоторых соседних стай, Дегнаны не пытались окружить забором также свои сады и поля. Опасность в любом случае грозила зимой. Когда-то при строительстве стойбища решили, что лучше уж попасть в осаду во время выращивания урожая, чем лишиться преимущества, которое давал при обороне более короткий частокол.

Площадь между рядами логов в это время года выглядела пустынной и голой. Летом на ней царил относительно управляемый хаос – засаливалось мясо, дубились шкуры, носились туда-сюда щенки.

Шесть логов. Стойбище Дегнан было самым большим в этой части Верхнего Поната и самым богатым. Соседи им завидовали. Но Марика, всегда мечтавшая о чем-то большем, не чувствовала себя богатой. Чаще всего она пребывала в унынии, ощущая себя обделенной при рождении.

Самцы-торговцы рассказывали про места на юге, называвшиеся городами. Там делали драгоценные железные орудия, которые Мудрые принимали в обмен на шкуры отеков. Там многие стаи жили вместе в логовах, построенных не из бревен, но из камня. Там дыхание зимы было намного легче, а каменные жилища не пропускали внутрь холод. Там по определению должно быть лучше, чем здесь.

Марика с Кублином проводили немало часов, мечтая вслух о том, каково это – жить там.

Торговцы также рассказывали о каменном сооружении под названием «крепость». Оно стояло всего в трех днях пути вниз по течению близлежащей реки, где та соединялась с другой, превращаясь в Хайнлин – реку, что воспета в Летописи как путеводная нить, в древние времена приведшая Дегнанов в Верхний Понат. Торговцы рассказывали о настоящей дороге, которая начиналась ниже крепости и, извиваясь, шла через горы и равнины на юг, к великим городам, названий которых Марика так и не запомнила.

Мать Марики несколько раз бывала в этой каменной крепости. Каждый год обитавшие там великие призывали к себе главных самок стай Верхнего Поната. Скилджан проводила с ними по десять дней. Говорили, будто там совершаются обряды и приносится дань, но Скилджан ни о чем не рассказывала, лишь бормотала себе под нос: «Суки-силты». И на все вопросы отвечала: «Со временем, Марика. Со временем все узнаешь. Не стоит с этим спешить». Скилджан сложно было чем-либо напугать, и тем не менее она, похоже, боялась отпустить туда своих щенков.

Другие щенки, моложе Марики, побывали там прошлым летом и вернулись в восторге, радуясь, что им есть теперь чем похвастаться. Но Скилджан оставалась непреклонна. Они с Марикой уже успели поругаться насчет следующего лета.

Марика вдруг поняла, что остановилась на ветру и вся дрожит. Мечтательница, как насмешливо называли ее охотницы и Мудрые – а иногда, когда им казалось, будто она не замечает, искоса бросали на нее полные неуверенности или страха взгляды. И они были правы. Хорошо, что щенков теперь не пускали в лес. Предавшись мечтам, она вполне могла найти какой-нибудь ранний подснежник или красивый камешек на берегу ручья... И пока она наслаждалась бы их красотой, ее запросто бы сцапал граукен.

Она вошла в логово Геррьен. Внутри оно выглядело почти так же, как и логово Скилджан. Слегка отличались лишь запахи. В доме Геррьен жило больше самцов, и зимой все его обитатели изготавливали изделия из дерева. Хуже всего пахло всегда в логове Логуш. Тамошние меты в основном выделывали шкуры и дубили кожу.

Марика остановилась перед защищавшими от ветра шкурами, ожидая, когда ее узнают. Геррьен сразу же послала щенка выяснить, кто пришел. В этом логове царил намного более расслабленная атмосфера, чем в той, где заправляла Скилджан. Здесь всегда было веселее и радостнее. Геррьен не пугала тяжелая жизнь Верхнего Поната, которую она воспринимала как данность и отказывалась сражаться с будущим до того, как оно наступит. Марика порой жалела, что ее не родила жизнерадостная Геррьен вместо угрюмой Скилджан.

– Чего тебе? – требовательно спросил Солфранк.

Самец был на два года ее старше. И почти готов к обряду посвящения во взрослые, после которого ему предстояло покинуть стойбище и отправиться в странствие по Верхнему Понату в поисках стаи, которая бы его приняла. У него были отличные шансы – образованию и умениям самцов стаи Дегнан могли позавидовать многие.

Солфранк Марике не нравился, и их неприязнь была взаимной, еще с тех времен, когда самец считал, что разница в возрасте дает больше преимущества, чем пол. Он пытался задрать Марикку, но она не собиралась уступать; в ход пошли молодые зубы, и старшему щенку пришлось сдаться. Солфранк не простил ей подобного унижения. Их вражда, известная многим, осталась несмываемым пятном на его шкуре, которое могло помешать поискам новой стаи.

– Меня прислала мама с полусотней наконечников для стрел, которые надо приделать к древкам. – Марика слегка насмешливо оскалилась – мол, только попробуй тронуть! – А бабке нужны те иглы, что обещала Боргет.

Марика вспомнила, что Кублину Солфранк нравился. Когда он не таскался за ней, ошивался в компании щенка Геррьен, заражаясь всевозможными дурными идеями, которые Солфранк нашептывал ему на ухо. По крайней мере, хотя бы Замберлин знал, что тот собой представляет, и относился к нему с должным презрением.

Солфранк обнажил клыки, удовлетворенный очередным свидетельством того, что в логове Скилджан обитают одни чокнутые.

– Ладно, скажу мамаше.

Несколько минут спустя Марика уже сжимала в лапах связку готовых стрел. Геррьен сама принесла маленький кусочек тонкой кожи, в который завернула несколько костяных игл.

– Это иглы Боргет. Скажи Скилджан, что их нужно вернуть.

Иглы были не железные – железо стоило слишком дорого. Но... Марика поняла сказанное лишь тогда, когда снова вышла наружу.

Геррьен не рассчитывала, что Зертан еще долго протянет. Эти несколько игл, когда-то принадлежавших ее подруге – а в совете, как часто бывало, и врагу, – могли доставить ей радость на закате дней. Хотя Марика не любила бабку, на глазах выступили слезы, которые быстро замерзли и начали жечь. Марика раздраженно смахнула их лапой в толстой перчатке.

Ее отделяли от дома всего три шага, когда ветер донес чей-то крик, слабый, далекий и едва различимый. Она никогда прежде не слышала подобного крика, но мгновенно его узнала. То был крик мета, полный отчаяния и боли.

Охотницы стаи Дегнан ушли на промысел, как бывало каждый день в суровые времена. Самцы бродили в окрестностях в поисках валежника. Стоило ждать неприятностей. Марика ворвалась в логово и, не дожидаясь, пока ее узнают, принялась сбивчиво рассказывать.

– Кричали со стороны пещеры Мачен, – закончила она и вздрогнула. Пещера Мачен внушала ей страх.

Скилджан переглянулась с помощницами.

– Наверх, щена, – велела она. – Наверх.

– Но, мам... – Съежившись под яростным взглядом, Марика поспешила наверх по лестнице.

Остальные щенки забросали ее вопросами, но она не обращала на них внимания, обняв Кублина.

– Кричали со стороны пещеры Мачен.

– Это за много миль отсюда, – напомнил Кублин.

– Знаю. – Возможно, крик ей почудился. – Но кричали оттуда. Собственно, я только это и сказала. Я не говорила, что крик донесся из самой пещеры.

Кублин вздрогнул и замолчал. Замолчала и Марика.

Щенки очень боялись пещеры Мачен. И они верили, что их страх небеспочвенный.

III

Была середина лета, время, когда опасность приходилось еще поискать. Щенкам позволялось свободно бегать по лесам и холмам, знакомясь с территорией стаи. Все их занятия и игры подчинялись одной цели – научиться умениям, которые необходимы взрослым, чтобы выжить и вырастить собственных щенков.

Марика почти всегда бегала с однопометниками, особенно с Кублином. Замберлин редко делал что-либо, чего от него не требовали.

Кублин, однако, не обладал выносливостью, силой и отвагой Марики. Порой он ее раздражал. Разозлившись, она иногда пряталась, вынуждая его действовать самостоятельно. Он скулил, жаловался, ворчал, но всегда справлялся, пусть и не слишком быстро. Для его уровня способностей ему вполне хватало.

На северо-востоке от стойбища стояла скала Стапен, причудливый базальтовый выступ, который древние Мудрые объявили имеющим духовное и обрядовое значение. На скале Стапен Мудрые общались с духами леса и оставляли подношения, которые должны были обеспечить хорошую охоту, богатый урожай, сочные ягоды и изобилие чота. Чотом называлось растение высотой до колен со съедобными листьями и плодами, а также жирными сладкими клубнями, которые могли бесконечно долго храниться в темном прохладном сухом месте.

Скала Стапен была главной среди пяти подобных природных святилищ, напоминавших о древних традициях Дегнанов. Остальные четыре посвящались духам воздуха и воды, огня и подземного мира. Всеединому, хранителю древних обычаев, поклонялись в самих логовах.

Пещера Мачен, врата в подземный мир, являлась средоточием темной стороны жизни. Похсит, сагана логова Скилджан, и ей подобные часто бывали в пещере Мачен, умиротворяя тени мертвых и обновляя заклęcia, закрывавшие перед ними врата.

По меркам Поната, Дегнаны не были суеверны, но они не жалели подношений, чтобы отвести пагубное влияние теней. Заклęcia, запиравшие пещеру, всегда были многочисленными и свежими.

Марика забавлялась с Кублином в игру, испытывавшую их отвагу. Требовалось подблизиться к святилищу ближе, чем позволял страх. Робкий Кублин всегда держался рядом с Марикой, когда они бегали по лесам, – если в силу обстоятельств ей приходилось брать его с собой.

Марика играла в эту игру уже третье лето. Однако в то лето, что предшествовало великой зиме, игра перестала быть просто щенячьей забавой.

Как всегда, Кублин не проявлял особого желания. Еще на почтительном расстоянии он заскулил:

– Марика, я устал. Может, пойдем домой?

– Еще даже вечер не наступил, Кублин. Ты что, малыш, которому нужно в постельку? – Внезапно она отвлеклась. – Ого, смотри!

Она заметила среди старых листьев на северном склоне оврага густую поросль чота. Чот лучше всего рос там, где на него меньше палило солнце. Это было короткоживущее растение, которое вырастало, цвело, плодоносило и увядало за тридцать дней. Столь пышная поросль не могла остаться незамеченной. Наверняка она торчала здесь уже многие годы, и все же о ней следовало сообщить. От щенков ожидали докладов о всевозможных находках. Подобные доклады были полезны хотя бы тем, что показывали, насколько хорошо щенки знают территорию.

Марика и думать забыла о пещере, занявшись поисками растений с листьями величиной в две лапы, а не в одну – тех, на которых росли плоды на коротких стеблях, отходивших от сочленений листьев.

– Вон один. Незрелый. И этот тоже незрелый.

Кублин нашел первый зрелый плод, бледное зеленовато-желтое яйцо размером дюйм на полтора, на котором начали проявляться коричневые пятнышки.

– Есть! – Он сорвал плод.

Мгновение спустя Марика нашла еще один. Прокусив в нем дырочку, она высосала пряный кислый сок, затем, расколов скорлупу, извлекла семена, которые тут же закопала. Мякоти в плоде чота было мало, к тому же под самой кожурой она горчила до несъедобности. Щена осторожно срезала лучшую часть маленьким каменным ножом – вытянутая морда и клыки меты не позволяли добраться до мякоти без подручных средств.

Кублин, похоже, намеревался сожрать все росшие на полянке плоды. Марика решила, что он тянет время:

– Пошли!

Она жалела, что с ними не пошел Замберлин – тогда Кублин вел бы себя послушнее. Но Замберлин в этом году бегал с друзьями, а Кублину от этих друзей не было никакого толку, поскольку он не мог за ними угнаться.

Их пути постепенно расходились. Марике это не нравилось, хотя она понимала, что этого не избежать. Через несколько лет они станут взрослыми, и тогда Замби и Куб уйдут навсегда...

Бедняга Кублин. В самце ценится вовсе не ум...

Через ручеек, вверх по склону, через небольшую лужайку, вниз по лесистому склону вдоль ручья пошире и треть мили вниз по течению. Дальше ручей огибал подножие солидных размеров холма, первого в нагорье Жотак. Марика присела в сотне футов от ручья и в тридцати выше его, глядя на тень среди кустов и камней напротив, обозначающую вход в пещеру. Кублин устроился рядом, шумно дыша, хотя она задавала не столь уж быстрый темп.

Порой даже ее раздражало, что ему недостает выносливости.

Солнечные лучи наискосок пробивались сквозь листья, освещая белые, желтые и бледно-красные соцветия. На фоне света и тени перелетали с ветки на ветку крылатые создания, то исчезая, то появляясь. Часть света падала рядом со входом в пещеру, но никак не освещала ее нутро.

Марика никогда не подходила к ней ближе, чем до берега ручья. С того места, где они сейчас сидели, она не могла различить ничего, кроме темного пятна. Даже жертвенника, где оставляли подношения, не было видно.

Говорили, будто меты с юга насмеются над более примитивными собратьями из-за того, что те поклоняются духам, которым они в любом случае безразличны. Даже среди Дегнанов имелись те, кто воспринимал всерьез лишь Всеединое. Но и они участвовали в обрядах на всякий случай. Меты Поната предпочитали не рисковать.

Марика слышала, будто стаи кочевников Жотака проводят некие обряды, согласно которым темные и светлые духи, боги и дьяволы живут в чем угодно. Даже в камнях.

Кублин наконец отдышался. Марика поднялась и, скользя по склону, спустилась к ручью. Кублин неуверенно последовал за ней. Ему было страшно, но он не протестовал, даже когда она перепрыгнула ручей. Он последовал ее примеру, похоже решив хотя бы раз ее превзойти.

Марика посмотрела вверх по склону, и ей стало слегка не по себе. С того места, где она стояла, о существовании пещеры говорила лишь стекавшая сверху по скользкому камню илистая струйка. В некоторые времена года из пещеры изливался поток.

Марика попыталась осознать охватившее ее странное чувство, но не сумела. Казалось, будто она съела нечто неудобоваримое, действующее на нервы. С пещерой Марика это не связывала – находясь поблизости, она никогда прежде не ощущала ничего, кроме страха. Она взглянула на Кублина, которому теперь было скорее тревожно, чем страшно.

– Ну?

Кублин вызывающе оскалился:

– Хочешь, чтобы я пошел первым?

Сделав несколько шагов, Марика снова посмотрела вверх по склону. И ничего не увидела. Кусты все так же закрывали пещеру.

Еще три шага.

– Марика...

Она оглянулась. Кублин был чем-то обеспокоен, но не так, как обычно.

– Что?

– Там что-то есть.

Марика ждала объяснений. Насмехаться над ним она не собиралась – порой он мог сказать о том, чего никак не мог видеть. Как и она сама... Она вновь попыталась разобраться в собственных ощущениях, но не сумела.

Она действительно чувствовала чье-то присутствие. И к пещере это не имело никакого отношения.

– Сядь, – тихо сказала она.

– Зачем?

– Затем, что я хочу пригнуться и заглянуть сквозь кусты. Кто-то за нами наблюдает. И я не хочу, чтобы они знали, что мы про них знаем.

Кублин послушно сел. Марика взглянула над его головой.

– Это Похсит, – сказала она, вспомнив навязчивое безотчетное ощущение, будто за ней следят, – ощущение, заставившее ее вести себя намного осторожнее, чем она осознавала. – Она опять нас преследует.

Кублин ответил так же, как и любой щенок на его месте:

– Мы запросто от нее убежим. Она слишком старая.

– Тогда она поймет, что мы ее видели. – Марика немного посидела, пытаясь понять, почему сагана последовала за ними. Для такой старухи это был тяжкий труд. Никаких разумных мыслей, однако, в голову не приходило. – Давай притворимся, будто ее тут нет. Пошли.

Они прошли всего четыре шага, когда Кублин схватил ее за лапу:

– Там правда что-то есть, Марика!

Марика вновь попыталась почувствовать чужака, но у нее ничего не получилось. Возможно, многое зависело от ожиданий – потому ей и удалось почуять Похсит. На этот раз она ожидала какого-то крупного зверя, непосредственной физической опасности, но ничего такого не ощущалось.

– Ничего не чувствую.

Кублин что-то раздраженно проворчал. Обычно бывало наоборот: Марика пыталась объяснить свои ощущения, к которым он оставался полностью слеп.

Почему Похсит следовала за ними по пятам? Она всегда их недолюбливала и говорила про них маме всякие нехорошие вещи. Марика снова попробовала увидеть старую мету, прибегнув к тому странному чувству, для которого у нее не было даже названия.

В ее разум хлынули чужие мысли. Судорожно вздохнув, она пошатнулась и тряхнула головой:

– Кублин!

Братец не сводил взгляда со входа в пещеру, беспокойно водя носом:

– Чего?

– Я только что... – Она сама толком не знала, что произошло. Ей не на что было сослаться – ничего подобного прежде не случалось. – Кажется, я только что слышала мысли Похсит.

– Ты... что?

– Я слышала, о чем она думает. О нас... обо мне. Она меня боится. Она считает, будто я ведьма или вроде того.

– Ты вообще о чем?

– Я думала о Похсит. О том, почему она нас всегда преследует. Я попыталась ее почувствовать, как мне иногда удается, и вдруг я услышала ее мысли. Я побывала у нее в голове, Кублин. Или она у меня. Я боюсь.

Кублину, похоже, вовсе не было страшно, что удивило Марику.

– И о чем она думала? – спросил он.

– Я же тебе говорила. Она считает меня кем-то вроде ведьмы. Дьяволом или еще кем-то. У нее была мысль попытаться убедить Мудрых, чтобы они... они...

Марика только теперь осознала, о чем думала Похсит. Та была настолько напугана, что хотела Марику убить или изгнать из стаи.

– Кублин, она хочет меня убить. Она ищет доказательства, которые убедили бы маму и Мудрых.

Особенно Мудрых. Набравшись решимости, те вполне могли пойти наперекор воле Скилджан.

Кублин был странным щенком. Столкнувшись с четкой проблемой или серьезной опасностью, он мог выбросить из головы все страхи, полностью сосредоточившись на решении проблемы. Он падал духом лишь тогда, когда угроза оказывалась слишком неопределенной. Марика, однако, не согласилась с тем, как он намеревался разделаться с опасностью, уже начавшей казаться маловероятной.

– Мы заманим старуху на скалу Стапен и столкнем оттуда, – заявил он.

По сути, он предлагал убийство. Вполне всерьез. Кублин вовсе не шутил.

Кублин и Замберлин оказались в той же опасности, что и Марика. Они ее однопометники, и этого достаточно, чтобы их обвинили вместе с ней, если Похсит придумает какой-нибудь фантастический повод и убедит в нем всю стаю. В их жилах текла та же кровь, и они были самцами, не представлявшими особой ценности.

Несмотря на все свое бессилие, Кублин был готов встречать опасность во всеоружии.

На какое-то мгновение Марика испугалась. Он говорил серьезно, словно речь шла о том, чтобы раздавить докучливое насекомое, хотя Похсит была в их жизни всегда. Будучи саганой, она учила их обрядам и в некотором смысле была им ближе матери.

– Даже не думай, – сказала Марика. Она уже почти не сомневалась, что мысленный контакт ей почудился. – Мы пришли посмотреть пещеру.

Они никогда еще не подбирались к пещере столь близко, и впервые Кублин шел первым. Марика обогнала его, утверждая свое превосходство. Интересно, о чем сейчас думает Похсит? Щенков неоднократно предупреждали насчет пещеры Мачен. Марика прошла еще несколько шагов вверх по склону.

Наконец она увидела вход в пещеру, черный, будто пустота среди звезд в ночи, когда заходили все луны. Еще через два шага она присела, приюживаясь к исходившему из темноты дуновению холодного воздуха. От него пахло землей и немного падалью. Кублин уселся рядом.

– Не вижу никакого жертвенника, – сказала она. – Пещера как пещера.

Ничто не свидетельствовало о том, что сюда вообще кто-либо приходил.

– Там правда что-то есть, – пробормотал Кублин. – Непохожее на зверя.

Он закрыл глаза и сосредоточился.

Марика последовала его примеру, думая о Похсит.

И вновь на нее нахлынула ярость, безумная решимость наказать Марику за некое преступление, непостижимое для щенка. За мыслями следовал страх, столь отталкивающий, что Марику затошнило. Пошатнувшись, она почувствовала, как ее сознание ускользает куда-то в темное нутро пещеры Мачен.

Она закричала.

Кублин зажал ей рот лапой:

– Марика! Успокойся! Что с тобой, Марика?

Она не могла произнести ни слова. Там в самом деле что-то было – что-то большое, темное и голодное. Что-то, не имевшее тела. И оно могло быть лишь духом или призраком.

Кублин, похоже, был полностью спокоен. Хотя нет – он боялся, но не настолько, чтобы потерять голову.

Марика вспомнила Похсит, ее необъяснимую ненависть и зловещие намерения и наконец взяла себя в лапы.

– Кублин, нужно отсюда убираться. Пока это нечто нас не заметило.

Но Кублин не обращал на нее никакого внимания. Он двинулся вперед, переставляя лапы, будто во сне.

Если бы за ними не наблюдала Похсит и если бы ее мысли не были столь злобными, Марика ударилась бы в панику. Но опасность на дальнем берегу была вполне конкретной, и это помогло ей сохранить самообладание. Схватив Кублина за лапу, она развернула его к себе. Он не сопротивлялся, но и не отзывался адекватно, пока она не привела его на берег ручья, где глаза его из остекленевших вновь стали нормальными. Несколько мгновений брат не мог понять, где он и что тут делает.

Марика все объяснила, закончив словами:

– Нужно уходить, как будто ничего не случилось.

Это было важнее всего. Похсит как раз и нужно нечто, подобное случившемуся.

Кублин наконец пришел в себя, и весь остаток дня они вели себя так, как и подобает бесстрашным щенкам, оказавшимся на свободе в лесу. Но Марику тревожили сотни вопросов, которые вызывала пещера Мачен.

Что за существо там обитало? И что оно сделало с Кублином?

Он тоже был необычно задумчив.

Именно тогда все началось по-настоящему. Марика, однако, еще долго полагала, что все началось посреди той жуткой зимы, когда она услышала крик мета, донесенный холодным северным ветром.

Глава вторая

I

Расспросив Марику и убедившись, что крик ей не почудился, Скилджан обошла логова и организовала поисковую группу, взяв по две охотницы из каждой. После того как Марика снова рассказала об услышанном, они покинули стойбище. Забравшись на сторожевую вышку, Марика смотрела, как они идут по узкому проходу вокруг частокола, через ворота, а потом вприпрыжку мчатся по заснеженным полям, прямо в клыки ветра.

Ей было страшно, хотя она не могла в том признаться даже себе самой. День клонился к закату, небо затянулось тучами. Близился очередной снегопад, и если охотницы задержатся, их застигнет метель, в которой после наступления темноты могут заблудиться даже самые опытные.

На вышке она пробыла недолго. На морду упали несколько ледяных катышков, обещающая ухудшение погоды, и она вернулась в логово.

Страх и тревога не оставляли ее. В ушах звучал все тот же крик.

В спертom воздухе логова тоже чувствовалось беспокойство. Самцы нервно бродили по своей территории. Старухи с железной решимостью склонились над работой. Даже Зертан взяла себя в лапы и занялась шитьем. Самки помоложе расхаживали туда-сюда, ворча друг на друга. Щенки спрятались на чердаке, где могли чувствовать себя в безопасности.

Марика разделась, аккуратно повесила доху, поставила сапоги неподалеку от огня и взбежала по лестнице. Кублин помог ей забраться на чердак. Замберлина она не заметила, – вероятно, он был где-то с друзьями.

Они с Кублином спрятались в тень подальше от других щенков.

– Что ты видела? – прошептал он.

Марика предлагала ему забраться на вышку вместе с ней, но ему не хватило отваги. Впрочем, несмотря на слабость, Кублин нравился Марике больше всех щенков в логове.

Он тоже любил мечтать. Хоть он и был самцом, ему хотелось примерно того же, что и ей. Они часто сидели вместе, фантазируя о больших южных городах, где когда-нибудь побывают. Кублин строил большие планы. Этим летом или самое позднее следующим он намеревался сбежать из стойбища, когда придут торговцы.

Марика в это не верила. Он был чересчур осторожен и слишком боялся перемен. Когда-нибудь он мог стать торговцем, но лишь после того, как его выгонят из стаи.

– Что ты видела? – снова спросил он.

– Ничего. Небо затянуло тучами. Похоже, будет ледяная буря.

Кублин заскулил. Погодные причуды входили в число бесчисленных кошмаров, преследовавших его без всяких на то причин.

– Похоже, Всеединое сошло с ума, если позволяет такой хаос.

Погоду он не понимал. Она не подчинялась никакому порядку, а беспорядка он терпеть не мог.

Марику беспорядок вполне устраивал. В управляемом хаосе логова беспорядок был обычным делом.

– Помнишь бурю прошлой зимой? Ведь красиво же было.

Стойбище тогда все покрылось льдом. Обледенели даже деревья. Весь мир на несколько часов украсился хрусталем и драгоценными камнями. То было волшебное время, будто в старой сказке, пока не появилось солнце, растопив все драгоценности.

– Было холодно, и нельзя было шагу ступить, чтобы не поскользнуться. Помнишь, как Махр упала и сломала лапу?

Таков уж был Кублин. Он всегда отличался практическим подходом.

– Ты можешь найти их своим... мысленным чутьем? – спросил он.

– Тсс! – Она высунула голову из укрытия. Щенков поблизости не было видно. – Только не здесь, Кублин. Будь осторожнее, прошу тебя. Похсит...

Судя по его вздоху, выслушивать упреки он не собирался.

– Нет, – продолжала она. – Не могу. У меня просто есть ощущение, что они движутся на север. К скале Стапен. Но мы это и так уже знали.

Только Кублин был в курсе ее способности – вернее, способностей. Каждые несколько больших лун с прошлого лета у нее обнаруживались все новые. Помимо того факта, что Похсит следила за ней и ненавидела ее, она понятия не имела, зачем ей скрывать свои таланты. Но – вместе с тем была убеждена, что, если объявит о них, ничего хорошего ее не ждет. Под воздействием Похсит старухи часто бормотали о чарах, колдовстве и тенях, причем отнюдь не одобрительно, хотя у самих имелись тайны, волшебство и секреты, а больше всего у саганы.

Тщательно подбирая слова, Марика расспросила всех щенков стаи, после чего у нее не осталось сомнений, что подобные таланты есть только у нее – и еще немного у Кублина. Это немало ее озадачило. Хоть они и были ненадежными и загадочными, казалось, они вполне естественны и составляли ее неотъемлемую часть.

Размышляя о тайнах, мечтах и историях, которыми делились они с Кублином, Марика вдруг поняла, что им не так уж долго осталось быть вместе. Миновал десятый день их рождения, и с наступлением весны Кублину и Замберлину предстояло проводить больше времени в части логова, предназначенной для самцов. Как и ей – с молодыми самками, сопровождая их на охоте и обучаясь тому, что нужно будет знать, когда она станет взрослой и переберется с чердака в южный конец логова.

Совсем скоро, подумала она. Еще три лета. Может, четыре, если мать сделает вид, будто забыла об их возрасте. А потом свободе придет конец. И все ее мечты умрут.

С достижением зрелости могли появиться и некоторые преимущества – возможность путешествовать дальше от стойбища, побывать в каменной крепости ниже по течению реки. А может, даже отправиться по дороге в города, о которых столько рассказывали торговцы.

Но вероятность на самом деле была невелика. Как бы она за нее ни цеплялась, обещая себе, что так и будет, в глубине души понимала: все это лишь мечты. Охотницы Верхнего Поната оставались там, где родились. И это было печально.

Иногда она по-настоящему жалела, что не родилась самцом, – хотя и не слишком часто, поскольку участь самца была тяжела, а жизнь зачастую коротка, если он вообще выживал в младенчестве. Но только самцы становились торговцами, и только самцы покидали стойбища и бродили где хотели, разнося новости и товары. Только они получали возможность увидеть мир во всей красе.

Говорили, будто у торговцев есть крепости, где никогда не бывают самки, и свои особенные тайны. А также – собственный язык, отличный даже от иного языка, который использовали между собой знакомые ей самцы.

Все это казалось чудом, остававшимся для нее недостижимым. Ей предстояло прожить всю жизнь и умереть в стойбище Дегнанов, как и многим поколениям самок стаи Дегнан. Если ей хватит сил, сообразительности и ума, она может однажды заявить права на это логово и сама выбрать самцов, с которыми хотелось бы спариваться. Но не более того.

Марика съезжилась в тени рядом с Кублином, боясь смертельно унылого будущего. И оба прислушивались к внутренним голосам, пытаясь понять, где же сейчас поисковая группа, которую возглавляла их мать. Марика чувствовала лишь, что они – где-то к северо-востоку от стойбища, двигаются медленно и осторожно.

Хорват, самый старый самец в логове, объявил, что наступила пора ужина. Именно ему доверили таинство, доступное лишь представителям его пола, – следить за временем. Где-то в маленьком глубоком подвале в северной стороне дома, куда вела лестница, хранилось устройство, с помощью которого измерялось время. По крайней мере, так говорили. Никто, кроме самцов, туда не спускался, точно так же как никто, кроме охотниц, не спускался в подвал под южной стороной логова. Марика никогда там не бывала, и ее туда не пустят, пока старшие охотницы не убедятся, что она никому не расскажет об увиденном. «До чего же мы странные и скрытные создания», – подумала она.

Выглянув за край чердака, она увидела, что взрослые не спешат к еде.

– Идем, Кублин. Может, окажемся первыми в очереди.

Скатившись вниз, они быстро схватили посуду. Следом сбежали еще два десятка малышей, сообразив то же самое. Щенки редко успевали первыми добраться до котлов, и зачастую им приходилось довольствоваться объедками, ссорясь между собой, а самым слабым вообще ничего не доставалось.

Марика наполнила чашку и миску, не обращая внимания на неодобрительные взгляды раздававших еду самцов. У них имелаась власть над щенками, и они пользовались ею в полной мере. Поспешив в тень, она жадно набросилась на еду. Метам не были свойственны застольные манеры. Меты быстро набивали животы, стараясь съесть как можно больше, – не было никакой гарантии, что в следующий раз удастся поесть достаточно скоро, даже в стойбищах, где изменчивую судьбу удавалось хоть как-то обуздать.

К Марике присоединился Кублин, гордый собой. Держась в ее тени, он сумел опередить щенков, которые обычно отпихивали его прочь, и наполнил чашку и миску до краев. Он накинулся на еду, словно изголодавшийся зверь – что с ним бывало часто, поскольку он был слишком слаб, чтобы урвать лучшие куски.

– Они страшно беспокоятся, – прошептала Марика, по сути не сообщив ничего нового.

Мысли любого мета, который не бросился за едой, витали сейчас в тысяче миль отсюда.

– Давай возьмем еще, пока они не очухались.

– Ладно.

Марика взяла вторую, достаточно скромную порцию. Кублин снова наложил себе до краев. Сам Хорват попытался, рыча, преградить ему дорогу, но Кублин лишь упрямо пригнул голову, давая понять, что от добычи не откажется. Они вернулись в тень. Марика ела не спеша, но Кублин снова давился едой, возможно боясь, что ее отберет Хорват или кто-нибудь из щенков.

Закончив, Кублин с удовлетворенным ворчанием погладил заметно выпирающий живот:
– Вот так-то лучше. Уф, даже пошевелиться не могу. Чуешь что-нибудь?
– Пока нет, – покачала головой Марика.

Она встала, чтобы отнести посуду к корыту с растопленным снегом. Щенки сами занимались своими мисками и чашками, как самки, так и самцы. Не успев сделать и двух шагов, она поняла, что у нее вновь пробудилось чутье, – возможно, потому, что о нем упомянул Кублин. На ее разум словно обрушился удар. Ничего столь ужасного она не ощущала с того дня, когда почуяла Похсит. Она заскрежетала зубами, сдерживая крик, который привлек бы чье-то внимание, и упала на колени.

– Что с тобой, Марика?

– Тихо! – Если взрослые заметят... если Похсит... – Я... я почувствовала что-то дурное. Будто меня что-то коснулось. Одна из них... одна наша охотница ранена. Сильно ранена.

От боли перед глазами повисла красная пелена, но Марика ничего не могла поделать. Логово будто исказилось, поплыло, превращаясь в нечто нереальное. Столь знакомые очертания теряли резкость. На мгновение она увидела двоих призраков, ярких, но лишенных формы, которые проплыли сквозь западную стену, будто той вообще не существовало. Они кружились, напомнив Марике любопытных щенков. Один поплыл к ней, будто ощутив ее присутствие. А затем жуткое ощущение исчезло столь же внезапно, как ломается сухая ветка. Вместе с ним исчезла и искаженная картина перед глазами. Призраки пропали, хотя ей на миг почудилось легкое как перышко касание – то ли к шерсти, то ли к разуму.

– Они в беде, Кублин. В серьезной беде.

– Надо сказать Побуде.

– Нет, нельзя. Она мне не поверит. Или захочет выяснить, откуда я знаю. И тогда Похсит...

Марика не могла объяснить истинную природу своего страха, но не сомневалась, что он вполне обоснован и тайные способности могут доставить ей немало горя.

Но Кублину объяснения не требовались. Он знал о ее способностях, и страх был ему хорошо знаком. И этого было вполне достаточно.

– Мне страшно, Кублин. Страшно за маму.

II

Поисковая группа вернулась далеко за полночь. Охотниц было девять, среди них пара раненых. С ними пришли две раненые чужие самки и похожий на скелет самец в грязных рваных шкурах. Самец спотыкался и хромал, и часть пути его пришлось тащить охотницам. Ему связали лапы за спиной, но он не съезжился от страха, как знакомые Марике трусливые самцы.

Поскольку группу возглавляла Скилджан, в ее логове столпились Мудрые и взрослые самки из всех домов. Самцы Скилджан освободили им место, удалившись на свою холодную северную территорию. Самые робкие спрятались в подвале. Но Хорват и другие старики остались, наблюдая из-за очага.

Щенки сбежали на чердак, сражаясь за места, откуда можно было наблюдать и подслушивать. Марика была достаточно крупной и пребывала не в духе, к тому же ее репутация была всем знакома, так что она без труда захватила лучшее место для себя и Кублина. Она не могла

отвести взгляда от пленника, который лежал на территории Мудрых под наблюдением саганы и старух.

Скилджан заняла место возле очага охотниц, окидывая взглядом собравшихся, которые постепенно успокаивались, ворча и толкаясь. Марика предположила, что взрослым уже все известно от охотниц, которые, прежде чем прийти к Скилджан, заглянули в свои логова. И тем не менее она надеялась хоть что-то узнать. В этом отношении ее мать всегда была последовательной.

Скилджан терпеливо ждала. Три охотницы стаи Дегнан не вернулись. В воздухе висело напряжение, и она дождалась, когда оно разрядится само собой, после чего объявила:

– Мы обнаружили нору восьмерых кочевников с подветренной стороны скалы Стапен. По пути туда мы нашли следы, указывающие на то, что они наблюдали за нашим стойбищем. Пробыли они там, однако, недолго, иначе мы заметили бы их следы во время охоты. Крик, который слышала и о котором сообщила моя щена Марика, раздался, когда в их засаду угодили четыре охотницы из стойбища стаи Грев.

Послышались ропот и ворчание и стихли не сразу. Марике стало интересно, что скажет мать о соседях-браконьерах, но Скилджан обошла эту тему, сочтя, что достаточно самого факта. Не обратила она внимания и на заявление Дорлак, потребовавшей немедленно выразить протест. Подобный поступок мог повлечь больше неприятностей, чем оно того стоило.

– В засаду попали четыре охотницы стаи Грев, – сказала Скилджан. – Двух убили. Двух мы спасли.

Упомянутые охотницы стаи Грев изо всех сил старались казаться как можно меньше. Дорлак еще не завершила свою речь, хотя никто, кроме них, ее не слушал.

Скилджан продолжила:

– Одну убитую кочевники разделали на мясо.

Послышалось яростное рычание и ворчание, преисполненное едва сдерживаемого гнева и отвращения. А также отчасти ненависти к самим себе, ибо граукен таится под шкурой любого мета. Кто-то швырнул чем-то в пленника. Тот принял удар, даже не дрогнув.

– Наши сестры из стойбища Грев подслушали часть их разговоров, пока были в плену. Как всем нам известно, речь дикарей Жотака трудно понять, но они считают, что группа у скалы Стапен была передовым отрядом. И в его задачу входило выяснить наши слабые места. Они принадлежат к союзу кочевых стай, вторгшихся в Верхний Понат. У них несколько сотен охотниц, и они вооружают самцов. – Она показала на пленника. – Эта группа вся состояла из самцов, причем очень хорошо вооруженных.

Снова раздался злобный ропот и ворчание насчет глупых дикарок, которые дают самцам в лапы оружие. Марику охватил страх. Несколько сотен охотниц? Подобное число трудно вообразить.

«Что стало с другими кочевниками?» – хотелось ей спросить. Но ответ она и так знала. Ее мать была осторожной охотницей и наверняка разведала скалу Стапен задолго до того, как что-либо предпринять. Вряд ли она стала бы что-то делать, пока в точности бы все не разнюхала. А потом она наверняка приказала спутницам обрушить на убежище кочевников град стрел и копий. Судя по тому, что три охотницы стаи Дегнан не вернулись, кочевники были наготове – не важно, самцы или нет.

– Интересно, удалось ли кому-то из кочевников уйти? – прошептала она, но тут же добавила: – Нет. Иначе мама бы их до сих пор преследовала.

Она чувствовала, как рядом дрожит Кублин. Возможно, дрожала и она сама. Новости были очень, очень дурными. Слишком много крови. Кочевники могли успокоить совесть, объявив кровную месть, и не имело никакого значения, что они сами виновны в десятке жестоких преступлений. Меты Жотака мыслили не так, как нормальные меты.

Происходившее внизу напоминало хаос. У главы каждого логова имелось свое мнение насчет дальнейших действий. Горячие головы предлагали с утра бросить все силы на охоту на кочевников, прежде чем те доберутся до стойбища. Более осторожные выступали за то, чтобы заняться укреплением частокола, забыв об обычных поисках валежника и мелкой дичи. Некоторые колебались, бросаясь из одной крайности в другую. Поскольку Геррьен не высказывала определенной позиции, а просто слушала, вряд ли решение примут быстро.

Дорлак выкрикнула предложение вооружить самцов внутри частокола, чего никогда раньше не бывало, кроме как в самых крайних случаях. Самцам нельзя было доверять оружие из-за их переменчивого настроения и трусости. Они могли пуститься в бегство от собственной тени, лишив стойбище драгоценных железных орудий, или в панике наброситься на охотниц. Дорлак в конце концов заткнула пасть.

Так продолжалось, пока Марику не начало клонить в сон. Рядом с ней дремал Кублин. Щенки помоложе ушли на свои подстилки. Скилджан не вмешивалась в обсуждение, лишь иногда призывая к порядку.

После того как все доводы повторились по несколько раз и меты основательно устали, Геррьен подняла лежавшую на лапах голову и окинула взглядом сородичей. Она встала, и наступила тишина.

– Мы допросим пленника. – Но это и так было ясно – иначе зачем Скилджан его притащила? – И отправим посланницу в крепость силт.

Сон с Марики как лапой сняло. Со стороны Мудрых послышалось негромкое рычание. Похсит попыталась подняться, но ее подвела собственная немощь.

– Проклятые ведьмы-силты, – услышала Марика ее ворчание.

Несколько охотниц повторили эти слова. Возник ропот.

Марика ничего не понимала.

– Они каждый год берут дань, – не унималась Геррьен. – А в некоторые годы забирают наших щен, в ответ обещая защиту. Мы слишком долго им платили. Пора возвращать долг.

Некоторые заворчали. Многие лязгнули зубами. Что-то происходило, но что именно, Марика понять не могла. Нечто на грани взрослого таинства.

Скилджан призвала к тишине, и ее послушали.

– Мне неприятно это признавать, но Геррьен права. Против нескольких сотен охотниц и вооруженных самцов не устоит никакое стойбище. Частокол нас не защитит, даже если мы вооружим собственных самцов и старших щен. Это не набег мстителей, не сведение счетов, даже не кровная месть между стаями. Отражать нападения по-старому не получится. Мы не можем просто запереть ворота и переждать. Сотни врагов – это слишком много.

– Сперва допросим самца, – потребовала Дорлак. – Мы не можем позволить себя одурачить. Возможно, то, что слышали охотницы стаи Грев, – обычная ложь, которую только и можно ждать от этих негодяев-самцов!

Ее поддержали еще несколько охотниц. Скилджан и Геррьен переглянулись. Геррьен слегка кивнула, и Скилджан согласилась:

– Мы не станем никого посылать, пока не допросим пленника.

У Дорлак был такой вид, будто она вышла победительницей в крупном сражении. Марика, однако, наблюдала за Похсит, которая о чем-то совещалась со своими приспешницами среди Мудрых.

– Можно поступить двояко, – продолжила Скилджан. – Мы можем разослать гонцов во все стойбища Верхнего Поната и собрать стаи воедино, как поступали наши праматери, занимая эту территорию. Или мы можем позвать помощь со стороны, чтобы отразить внешнюю угрозу. Даже дураку ясно, что стаи в это время года не собрать. Мудрые и щенки погибнут в пути, а если начнется снежная буря, это может стоить жизни целым стаям. Не говоря уже о том, что собираться негде. Старая крепость в скалах Морвейн превратилась в руины еще во

времена моей прапрабабки. В такую погоду ее не отстроить, учитывая, что охотницы Жотака наступают нам на пятки. На восстановление в любом случае потребовались бы годы, как и в давние времена. Так что единственный возможный вариант – обратиться за помощью к силтам.

Следом от имени своей группировки среди Мудрых высказалась Похсит. Она резко осудила силт и упрекнула Скилджан и Геррьен за то, что вообще предложили с ними связаться. В этом, с ее точки зрения, не было никакой необходимости. Ясно было, что она пытается принизить Скилджан в глазах соседей.

Но сагана говорила вовсе не от имени всех Мудрых. Против нее выступила Саэтл, наставница логова Скилджан, и они с саганой едва не подрались – подругами они точно не были. Марика опасалась, что сейчас полетят клочья шерсти. И возможно, так бы и случилось, не будь здесь пленника, напомнившего всем о вполне реальной внешней угрозе. Страх перед кочевниками обуздал эмоции, не дав им вырваться наружу.

Кем были эти самые силты? Ну да, меты, жившие в крепости ниже по течению, у слияния двух рек. Но что в них было такого ужасного? Почему некоторые Мудрые так их ненавидели? У Похсит, похоже, они вызывали не меньшую злобу, чем сама Марика.

Не боялись ли они, что силты лишат их власти? Вполне возможно.

– Мы в ловушке! – вдруг взвизгнула старая Зертан. – Между граукеном и Всеединым! Я вас предупреждала, всех предупреждала. Не скупитесь на обряды, говорила я. Но вы меня не слушали.

Слова ее застигли всех врасплох, но лишь на мгновение. Бабка говорила в пустоту. Даже ровесницы не обращали на нее внимания. На долю секунды Марике стало ее жаль. Стоило ли прожить столь долгую жизнь и состариться, чтобы на тебя было всем наплевать в логове, где ты когда-то правила?

Марика тут же подавила охватившие ее чувства. Лучшие дни Зертан давно остались позади. От ее былых ума и силы ничего не осталось. Ей стоило бы тихо уйти на покой, вот только среди метов никто никогда не уходил сам. Их отталкивали на обочину жизни, так же как до этого они пытались оттолкнуть других, и выживали сильнейшие.

И что в этих условиях делать таким, как Кублин, обладавшим выдающимся умом, но слабым физически? Марика знала, что Кублина давно бы уже не было в живых, не оказался он на порядок умнее остальных щенков. Его интеллект во многом восполнял телесную слабость, и многих неприятностей ему удавалось избежать путем переговоров.

Внизу продолжалось яростное обсуждение, но решение, по сути, уже приняли. Пленника допросят, после чего отправят в крепость посланницу. До ее возвращения все должны оставаться внутри частокла, незамедлительно сократив расход еды и топлива, хотя запасов и того и другого вполне хватало. В каждом логове намеревались вскрыть потайные склады оружия и подготовить его к бою. Стая планировала по возможности переждать набег кочевников, надеясь, что либо голод подтолкнет их к поискам более легкой добычи, либо крепость пришлет помощь. Предстояли тяжелые решения.

Тяжелые решения. Такие, к примеру, как избавить стаю от лишних ртов, выгнав за частокла стариков, а также самых слабых и юных щенков. Марика вздрогнула.

А потом она заснула, хотя была полна решимости не смыкать глаз, пока не уйдут последние представители других логов.

III

Пещера Мачен всерьез заинтересовала Марику и Кублина, и они часто туда наведывались. Каждый раз, пользуясь преимуществами юного возраста, они изводили Похсит, бегая длинными кругами, часто до самого берега реки Хайнлин, прежде чем вернуться к пещере через холмы и леса. Сагана могла бы выследить их по запаху, если бы ей хватило сил, но после

пяти миль бега по неровной местности старые лапы начинали ее подводить. Похсит, хромая, возвращалась в стойбище, мрачно стиснув зубы. Она жаловалась и ворчала в кругу Мудрых, но не осмеливалась в чем-либо обвинить щенков перед их матерью, даже в том, что загнали ее до изнеможения. Все равно к этому отнеслись бы как к обычной щенячьей дерзости.

Похсит знала, что над ней измываются, и Марика с Кублином тоже знали, что она об этом знает. То была жестокая щенячья игра. Кублин не раз предлагал поступить с ней еще более жестоко, но Марика отказывалась воспринимать его всерьез.

Похсит так и не догадалась, что они бегают к пещере Мачен. Иначе она пошла бы туда и подождала, и увиденное наверняка бы ее обрадовало.

То, что чуял Кублин, сперва оставалось в пещере или около нее. Там всегда чувствовалась зловещая атмосфера, хотя щенки так и не выяснили ее причину.

Само существование этого загадочного нечто помогало им раскрыться в полной мере. Марика открывала у себя все больше и больше необъяснимых и непредсказуемых способностей. Она обнаружила, что может узнать местонахождение любого, кто был ей знаком, сосредоточившись и пытаясь дотянуться до него силой мысли. А иногда она могла уловить обрывок мысли, сосредоточившись на желании узнать, что на уме кого-то, кто у нее перед глазами.

Новые способности ее пугали, и тем не менее она начала ими пользоваться.

Наверняка нечто подобное и злит Похсит, подумала Марика. Но почему Похсит так желает ее смерти?

Их рыскания по лесам и холмам в то лето были окрашены в грустные ностальгические нотки – они знали, что это последний год, когда они могут свободно бегать. Близилась пора взросления со всеми ее обязанностями и запретами.

После того как земля в достаточной степени просохла, чтобы ее можно было возделывать, Дегнаны начали весенние посадки вокруг частокола. Земледелие в Верхнем Понате зародилось совсем недавно. Меты выращивали одну разновидность злаков, привезенную с севера торговцами всего поколение назад, и несколько тощих полудиких корнеплодов. Меты питались в основном мясом, поскольку происходили от хищников, и только начинали переходить к всеядности. Растительная пища была лишь дополнением, позволявшим легче пережить зиму.

Землю обрабатывали самцы и щенки. Двое самцов тянули раздвоенный плуг с закаленным на огне лезвием. Почву вспахивали на глубину всего в несколько дюймов. Щенки проводили большую часть времени за прополкой.

Лето становилось напряженной порой для охотниц – в Верхнем Понате меты не держали домашних животных. Источником мяса была исключительно добытая дичь.

Их собратья на юге пасли мясные стада. Несколько стай пытались разводить на севере обмененных у торговцев животных, но тем не хватало выносливости, чтобы выжить зимой.

Торговцы предлагали в самые суровые месяцы держать животных в логовах, но охотницы лишь усмехались, услышав подобную глупость. Делить логово со зверями! Торговцы показывали, как построить многоэтажное логово, оставив нижний уровень для животных, которые согревали бы теплом своих тел верхние уровни. Но подобная перемена была чересчур резкой, а к переменам меты Верхнего Поната относились с немалым подозрением.

И уж тем более они подозревали в чем угодно торговцев, поскольку те даже отдаленно не вели себя так, как положено самцам.

Несмотря на все это, больше всего весной ждали именно прихода торговцев, которые приносили с собой новости о событиях в мире, невероятные истории и драгоценные товары на обмен. Каждый год они путешествовали вдоль берега реки Хайнлин – иногда лишь несколько метров, тащивших товар в мешках на спине, иногда целый караван с вьючными животными. Их численность зависела от того, что заказали прошлым летом Мудрые каждой стаи.

Марика и Кублин, будучи мечтательными натурами, ожидали их с еще большим нетерпением, чем сородичи. Они забрасывали пришельцев десятками тысяч вопросов, и те, похоже, нисколько не возражали, сопровождая ответы удивительными рассказами. Некоторые казались столь невероятными, что Марика обвиняла торговцев во лжи, и это еще больше их веселило.

В год пещеры Мачен торговцев ждали с особенным нетерпением, поскольку Саэтл заказала для стойбища новую книгу. И всю зиму охотницы дома Скилджан ставили капканы на отеков, чтобы добыть достаточно шкур для оплаты. Снег сошел, началась вспашка полей. Близились пора соединения большой и малой лун. Все с трудом сдерживали волнение. Вместе с приходом чужеземцев приближалось время и весенних обрядов.

Но торговцы не пришли.

Пока они опаздывали на несколько дней, никто не беспокоился. Когда пронеслись недели, меты заволновались, и между стойбищами побежали гонцы, спрашивая, не видел ли кто торговцев. Особенно росла тревога среди тех стай, которые заказывали товары, без которых трудно выжить зимой.

С большим опозданием, но торговцы все же появились, никак не объяснив причин случившегося. Они были не столь дружелюбны, как раньше, вели себя суетливо и раздражительно. В большинстве стойбищ они задерживались лишь на несколько часов, прежде чем двинуться дальше. Ни новостей, ни рассказов почти не было.

Одна группа торговцев заночевала в стойбище Дегнанов – все знали, что оно из числа самых уютных и гостеприимных. Торговцы рассказали несколько историй у костра на площади посреди стойбища, как бы в оплату за прием, но все чувствовали, что душа у них к этому не лежит.

Марика и Кублин приперли к стене старого торговца, которого видели каждый год с тех пор, как себя помнили. Он успел с ними подружиться и даже выучил их имена.

– Что случилось этим летом, Хронен? – без всякого стеснения спросила Марика. – Почему вы так поздно? И почему вы все такие печальные?

Старик был не столь мрачен, как остальные. Собственно, он и нравился им больше других потому, что сохранил веселый нрав, свойственный щенку. Что-то похожее промелькнуло в нем и сейчас.

– Это все большой мир, щенята. Большой мир. Затеваешься нечто странное. И кое-что дотянулось аж сюда.

Марика ничего не поняла, о чем и сказала.

– Представь себе, малышка, будто наше братство – стая, простирающаяся по всему миру. А теперь вспомни, что бывает, когда у вас в стойбище поссорятся логова. Так вот, логова братства тоже поссорились, и всерьез. Все боятся того, что это может означать. Нам всем не терпится завершить сезон и вернуться, пока что-нибудь не случилось в наше отсутствие. Понимаешь?

Оба щенка все прекрасно поняли. Скилджан и Геррьен часто объединялись против других глав логов. Даже в логове Скилджан водились отдельные группировки, особенно среди Мудрых. Старухи постоянно строили интриги, вступали в перепалки, обманывали друг друга – чисто ради забавы. Они были слишком стары, чтобы развлекаться иначе.

К Марике, Кублину и старому торговцу подошла Скилджан и обратилась к нему по имени, а в ответ на удивление щенков призналась:

– Я знаю Хронена много лет. С тех пор, как он был всего на год старше Кублина.

– С тех пор, как я присоединился к торговцам, – кивнул Хронен.

– Ты из стаи Дегнан? – спросила Марика.

– Нет. Я родом из Ласпов. Мы с вашей мамой встретились у реки, когда нам было столько же лет, сколько вам. Она пыталась воровать ягоды у Ласпов, а я ее поймал. Здорово мы тогда поцапались!

Марика перевела взгляд с торговца на Скилджан и обратно. Ей редко приходило на ум, что мать тоже когда-то была щеной.

– Опять ты врешь! – прорычала Скилджан. – Я думала, через столько лет ты все-таки осознаешься, что забрался на территорию Дегнанов.

– Через столько лет я до сих пор могу найти тот ягодник и показать, что он на территории Ласпов.

Марика поняла, что мать злится, и попыталась сообразить, как ее успокоить, но вновь заговорил Хронен.

– Теперь это уже не важно, – сказал он и добавил, обращаясь к Кублину: – Она всегда недовольна, когда самцы не скулят и не съеживаются при виде ее оскаленных клыков. – Он снова повернулся к Скилджан. – Ну так что, старая моя соперница?

– Я слышала, что ты говорил щенкам. Если нечто так встревожило ваше торговое братство, то оно может отразиться и на моей стае. Мне тут подумалось – может, посоветуешь что-нибудь полезное?

– Да, – кивнул Хронен. – Естественно, кое о чем я говорить не могу, но почему бы не дать совет? – Немного подумав, он продолжил: – Советую позаботиться о защите. Зима может оказаться суровой. Я бы посоветовал потратиться на лучшие железные наконечники для стрел, ножи и топоры.

– Ты слишком дорого их продаешь.

– Я ничего не продаю. Я лишь говорю, как, по моему мнению, поступила бы разумная охотница, зная то, что известно мне. Можешь пренебречь моими словами, как ты часто поступаешь. Можешь также воспользоваться моим предложением насчет покупки. А можешь сделать свои наконечники и прочее из камня, как в старые времена.

– Ты всегда любил съязвить.

– Мне всегда были не по душе манеры и убеждения охотниц и Мудрых Верхнего Поната. Что хорошего в том, чтобы цепляться за старые обычаи и ложные верования?

Скилджан оскалилась, но Хронен даже не дрогнул, как мог бы любой самец стаи Дегнан.

Отношение стаи к орудиям и оружию торговцев озадачивало Марику. Они намного превосходили качеством каменные, но редко использовались. Каждое лето Мудрые и охотницы покупали топоры, наконечники для стрел, длинные и короткие ножи и даже иногда железные лемеха для плугов – все, что могли себе позволить. И почти всегда приобретения отправлялись в кладовую – их считали слишком ценными, чтобы ими рисковать.

Какой в том смысл?

В то лето Скилджан и Геррьен обменяли все шкуры отеков на обработанное железо.

И тем же летом на жизненный путь Марики пала еще одна тень завтрашнего дня.

Глава третья

I

Вокруг логова бушевала метель, яростно вздымая снежные щупальца. Спор внизу все еще продолжался, хотя былой его запал основательно иссяк. Большинство пришлых охотниц разошлись по логовам, остались лишь некоторые – исключительно из-за своего извращенного упрямства.

Марика только что проснулась там же, где ее сморил сон, когда старая Саэттл покинула собрание и подошла к подножию лестницы.

– А ну-ка, щенята, спускайтесь, – позвала она. – Пора за уроки.

– Сейчас? – переспросила Марика.

– Да. Давайте-ка вниз.

Дрожа от холода, щенки постарше, которым уже полагалось учиться, соскользнули с лестницы и пробрались мимо все еще ворчавших взрослых. Саэттл усадила их на стороне самцов, распределив по возрасту и уровню знаний, и принесла книги.

Книг было шесть – самое ценное имущество логова. Некоторые много раз переписывались, за что приходилось отдавать немало шкур отеков, а некоторые были более новыми.

Стая, а особенно обитатели логова Скилджан, гордилась своей грамотностью. Даже большинство самцов стаи Дегнан учились читать, писать и считать. Хотя об этом мало кто задумывался, грамотность оказывалась весьма полезной, помогая самцам Дегнанов выжить после того, как их изгоняли из стойбища. Благодаря своим познаниям они становились желанными гостями в других стойбищах Верхнего Поната.

Марика давно заметила, насколько важен для учебы побудительный мотив. Щенки-самцы скучали на уроках так же, как и большинство юных самок. Но по мере того, как приближалась пора взросления и весенних обрядов, после которых их изгоняли из стойбища, отправляя на поиски новой стаи или на смерть, интерес их рос в геометрической прогрессии.

Главной составляющей обучения была Летопись, история стаи, начиная с ее легендарного основателя Богнана, самца-одиночки, который похитил самку и стал основателем рода. Это случилось много столетий назад далеко на юге, еще до долгого путешествия в Верхний Понат.

Как заверяли молодняк Мудрые, история эта – полностью мифическая и совершенно невероятная, поскольку ни один самец не осмелился бы на подобное. Да он и не сумел бы, будучи менее умным, более слабым и не столь уравновешенным, как самки. Зато этой историей забавно было пугать чужаков. У каждой стаи имелись свои негодяи среди предков, которые становились предметом гордости после того, как скрывались в тумане веков.

В логове Скилджан было шесть книг – почти столько же, сколько во всем остальном стойбище. А у стаи Дегнан их имелось больше, чем у всех остальных стай Верхнего Поната. Хоть их стойбище и выглядело основательно потрепанным, оно являлось центром культуры и знаний. Иногда летом другие стаи посылали избранных щен на обучение к Дегнанам, благодаря чему устанавливались дружеские отношения и формировались союзы, а Дегнаны укрепляли свое положение главной стаи в округе.

Марика гордилась, что родилась в столь важной стае.

Уроки закончились, утро было в самом разгаре. Яростное возбуждение прошлой ночи несколько улеглось, но самые упорные все еще не сдавались. Из других логов вернулись отдохнувшие охотницы, и все они были еще больше не в духе, чем вчера.

Пленник, которого страх окончательно лишил сил, заснул. Никто не обращал на него внимания – охотницы с полным безразличием перешагивали через него и ходили вокруг. Марика подумала, не забыли ли о нем вообще.

Все же удалось прийти к некоторому согласию. На сторожевой вышке выставили часовых из старших щенков. Большая часть взрослых, не особо заинтересованных в таком важном задании, занялась подготовкой к возможной осаде.

Из кладовых извлекли столь долго хранившиеся без дела драгоценные железные орудия. Немало любовного внимания уделялось лезвиям топоров и ножей. Стрелы увенчались устрашающими железными наконечниками с множеством шипов. Марика отметила, что наконечники закреплены с расчетом на то, чтобы бить горизонтально, а не вертикально, как на охотничьих стрелах. Ребра метов «шли» параллельно земле, а не перпендикулярно.

Быстро изготавливались новые, более грубые стрелы, а также копья. Из палок с обожженными на огне острыми концами смастерили десятки дротиков. Старшим щенкам показывали основные приемы боя. Даже самцы, когда не были заняты чем-то другим, упражнялись с копьями, дротиками, орудиями и ножами.

Пользуясь положением главы логова, Скилджан при поддержке Геррьен и большинства Мудрых стаи Дегнан завершила нескончаемые дебаты и выгнала из своего жилища всех посторонних.

Мудрые стаи действовали сообща в большей степени, нежели охотницы. Они давали советы, которые, принимаясь почти единогласно, обретали силу приказов. Если раньше каждый вел себя кто во что горазд, то теперь приготовления стали упорядоченными и организованными – настолько, насколько это вообще было возможно для метов.

Именно Мудрые первыми велели всем немного поспать, чтобы эмоции слегка поостыли.

Проснувшись, Марика почувствовала, что ей несколько не по себе. Кублин беспокойно ерзал во сне, прижавшись к ней. Что не так? В наэлектризованном воздухе ощущался странный запах... Боли. И страха. Как тогда, когда охотницы искали источник услышанного ею крика.

Снизу раздался новый крик – близкий и настоящий. Марика и Кублин протолкались к верху лестницы, что не вызвало восторга у уже столпившихся там щенков.

Шел допрос пленника. Похсит держала его лапу над очагом. Другая Мудрая сидела возле его головы, раз за разом негромко повторяя один и тот же вопрос. Он не отвечал, лишь выл, когда Похсит совала его лапу в раскаленные угли.

У щенков эта картина не вызывала ни ужаса, ни отвращения – лишь любопытство. Они сражались за лучшие места у края лестницы, и Марика опасалась, что кого-нибудь столкнут в дыру.

Пытка продолжалась.

– Им все равно ничего из него не вытянуть, – прошептала Марика.

Кублин кивнул – он тоже это чувствовал.

Марика внимательно взглянула на брата. Казалось, его нервы на пределе – как и у нее самой. Она не ощущала боли пленника, но улавливала запах страха и отчаяния, источаемый измученным разумом. И она не знала, как от него избавиться.

Похоже, то же самое происходило и с Кублином.

Похсит подняла взгляд и посмотрела на них, осердив клыки в беззвучном, но многообещающем ворчании. Кублин прижался к Марике, и она почувствовала, как брат испуганно дрожит.

Ей вовсе не требовалось проникать в мысли саганы, чтобы понять, о чем та думает.

– Спускайтесь, щенята, – позвала их Побуда, вторая в логове после Скилджан. – Есть работа.

Словно массивная скала, она стояла неподвижно, пока щенки суетились вокруг, с нетерпением ожидая, когда им дадут какое-нибудь важное поручение. Ведь дадут же – судя по ее тону и словам. Она обращалась к ним, как охотница к охотницам:

– Марика, Кублин – бегите к Хорвату.

– К Хорвату? Но...

Лапа Побуды врезала Марике по уху. Марика промчалась мимо лежавшего без сознания пленника и его мучителей. Они с Кублином подождали разрешения у границы территории Мудрых, а когда Саэттл им кивнула, подошли к очагу самцов, где Хорват, недовольно ворча, возился с очередным усовершенствованием. Воронка из шкур, которая должна была собирать дым, направляя его по тонкой глиняной трубке, настолько обгорела и закоптилась, что готова была сломаться, вместо того чтобы гнуться.

– Хорват, Побуда нам сказала... – начала Марика.

– Идите к Блазу.

Они нашли молодого самца, который пришел в стаю всего два года назад.

– Ага, – сказал он. – Хорошо. Идем. – Он повел их в кладовую. – Тут слишком темно. Кублин, принеси фонарь.

Марика, нервничая, ждала. Она не заходила в эту часть логова с тех пор, как была слишком маленькой и несмышленной. Все правила шли прахом...

Появился Кублин с масляным фонарем. Блаз взял его и протолкнулся через закрывавшие вход шкуры. В кладовой было прохладно и темно. И всякой всячины в ней обнаружилось еще больше, чем на чердаке.

Но там было аккуратно прибрано, что вполне соответствовало любви Хорвата к порядку. Блаз ходил вокруг, внимательно разглядывая содержимое кладовой. Марика смотрела во все глаза. Самец вернул фонарь Кублину, после чего начал складывать кожаные мешочки и запечатанные глиняные сосуды в лапы Марике:

– Давай отнеси это к очагу.

Слегка раздраженная его тоном, Марика послушалась. Блаз последовал за ней, неся свой груз. Аккуратно сложив принесенное, он усадил щенков, после чего дал Кублину и Марике по ступе с пестом. Устроившись между ними и обхватив ногами котелок, он достал нож.

Марика ошеломленно уставилась на него. Котелок был медным, а нож железным.

Открыв кожаный мешочек, он достал керамической ложкой горстку сухих толченых листьев и высыпал их в ступу Марики:

– Растолки в порошок. Мне нужно десять раз по столько же.

Марика занялась скучной работой. Блаз повернулся к Кублину, и в его ступку тоже отправились сухие толченые листья, но другие, от которых тотчас пошел острый запах.

– И ты тоже – десять раз по столько же, Кублин.

Марика вспомнила, что Скилджан приняла Блаза за то, что он разбирался в травах и другом подобном намного лучше Похсит.

Но чем они занимались?

Блаз принес несколько предметов, которые у Марики ассоциировались лишь с приготовлением еды. Сито. Разделочную доску. Терку. Поставив терку в котелок, он срезал восковую печать с глиняного сосуда и извлек несколько сморщенных, похожих формой на мета корней, которые растер в котелке. Запахло горечью.

– Достаточно, Марика. – Взяв у нее ступку, он высыпал ее содержимое в сито и выбросил в очаг крупные комки, которые добавили травянистый аромат к тысячам населявших логово запахов. – Еще девять порций. А у тебя как дела, Кублин? Да, отлично. Высыпай сюда. Хорошо. С тебя тоже еще девять.

– Тебе не страшно, Блаз? – спросила Марика, видя его странное спокойствие.

– Я такое уже повидал. Когда я был еще щенком, наше стойбище осадили кочевники. Они свирепы, но ума им недостает. Стоит убить нескольких, и они убегут, а вернутся лишь тогда, когда съедят своих мертвецов.

– Брр... отвратительно.

– Не более отвратительно, чем они сами.

Закончив растирать коренья, он отложил терку, снова просеял содержимое котелка и взял разделочную доску. На этот раз в открытом им сосуде оказались мертвые насекомые величиной с последний сустав самого маленького пальца на лапе Марики. Разрезав каждое вдоль и поперек, он соскреб кусочки в котелок. Покончив с насекомыми, он открыл очередной сосуд, в котором, как сперва показалось, содержалась лишь молочного цвета жидкость. Однако, вылив ее в котелок, он вывалил на доску несколько десятков жирных белых личинок.

– Что мы делаем, Блаз? – поинтересовался Кублин.

– Яд. Для наконечников стрел, копий и дротиков.

– Ого! – Марика едва не выронила пестик.

– Сейчас он безвреден, – усмехнулся Блаз. – Если не считать их. – Он показал на личинок, которых осторожно резал на куски. – Все это нужно будет долго варить на медленном огне.

– Мы никогда не пользовались ядами, – заметил Кублин.

– Когда кочевники в последний раз явились в стойбище стаи Дегнан, меня тут не было, – ответил Блаз.

Марике послышалось в его словах некоторое высокомерие.

– Тогда тут никого из нас не было, – возразила она. – Это было еще в те времена, когда всем заправляла бабушка.

– Тоже верно. – Блаз вскрыл очередной сосуд с личинками, а потом еще один.

Кублин и Марика закончили толочь листья. Блаз резал личинок, пока до краев котелка не осталось меньше трех дюймов. Отнеся котелок к подготовленному Хорватом треножнику, он подвесил его над огнем и подозвал щенят.

– Сейчас разожгу огонь, – сказал он. – А вы будете его поддерживать, чтобы он оставался таким же. – Он сунул в котел длинную деревянную ложку. – И помешивайте каждые несколько минут. Иначе насекомые стремятся всплыть, а личинки – утонуть. И старайтесь особо не дышать паром.

– Как долго? – спросил Кублин.

– Пока не будет готово.

Марика и Кублин страдальчески переглянулись. Щенкам всегда поручали самую занудную работу.

У другого очага охотницы и Мудрые все еще пытались вытянуть из пленника хоть что-нибудь полезное, но тот все так же отказывался говорить. Из-за постоянно входящих и выходящих мет в логове заметно похолодало.

– Похсит, похоже, просто наслаждается, – заметила Марика, помешивая яд и мысленно повторяя его формулу.

Она опознала все ингредиенты, и ни один не был особой редкостью. Когда-нибудь эти познания пригодятся.

Взглянув на Похсит, Кублин судорожно сглотнул ком в горле и сосредоточился на огне.

II

Шло время. Орудия затачивались, превращаясь в оружие. Изготавливались грубые дробтики, копья и стрелы. Самцы и старшие щенки день за днем упражнялись с еще более грубым оружием. Первоначальная лихорадочная суэта постепенно утихала, поскольку ничего так и не произошло. Дозорные не обнаружили признаков неминуемой атаки кочевников. И вообще никаких их следов.

Не миновал ли кризис, не успев начаться?

Пленник издох, не рассказав ничего интересного, – как Марика и ожидала. Охотницы выволокли его наружу и зашвырнули за частокол, где он и валялся в снегу перед воротами, безмолвный и изувеченный. Как предупреждение.

Марика жалела, что ей так и не представилась возможность поговорить с пленником. О землях за пределами Жотака она почти ничего не знала.

Вынужденное заточение злило охотниц, хотя их беспокойство во многом было надуманным. Зимой им зачастую приходилось и дольше оставаться в стойбище. Возникали споры насчет того, стоит ли открывать ворота. Мороз пожирал запасы дров.

Скилджан и Геррьен держали ворота на замке.

Погода будто вступила с ними в сговор.

Заступив на пост на сторожевой вышке, Марика не увидела ничего из того, что рассчитывала увидеть. Она пробыла там недолго, но успела замерзнуть. Все вокруг покрылось слоем предательского льда. Самцы, не занятые другими делами, расчищали снег и возводили помосты за частоколом, чтобы охотницы могли метать оттуда оружие. Некоторые пытались откалы-

вать камни от груди, хранившейся на случай возможного набега, но это давалось им нелегко – ледяная буря превратила грудь камней в подобие айсберга.

Ближе к вечеру стоявший на вышке Кублин поднял тревогу. Охотницы решили, что это лишь игра воображения взбалмошного щенка, к тому же самца. Но все же две охотницы взобрались на вышку, которая скрипела и покачивалась под их весом, как уже бывало во время прежних ложных тревог.

Кублин, однако, вовсе не стал жертвой собственного воображения, хотя и не сразу убедил охотниц, что он в самом деле увидел опасность. Он отличался весьма острым зрением. Как только он убедил охотниц, те отправили его восвояси, и щен вернулся в логово, где оказался в центре непривычного для него всеобщего внимания.

– Я видел дым, – гордо объявил он. – Много дыма, далеко.

– В какой стороне? – тут же принялась расспрашивать Скилджан. – Как далеко? Насколько высоко он поднимался? Какого он был цвета?

Кублин сбивчиво отвечал, растерявшись от вала вопросов. Волнение в логове нарастало – чем дальше, тем больше.

Марика не столь хорошо знала дальние окрестности, как взрослые. И ей потребовалось больше времени, чтобы сообразить, в чем дело.

Дым в той стороне, на востоке, на таком расстоянии и такого цвета мог означать только одно. Горело стойбище их ближайших соседей, Ласпов. А стойбища не горят, если их преднамеренно не поджечь.

В стойбище Дегнан вновь начался оживленный спор. Главный вопрос заключался в том, посылать ли разведчиков. Скилджан и Геррьен желали точно знать, что произошло. Многие из тех, кто всего несколько часов назад требовал открыть ворота, теперь хотели, чтобы они оставались закрытыми. Даже немалая часть Мудрых не желала рисковать жизнями охотниц, если кочевники в самом деле настолько близко.

Скилджан решила вопрос своей властью. Собрав десяток единомышленниц, она отправилась в путь, велев спутницам вооружиться так, как редко вооружались охотницы, – разнообразным метательным оружием, топорами, ножами и даже несколькими щитами. Щиты обычно использовались лишь в показательных сражениях во время обрядов по случаю смены времен года.

Марика забралась на вышку вместе с дозорной. Она наблюдала, как отряд матери скользит по покрытым льдом заснеженным полям, пока они не скрылись в лесу к востоку от стойбища.

Когда она вернулась в логово, ей дали железный топор, который точила ее мать, и показали, что делать. Скилджан отобрала его у убитых кочевников, которые не слишком о нем заботились. Чтобы привести его в порядок, требовались многие часы.

Неподалеку Побуда и несколько других – Мудрые, самцы и охотницы, умеющие обрабатывать металл, – делали желобки на остриях наконечников стрел и копий. В центре круга сидел Блаз с котелком яда, осторожно заполняя желобки коричневой тягучей субстанцией с помощью маленькой кисточки. Марика заметила на его лапах перчатки. Молодые охотницы, уносившие обработанное оружие, тоже были в перчатках и складывали его там, где до него не могли добраться щенята.

Марике вскоре наскучило точить топор – ее переполняла энергия, не дававшая усидеть на месте. Слишком много странных мыслей мелькало в голове, пока она водила точильным камнем по зазубренному куску железа. Она попыталась прогнать их прочь, чтобы ощутить мать.

Что-то ее отвлекало. Ощущение то появлялось, то пропадало. Она мысленно следовала за отрядом, в основном чувствуя страх. То и дело подходил Кублин, устремляя на нее вопросительный взгляд, но она лишь качала головой, пока его любопытство не вывело ее из себя.

– Убирайся! – рявкнула она. – Оставь меня в покое! Когда будет что сказать – скажу.

Временами она пыталась почувствовать Грауэл, которая несла в крепость письмо от стаи Дегнан, но не могла ее найти. Впрочем, Марику это не слишком беспокоило. Грауэл была лучшей охотницей стаи в лесу и в поле. Если уж она не сумеет туда добраться, то никому другому это тем более не удастся, и надеяться больше не на что.

Разведчики вернулись на закате, целые и невредимые, но мрачные. И снова в логово Скилджан набились все взрослые самки стойбища. На этот раз они выглядели более подавленными, чувствуя, что хороших новостей ждать не стоит. Доклад Скилджан был короток:

– Кочевники напали на стойбище стаи Ласп. Им удалось прорваться через частокол. Они захватили склады, оружие и орудия, подожгли логова и сбежали. Они не стали всех убивать, не забрали и многих щенят. По словам выживших, кочевники захватили стойбище стаи Бруст и используют его как базу.

На этом доклад закончился. То, что осталось за скобками, внушало не меньший страх. Ясно было, что Ласпы, лишившись припасов, орудий и оружия, выжить не смогут. Брусты, естественно, уже мертвы.

Кто-то предложил привести охотниц стаи Ласп в стойбище Дегнанов.

– Когда придут кочевники, нам не помешают лишние лапы, способные держать оружие. И имя стаи не умрет. На следующее лето они смогут взять себе новых самцов и отстроиться заново.

Скилджан покачала головой и посмотрела на говорившую так, будто та была последней дурой:

– Кочевники – может, и варвары, но далеко не дураки. Они убили всех самок щенородного возраста. Их вынудили к этому охотницы.

Таков был обычай метов – жестоко сражаться до последнего ради защиты стаи. В живых оставались лишь совсем малыши или старики, неспособные удержать оружие. Ласпов можно было вычеркивать из списка стай Верхнего Поната.

Марику удивило спокойствие, с которым все восприняли это известие. Исчезли с лица земли две знакомые им стаи, чего не случалось в течение нескольких поколений. То была громадная катастрофа, предвещавшая намного худшую.

– Что насчет кочевников? – спросил кто-то. Несмотря на царившее в логове напряжение, охотницы вели себя подавленно, даже не ворчали и не толкались. – Дорого им пришлось заплатить за победу?

– Не слишком. Как утверждают выжившие из стаи Ласп, нападавших были десятки сотен.

Среди собравшихся прошел недоверчивый ропот.

– Да, это кажется невероятным. Но они оставили своих мертвецов. Мы осмотрели десятки тел, и большинство из них – вооруженные самцы. – (Снова послышался угрюмый гул.) – Они носили амулеты, принадлежащие более чем двадцати разным стаям. Мы допросили одного молодого самца, которого бросили, приняв за убитого, и которого Ласпы еще не пытали. Он не обладал такой силой воли, как наш недавний гость, и многое рассказал, прежде чем умереть.

Снова послышался ропот. Все ждали.

– Он утверждал, что весной среди кочевников появился могущественный верлен. Самец-одиночка, не принадлежащий ни к одной стае, который пришел ниоткуда и вскоре заявил о себе по всему северу.

Ропот стал громче, послышалось испуганное бормотание.

«Верлен?» – подумала Марика. Это еще что такое? Подобного слова она не знала. Слишком многое было ей еще неизвестно.

В дальнем конце логова самцы прекратили работу, обратившись в слух. Шерсть у них встала дыбом от страха. Судя по всему, они знали, что такое верлен.

Из толпы доносились слова «одиночка», «силты». Похоже, не только Марике было незнакомо это слово.

– Он начал с того, что овладел самками одной особо сильной и знаменитой стаи. Вместо того чтобы собирать припасы на зиму, он повел стаю на территорию соседей. Благодаря своей силе и благоговейному трепету, который испытывали перед ним его бойцы, он победил тамошних охотниц. Их он присоединил к уже имевшемуся у него войску и так далее, пока под его властью не оказались десятки стай. По словам пленника, слава верлена опережала его самого. Он вдохновил север на новые завоевания. Он пришел в Верхний Понат не только потому, что сейчас зима и дичь ушла на север, но чтобы снова отобрать у нас Понат, который наши предки захватили у предков кочевников. Пленник даже предположил, что верлен однажды захочет объединить все стаи мира – взяв всю власть в свои лапы.

Мудрые негромко переговаривались. Противницы того, чтобы послать Грауэл в крепость, склонились головами друг к другу. Наконец одна встала и объявила:

– Мы берем назад наши прошлые возражения по поводу обращения к силтам. То, что произошло, – грязная, отвратительная мерзость. И единственный выход – прибегнуть к помощи другой мерзости, более древней.

Лишь безумная старая Зертан упрямо выступала против любого общения с крепостью.

– Мы с Геррьен поговорили, пока возвращались из стойбища Ласпов, – сказала Скилджан. – И нам кажется, что нужно послать еще одно письмо. Силты должны знать о том, что стало известно сегодня. Возможно, это подтолкнет их к тому, чтобы прислать помощь. А если нет, им все равно следует знать, ради их же собственной безопасности.

С решением долго тянуть не стали. На роль посланницы выбрали охотницу Геррьен, Барлог, которая тотчас же отправилась в путь. Меты не любили путешествовать по ночам, но в это время суток безопаснее. К рассвету Барлог на мили опередит любого кочевника, который мог напасть на ее след.

Больше сделать ничего было нельзя. Нечего было больше и обсуждать. Гости из других логов ушли.

Саэттл позвала щенков на уроки.

Воспользовавшись возможностью, Марика спросила про верлена. Саэттл не стала отвечать при других щенках, – похоже, вопрос ее смутил.

– Подобных чудовищ, вроде граукенов, лучше не обсуждать, пока они воют за частоколом.

Ясно было, что сейчас Саэттл ничего объяснять не станет. Марика в замешательстве вернулась на свои шкуры.

Кублину же хотелось с ней поговорить.

– Замби сказал...

– Замби – дурак, – огрызнулась она, не слушая брата, но, тут же поняв, что сама ведет себя достаточно глупо, позвала: – Замби? Ты где? Иди сюда.

Недовольно ворча, ее второй брат выбрался из темного угла, где сидел с приятелями. Достаточно крупный для своего возраста, он выглядел вполне взрослым для того, чтобы покинуть стойбище. Вся сила и выносливость, которых не хватало Кублину, достались ему.

– Чего тебе? – спросил он.

– Мне интересно, что ты знаешь про этого верлена.

Замберлин закатил глаза:

– Во имя Всеединого, тебе что, охота впустую мое время тратить?.. – Он замолчал, увидев оскал Марики и блеск в глазах. – Ладно-ладно. Только не злись. Я знаю только то, что говорил Пуги, а ему сказал Варт, который слышал, как Хорват говорил, будто верлен – вроде Мудрых, только куда серьезнее. Вроде самца-сагана, но вовсе не обязательно старого. Хорват говорил – вроде силта. Только я не знаю, кто это такие.

– Спасибо, Замби.

– Не называй меня так, Марика. Меня зовут Замберлин.

– Какие мы стали взрослые! Ладно, иди к своим дружкам.

Кублину все еще хотелось поговорить, в отличие от Марики.

– Дай мне поспать, Куб, – сказала она.

Он оставил ее в покое, но она еще долго лежала, свернувшись на шкурах, и мысли не давали ей заснуть.

Кто-то разбудил ее посреди ночи, отправив на сторожевую вышку. Закутавшись в шкуры, она поднялась на пост и долго разглядывала небо. Тучи рассеялись, и ярко светили звезды, хотя их было немного, и взошли только две самые большие луны, Кусака и Гончая, игравшие в вечную игру в догонялки. Их света не хватало, чтобы затмить даже слабые звезды.

И тем не менее видна была лишь пара десятков.

В простиравшемся над головой море тьмы чувствовалось нечто странное. В книгах говорилось, что звезды – это другие солнца, очень далекие, чтобы до них добраться, не хватит пути и в тысячу жизней – если этот путь вообще существует. Однако, судя по новой книге Саэтл, меты с юга знали, как преодолеть великую тьму, и время от времени путешествовали среди звезд...

Силты. Это название упоминалось в новой книге, хотя там никак не объяснялось, кто такие силты и почему Мудрым следует их столь опасаться. В книге говорилось, будто по океану ночи странствуют именно сестры-силты.

Как Марика и ожидала, пока она стояла на посту, ничего не произошло. Меты не передвигались по ночам, если этого можно было избежать. Темнота – время страха...

Но как тогда эти самые силты ухитрились преодолевать межзвездные просторы? Как они дышали? В книге Саэтл говорилось, что там, в небесах, нет воздуха.

Марика даже не заметила, как пришла смена. Лишь почувствовав, как скрипит и шатается вышка, она вернулась к реальности, ощутив себя слегка виноватой. Пока она витала в облаках, кочевники могли подкрасться и перебраться через частокол, а она бы и не заметила.

Вернувшись на шкуры, она долго лежала, мысленно блуждая среди звезд. Попытавшись отследить продвижение посланниц, она, к своему удивлению, обнаружила, что этой ночью может уловить даже обрывки их мыслей.

Грауэл уже ушла далеко вниз по течению реки, двигаясь в свете лун, и от крепости ее отделяли всего несколько часов пути. Она могла бы добраться и раньше, но ее местами задерживали глубокие снежные заносы, а иногда приходилось избегать кочевников. Барлог поспевала быстрее, нагоняя первую охотницу, и рассчитывала продолжить путь после восхода солнца.

Воодушевленная своими успехами, Марика попыталась мысленно заглянуть дальше, в саму крепость. Но не сумела ее обнаружить, к тому же там не было никого ей знакомого. Никакого отклика, на который она могла бы настроиться.

Не в силах подавить любопытство, она исследовала близлежащие холмы в поисках кочевников. Несколько раз она наталкивалась на нечто похожее на разум, но, не видя морды, которую могла бы мысленно представить, не сумела приблизиться настолько, чтобы уловить мысли. Один раз, дальше к востоку, она наткнулась на нечто весьма мощное и тут же в страхе поспешила прочь. От него смутно отдавало самцом. Что, если это тот самый верлен, из-за которого всполошились Мудрые?

А потом она перепугалась до настоящего кошмара. Мысленно дотянувшись до пещеры Мачен, она обнаружила ту самую жуткую тварь, которую ощутила прошлым летом. Только теперь тварь бодрствовала, была настроена весьма зловеще и, похоже, осознавала, что за ней наблюдают. Марика попятилась и сбежала, а перед мысленным взором возник образ огром-

ного изголодавшегося зверя, бросающегося из пещеры на мелкую дичь, которой не повезло оказаться рядом.

Дважды за последующие несколько минут ей показалось, будто тварь ее ищет, блуждая вокруг, словно большой, злой, глупый и голодный зверь. Она съежилась, кутаясь в шкуры и чувствуя, как ее бьет дрожь.

Нужно было предупредить Кублина.

Наконец ее сморил сон.

В течение последующего дня ничего особенного не случилось. В напряженной тишине стая готовилась к возможным передрыгам, и час уходил за часом. Охотницы говорили мало и негромко. Самцы, которых безжалостно гонял Хорват, вообще не раскрывали рта. Мудрые возносили молитвы Всеединому и пытались помогать, путаясь под лапами.

Марика отстояла еще одну смену на вышке и наточила трофейный топор, что мать сочла вполне подходящим заданием для щены ее возраста.

III

Наступила осень, и всеобщее оживление начало спадать. Охотницы уходили далеко в леса, подстерегая кочующую на юг дичь. Самцы с мрачной решимостью коптили и солили мясо. Щенки бродили по лесу, собирая валежник. Мудрые читали предзнаменования в полете летунов, в окраске насекомых, в количестве запасов, накопленных маленькими древесными обитателями, в том, насколько глубокие норы вырыли гурнены для спячки.

Если знаки оказывались неблагоприятными, Мудрые позволяли валить живые деревья и собирать второй или даже третий урожай корней чота. Охотницы внимательнее приглядывались к колониям отеков и других пушных зверей, наблюдая за их приготовлениями к зиме. Именно зимой наступало время, когда их добывали ради мяса и шкур.

По мере того как зима собирала легионы за Жотаком, а меты Верхнего Поната все больше задумывались о возможности внезапных смертоносных бурь, времени для игр и веселых вылазок в лес становилось все меньше. Для любой пары лап, способной внести хоть какой-то вклад в общее дело, всегда находилась работа. В стае Дегнан она имелась даже для едва вставших на лапы малышей.

Порой Марике целых пять дней не удавалось побегать на свободе. Обычно такая возможность представлялась, когда ей поручали собирать валежник. Щенки предпочитали отлынивать от подобной работы, на что обычно прикрывались глаза.

В ту осень Мудрые пришли к выводу, что зима будет суровой, но даже наполовину не предполагали насколько. Впрочем, Дегнаны всегда запасали намного больше, чем рассчитывали использовать. Обычная разумная предосторожность.

В последний раз Марика ускользнула к пещере Мачен в день, когда небо затянуло тучами и дул влажный северный ветер. Мудрые спорили о том, несет ли он с собой запах снега и чьим болям в лапах и суставах можно больше доверять. В тот день Похсит жаловалась на тысячи недугов, и казалось, будто она не в состоянии встать, а уж тем более преследовать щенков по холмам и лугам.

Марика пошла одна. Хорват поручил Кублину отскребать шкуры – эту работу он ненавидел, и именно потому Хорват ее ему задал. Следовало научить щенка, что не всегда приходится заниматься только любимыми делами.

Для Марики это была обычная пробежка по лесу, а затем – несколько часов на склоне напротив пещеры Мачен, где она изо всех сил напрягала свое новое чувство, пытаясь найти спрятанную в земле тень. Из этого ничего не вышло. И какое-то время спустя она не спеша направилась к стойбищу, иногда останавливаясь, чтобы подобрать упущенный древесными обитателями орех и, расколов клыками скорлупу, извлечь сладкую сердцевину. Отметив место-

положение редкого позднецветущего лекарственного растения, Марика подобрала несколько упавших веточек, чтобы не казалось, будто она потратила впустую всю вторую половину дня. Когда она добралась до ворот, уже смеркалось.

Там ее ждал Замберлин, скрывшись в тени.

– Где ты была? – требовательно спросил он, но ответа ждать не стал. – Иди-ка лучше прямо к маме, пока тебя кто-нибудь не увидел.

– С чего бы это? – Она заметила, что он дрожит от страха, но боится не за себя. – Что случилось, Замби?

– Иди лучше к маме. Похсит утверждает, будто ты пыталась ее убить.

– Чего? – Сперва она даже не испугалась, лишь удивилась.

– Она говорит, ты столкнула ее со скалы Стапен.

На этот раз ей стало страшно, но не за себя. Если кто-то столкнул Похсит, это мог быть только...

– Где мама?

– У дверей логова Геррьен. Похоже, она ждет тебя. Не говори, что я тебя предупредил.

– Не беспокойся.

Войдя в стойбище, Марика избавилась от своей ноши у первой же груды дров, отыскала взглядом мать и направилась к ней. Ей все так же было страшно, но намного больше, чем за себя, она боялась за Кублина.

– Мам?

– Где ты была, Марика?

– В лесу.

– Где именно в лесу?

– У пещеры Мачен.

Ответ застиг Скилджан врасплох.

– Что ты там делала?

– Я иногда туда хожу. Когда мне хочется подумать. Никто больше туда не ходит. И я нашла хеннал.

Скилджан, прищурившись, посмотрела на нее:

– А мимо скалы Стапен не проходила?

– Нет, мам. Я слышала, что заявляет Похсит. Ты же знаешь, она чокнутая. Она пытается...

– Я знаю, чего она хочет, щена. Ты что, возомнила себя охотницей и решила добраться до нее раньше, чем она до тебя?

– Нет, мам.

Скилджан прищурилась. Марика решила, что мать ей верит, но подозревала, что та знает нечто такое, в чем никогда не признается.

– Мам?

– Да?

– Можно мне сказать? Я бы предложила какой-нибудь охотнице, столь же искусной, как Грауэл, проследить мой путь по запаху.

– Незачем. Я уверена, что ты тут совершенно ни при чем.

– Она в самом деле разбилась, мам? Или притворяется?

– Половина на половину. Она наверняка упала с высоты, но сумела добраться домой и поднять вонь. Если ее и пытались убить, то весьма неумело. Я склонна полагать, что всему виной ее собственная неуклюжесть, хотя не представляю, зачем мете ее возраста понадобилось карабкаться на скалу Стапен. Иди. И держись несколько дней подальше от Похсит.

– Да, мам.

Марика тотчас же отправилась на поиски Кублина. Она нашла его там же, где и оставила. Он начал было ворчать, но, еще не успев поднять взгляд, едва слышно спросил:

– Как же ты так оплошала, Марика? Почему ты не разбила ей голову камнем, пока она валялась, или еще что-нибудь?

Марика судорожно сглотнула ком в горле. Неужели Кублин думал, будто это ее лап дело? В замешательстве пробормотав, что не имеет к падению Похсит никакого отношения, она поспешно ушла.

Лишь на следующий день у нее возникли подозрения. Но к тому времени никаких следов и доказательств найти уже было невозможно. А Кублин упрямо отрицал свою причастность к случившемуся, хотя Марика могла назвать время, когда никто не видел его в стойбище. Впрочем, настаивать она не стала. Для того чтобы обвинить Кублина, самца, хватило бы и косвенных доказательств.

Со временем даже сама Похсит начала сомневаться, не было ли падение с горы лишь плодом ее воображения. Но даже при всем при этом оно подпитывало ее ненависть, ее беспричинный страх, ее решимость. Марика начала опасаться, что с саганой все-таки придется каким-то образом покончить.

К счастью, в стае Дегнан все больше и больше крепла уверенность, что Похсит впадает в старческое слабоумие. Страх преследования и безумная жажда мести были обычным делом среди Мудрых.

Марика изо всех сил старалась держаться подальше от саганы. А когда пришла зима, куда худшая, чем все ожидали, даже Похсит слегка смягчила свой нрав на фоне противостояния стаи внешнему миру.

Глава четвертая

I

Очередная смена Марики выпала на очень позднюю ночь, или очень раннее утро. Звезды уже гасли, и из-за края мира пробивались первые слабые лучи солнца. Она смотрела на небо и снова грезилась наяву, размышляя о прочитанном в новой книге. Кем были эти сестры-силты? Что они искали среди чужих солнц? Она жалела, что родилась в стае на краю цивилизации, а не в каком-нибудь большом городе на юге, где мог выпасть шанс самой пережить подобные приключения.

Она снова попыталась мысленно дотянуться до посланниц, и ощущение оказалось столь же острым, как и в прошлый раз. Обе добрались до крепости, и обе беспокойно спали в каменной келье. Вокруг них перемещались другие разумы. Их было меньше, чем в стойбище, где все мысли перемешивались в невообразимый хаос, но все равно немало. Все взрослые и старые – будто разумы Мудрых. Если точнее – даже будто разумы саган, ибо именно такой в них чувствовался оттенок. Одна находилась возле посланниц, словно наблюдая за ними. Марика сосредоточилась, пытаясь глубже прочувствовать далеких незнакомок, так пугавших Дегнанов.

Тревога!

Чужой разум отпрянул, охваченный внезапным страхом и удивлением. Марика и сама немало озадачилась – прежде никто ее не замечал.

От ответного прикосновения, сперва легкого, затем все усиливающегося и, наконец, похожего на удар молота, Марика заскулила, почувствовав, как обрывки мысли врываются в ее мозг.

«Кто ты? Где? Что?»

Мысли эти окружала тьма, и в них ощущалось нечто похожее на ужас. Марика в страхе ушла в себя, закрывшись от внешнего мира и вонзив в тело когти. Боль вернула ее к реальности, на вершину сторожевой вышки, к одиночеству и холоду под насмешливыми звездами. Она уставилась на рябой диск Кусаки, столь похожей на старую Мудрую, смотревшую на нее с горизонта.

Что она наделала? Та старуха тоже ощутила ее присутствие. Марике стало вдвойне страшно, когда она вспомнила все намеки и перешептывания старших, из-за чего приходилось скрывать свои способности. Она не сомневалась, что большинству соплеменниц крайне не понравились бы ее умения. Похсит хватало одних лишь подозрений для желания убить...

Не зашла ли она чересчур далеко, мысленно коснувшись незнакомой меты? Не выдала ли она себя? И каковы будут последствия?

Она вернулась на свои шкуры и долго лежала, глядя на бревна над головой и борясь со страхом.

Кочевники явились на следующее утро. Все бросились к частоколу, даже испуганно поскуливающие малыши. Стойбище охватил страх, ворвался едким дымом, и развеять его не мог даже северный ветер.

Северян было около сотни, взлохмаченных и оборванных, – именно такими их и представляла Марика. Они даже не пытались застичь стойбище врасплох – это было невозможно. Они лишь стояли поодаль, внимательно его разглядывая.

Небо затянуло тучами, но сквозь них все же пробивались лучи солнца, освещая белую землю и отражаясь в наконечниках копий и стрел кочевников. У них водилось немало железа, и далеко не каждый столь небрежно относился к оружию, как владелец топора, который столь долго точила Марика.

Скилджан обошла стойбище, велев не высовываться. Ей вовсе не хотелось, чтобы кочевники сумели оценить численность стаи. Из-за того, что частокол построили вблизи от логов, стойбище выглядело небольшим. Пусть думают, что оно слабее, чем на самом деле. Может, отважатся на какое-нибудь безрассудство и им переломают хребет еще до того, как они узнают правду.

Марика считала подобные рассуждения не слишком разумными. Вожаки кочевников наверняка допрашивали метов из захваченных стойбищ и, скорее всего, кое-что узнали о стойбище Дегнанов.

Но похоже, она была о них слишком высокого мнения, – казалось, они пребывали в полном неведении. После нескольких часов наблюдения, кружения, набегов небольшими группами на частокол в попытках вызвать хоть какой-то ответ к воротам медленно подошли пятеро, видимо с целью переговоров. Четверо остановились, и вперед вышел старый самец.

– Освободите стойбище! – прорычал он с акцентом, из-за которого его речь почти невозможно было разобрать. – Сдавайтесь Шо вместе со всем имуществом! Станьте единым целым с Шо, и никто не пострадает.

– О чем это он? – переспрашивали друг друга охотницы. – Что еще за Шо?

Старик подошел ближе и, пытаясь тщательнее передать диалект Верхнего Поната, повторил:

– Освободите стойбище, и никто не пострадает.

Скилджан не снизошла до разговора с бродягой. Она многозначительно переглянулась с Геррьен, и та кивнула.

– Стрелы, – приказала Геррьен и назвала пять лучших лучниц стаи Дегнан. – Бей!

Мгновение спустя кочевники лежали на земле.

– С пятерыми сражаться уже не придется, – как всегда деловито, заметила Скилджан.

Толпа в поле жутко взвыла и неорганизованной беспорядочной волной устремилась вперед. Дегнаны послали им навстречу стрелы. Несколько дикарей упали.

– У них лестницы, – сказала Марика, вглядываясь между заостренными кольями частокола. – У некоторых есть лестницы, мам.

– Что ты тут делаешь? – Скилджан врезала ей по уху. – Иди в логово. Мудрые! Прогоните щенков от частокола! Марика, скажи Рехтерн, что я хочу ее видеть.

Рехтерн была самой старой Мудрой стаи Дегнан и жила в логове Фехсе. Всеединое было к ней милостиво. Хотя Рехтерн и опережала по возрасту других Мудрых на несколько лет, разум ее оставался ясным, а тело подвижным.

Марика слезла с частокола и, потирая ухо, отправилась на поиски старухи. Та присматривала за щенками логова Фехсе.

– Уважаемая, – обратилась к ней Марика, – охотница Скилджан просит, чтобы ты пришла с ней поговорить.

Формально с Мудрыми полагалось разговаривать именно так, хотя на самом деле «просьба» Скилджан была равнозначна приказу. Железное правило общества метов выражалось в простом принципе: «Решает сила».

Тенью следуя за Рехтерн, Марика вернулась к частоколу и услышала, как мать говорит старухе:

– Вооружи самцов. Возможно, нам не удастся удерживать врагов у частокола.

Лишь Мудрые могли дать разрешение вооружить самцов, но охотницы вроде Скилджан или Геррьен вправе приказывать Мудрым. Одно дело – традиции и правила, и совсем другое – реальность. «Решает сила».

Марика подождала в тени, прислушиваясь, дрожа и злясь, что не может видеть происходящее. Сверху и снаружи слышались рычание и треск. Доносились крики боли, яростные вопли и лязг металла о металл. Кочевники пытались вскарабкаться на частокол. Охотницы сталкивали их обратно. На помостах за внутренним кругом частокола старухи, все еще способные натянуть тетиву или метнуть копьё, били в любую увиденную цель.

Над головой послышался крик меты, и рядом с Марикой глухо ударилось о землю тело кочевницы, беременной, но худой как скелет. От ее сосков до живота шла длинная глубокая рана. Кишки вывалились, дымясь на холоде. Из ослабевшей лапы выпал металлический нож, который Марика тут же подхватила.

Совсем рядом свалилось еще одно тело – на этот раз старухи из стаи Дегнан, которая со стоном пыталась подняться. Над головой раздался торжествующий вопль, и вниз спрыгнул рослый худощавый самец, занеся для смертельного удара копьё с каменным наконечником.

Не раздумывая, Марика метнулась вперед, вонзив нож в спину кочевника. Тот отпрянул, заливая кровью мертвую подругу по стае. С полминуты он бился на земле, издавая булькающие звуки, пока наконец не застыл неподвижно. Марика попыталась выдернуть нож, но тот не поддавался, застряв между ребрами.

Сверху спрыгнул еще один кочевник, оскалив клыки в убийственном рыке. Взвизгнув, Марика попятилась, не сводя взгляда с копья, которое выронила ее жертва.

Кочевник устремился вперед. Упавшая с частокола старуха наконец сумела подняться и прыгнула ему на спину, вонзив клыки в горло. Последнее оружие – так называли меты собственные зубы. Схватив копьё, Марика ткнула им во врага, а потом еще и еще, пока кочевник не стряхнул с себя едва живую старуху. Удары Марики не были смертельными, но в итоге они свалили его наземь.

Через частокол перебрался очередной дикарь. Марика бросилась к своему логову, сжимая лапами копьё и слыша, как Рехтерн созывает самцов.

В других местах через частокол лезли новые кочевники. Около десятка уже искали, кого бы убить или что бы унести.

Самцы и оставшиеся старухи накинулись на них с ножами для снятия шкур, топорами, молотами, мотыгами и граблями. Марика остановилась возле шкур, закрывавших вход в ее логово, наблюдая за происходящим и готовая метнуться в безопасное укрытие.

Все больше кочевников прорывались за частокол. Марика вдруг подумала, что они попросту дураки, совершившие роковую ошибку. Им следовало расправиться с защитниками частокола, прежде чем проникать внутрь. Когда охотницы, понесшие небольшие потери, поняли, что атака снаружи им больше не угрожает, они развернулись и натянули тетивы луков.

Судьба кочевника, в которого попала стрела, смазанная ядом Блаза, была предрешена. Жертва билась в судорогах, визжа и пуская пену изо рта, а несколько секунд спустя мышцы сокращались и тело деревенело, пока не приходила смерть. И даже тогда оно не расслаблялось.

Самцы и старухи спрятались в логовах, защищая входы, пока охотницы вели обстрел с частокола.

Выживших захватчиков охватила паника. Они поняли, что угодили в смертельную ловушку, и теперь пытались из нее выбраться. Большинство погибали, не успев перебраться через частокол.

Марике стало интересно, планировала ли мать подобное с самого начала, или они получили подарок от Всеединого? Не важно. Нападение отразили, и стойбище его пережило. Дегнанам ничто не угрожало.

Не угрожало – на какое-то время. Были и другие кочевники. И они могли воспринять поражение как повод для кровной мести.

За частоколом свалили в кучу семьдесят шесть трупов кочевников. Семьдесят шесть зловеще оскаленных голов украсили собой колья – как предупреждение каждому, решившемуся снова атаковать стойбище. Лишь девятнадцать членов стаи погибли или же их добили из-за ран – в основном старухи и самцы, слишком слабые или плохо вооруженные. Удалось захватить немало превосходного оружия.

Скилджан повела группу охотниц в погоню за сбежавшими кочевниками, которые были ранены или слишком слабы, чтобы прорваться за частокол. Скилджан считала, что сумеет расправиться с ними без особого риска для себя или своих охотниц.

Мудрые постановили, что траурный обряд следует серьезно сократить. Не было ни лишних дров для погребальных костров, ни времени для церемоний, обычных в тех случаях, когда кто-то из Дегнанов воссоединялся с Всеединым. Чтобы достойно проводить столь многих, потребовалась бы неделя. И перед ними в очереди была еще троица погибших возле скалы Стапен, до сих пор не оплаканная.

Тела решили сложить в пристройках у частокола, пока у Дегнанов не найдется время, чтобы отдать почести мертвым. На таком холоде они все равно не испортятся.

Марике вдруг пришло в голову, что в случае долгой осады они могли бы послужить и другой цели. Да и груда вражеских трупов, сваленная снаружи, могла стать вызовом, в котором содержался некий подтекст, еще не осознанный ею в полной мере.

Впрочем, отвращение к граукенам, которое ей внушали, было столь сильным, что при одной мысли о чем-то подобном ее затошнило.

Она вызвалась подняться на вышку, чтобы посмотреть вслед уходящей Скилджан.

После того как мать скрылась за вершиной близлежащего холма, идя по горячим следам кочевников, смотреть стало не на что. Самцы бродили вокруг, отрезая головы врагам, приводя в порядок ограду и о чем-то неразборчиво переговариваясь. Щенята постарше мучили нескольких кочевников, слишком тяжело раненных, чтобы убежать, и пинали тела, проверяя, не нуждается ли кто-нибудь в последнем поцелуе ножа. Самой Марике крови не хотелось.

Она и так ее уже пролила, и этого вполне хватило.

Но если бы не кровавый снег, день мало чем отличался бы от любого другого зимнего дня. Как всегда, ревел и стонал ветер, высасывая тепло с яростью вампира. Ярко блестел снег

там, где его не истоптали и не залили кровью. Потрескивали на морозе деревья в близлежащем лесу. Пронзительно кричали летуны, кружа над головой при виде богатой поживы, и по снегу скользили их тени.

Где нечего терять, нечего и желать. Мудрые столь часто учили щенят этим словам, что уже почти никто их не слушал и не запоминал.

Старухи приказали устроить засаду в открытом поле. Они посадили там двух опытных лучниц и притащили несколько трупов туда, где стервятники чувствовали бы себя в безопасности. Когда они спустились на пиршество, лучницы их перебили, затем прибежали щенята и унесли тушки в логово. Самцы дали им остыть, после чего разделали и добавили к имевшимся запасам еды.

Работы вполне хватало, чтобы занять лапы, но не мысли. Один за другим, иногда тайком, Дегнаны поднимались на частокол, с тревогой глядя на восток.

Скилджан вернулась далеко за полночь, при свете Кусаки, нагруженная трофеями и захваченным оружием.

– Сбежать удалось пятерым, не больше, – с гордостью объявила она. – Мы преследовали их до самого ручья Тэрне, приканчивая по одному. Если бы мы осмелились забраться дальше, может, расправились бы со всеми. Но слишком уж близко был дым костров.

И снова все собрались в логове Скилджан. Снова охотницы, старухи, а теперь даже несколько самцов, которых сочли достаточно надежными, обсуждали, что делать дальше. К удивлению Марики, перед собранием выступил Хорват, хотя он ничего особенного не сказал, кроме того, что самцы логова готовы взять в лапы оружие. Как будто у них имелся выбор.

– Оружия у нас теперь достаточно вместе с захваченным, – встав, заметила Побуда, – так что даже щенкам можно дать по хорошему ножу. То, что случилось сегодня, не должно повториться. Никто из Дегнанов не пойдет с мотыгой против копья. Распределим добычу, чтобы лучшее оружие получил тот, кто лучше всего умеет им пользоваться. И пусть так и остается, пока опасность не минует.

Побуда была второй в стае после Скилджан. Марика знала, что та сейчас произносит слова, которые вложила ей в уста Скилджан, – несмотря на всю свирепость, Побуда никогда в жизни не думала самостоятельно. Скилджан намеревалась прекратить возможную ссору из-за добычи еще до того, как та начнется, – или, по крайней мере, ее отсрочить. С грызней и перебранками следовало подождать, пока кочевники полностью не уйдут из Верхнего Поната.

Никто из глав логов не возражал – даже Логуш, которая не питала к Скилджан ни малейшей любви и часто спорила с ней чисто из чувства противоречия.

– Побуда говорит разумно, – сказала Скилджан. – Да будет так. Я видела среди трофеев несколько щитов и десятков мечей. Отдадим их охотницам на внешнем частоколе. – Она оскланилась, довольно ворча. – Усложним жизнь и облегчим смерть любителям карабкаться по лестницам.

Подняв меч, она исполнила короткий боевой танец, изображая, будто пронзает кочевника, атакующего ее снизу.

Марика удивленно уставилась на меч. Этого длинного клинка она во время схватки не видела. Он мерцал в свете очага, отбрасывая красноватые отблески. Ее пробрала дрожь.

Она впервые увидела оружие, предназначенное исключительно для убийства себе подобных. Любое другое использовалось главным образом для охоты.

– Но нового оружия все равно не хватит, – продолжала Скилджан. – В этом можно не сомневаться. Слишком много пролилось крови. Мы посмели уничтожить тех, кого послали уничтожить нас. Если хваленый верлен кочевников, правитель над многими стаями, в самом деле столь безумен, как говорят, он этого не оставит. Не сможет. Ибо даже небольшое поражение подорвет его власть, ослабит хватку, которой он держит охотниц, что следуют за ним. Любая неудача для него подобна смерти. Так что завтра или послезавтра мы снова увидим

кочевников. Он явится сам с куда большими силами, чем сейчас, – может, даже со всей своей ордой.

По рядам метов пробежал полный гнева и страха ропот. Скилджан отошла в сторону, предоставив Мудрым высказать свое мнение.

– Жаль, что мы ничего не знаем про этого верлена, – прошептал Кублин Марике. – И почему нам обязательно нужно быть врагами? Интересно было бы выяснить, кто он такой, какова на самом деле его цель? И почему он не может – как любая охотница – просто взять, что надо, и уйти?

Марика озадаченно взглянула на него. Что бы это значило?

Первой заговорила Мудрая Рехтерн.

– Мне почти нечего сказать, – заявила она, – но у меня есть вопрос. Где кочевники Жот-ака раздобыли мечи? А? Мы захватили двенадцать мечей, и все они принадлежали охотникам в расцвете сил. Мечи прекрасной работы. Но мы, живущие между севером и городами, где производят подобное оружие, никогда не видели таких клинков. Собственно, мы знаем про мечи лишь из героических эпосов, которые рассказывают нам Саэтл и другие. И снова вопрос: где кочевники раздобыли столь прекрасное оружие, предназначенное исключительно для убийства метов?

Марика поняла, что все ее выступление носит лишь риторический характер. Никто не ответит ей со знанием дела или даже умозрительно. Старуха хотела просто поднять вопрос, посеять семя в преддверии лета.

Среди метов Верхнего Поната не было кузнецов. Никто не слышал о таковых и среди кочевников. Все металлические орудия привозились из южных городов, и их покупали у торговцев.

Когда торговцы появятся снова, их будут ожидать непростые вопросы.

После Рехтерн по очереди выступили почти все Мудрые, включая многих, кому было нечего сказать. Таков был обычай старух – они могли говорить очень долго, приводя примеры из древних времен и сравнивая их со случившимся сегодня. Искать прецеденты для обоснования каких-либо действий давно вошло у Мудрых в привычку.

Обычные набеги не имели с происшедшим ничего общего. Стойбища редко уничтожались полностью, и то только в случае кровной мести, после внезапной атаки. Последний раз нечто подобное случилось в Верхнем Понате во времена Зертан. Меты предпочитали обходиться без массовой резни.

Масштабы убийства поразили стаю, но не потрясли ее. Смерть и убийство были для них обычным делом. Их озадачило поведение врага, казавшееся полностью непостижимым. Хотя кочевников и гнал голод, те, кто сейчас лежали мертвыми за частоколом, явились в стойбище не только ради поживы.

Затем последовали уроки. Саэтл, даже раненная, не собиралась давать щенкам передышки. Марика попросила почитать о чем-нибудь похожем на случившееся.

– На то, что здесь случилось, нет ничего похожего, щена. По крайней мере, в наших книгах. Может, в летописях силт, которые ведут Темную войну и чья история уходит в прошлое на десятки тысяч лет. Но мы собрались не для обсуждения того, что и так уже обсуждалось много часов. Мы собрались, чтобы учиться. Так что вернемся к нашим задачкам.

– Что еще за Темная война? Кто такие силты? – спросила Марика, но ее не услышали.

Если уж Мудрые что-то решили, спорить с ними было бесполезно – как бы она ни настаивала, к ней все равно останутся слепы и глухи. Вскоре она бросила свои попытки.

За спиной учеников продолжался спор насчет возможной тактики. Перед ними и на стороне самцов передавалось из лап в лапы оружие, которое точили и снова смазывали ядом. Все это длилось до тех пор, пока Марика не легла на шкуры и заснула, несмотря на любопытство и страх.

В какое-то мгновение она в панике проснулась, ощутив, будто что-то коснулось ее разума, но прикосновение не повторилось. Охваченная тревогой, она мысленно потянулась к крепости, пытаясь отыскать посланниц стаи Дегнан. В каменной келье их не оказалось.

Она нашла их спешащими в лунном свете по дороге домой. Ее охватила надежда, но вскоре сменилась отчаянием. Глубже проникнув в мысли Грауэл, она поняла, что их сопровождают лишь трое из крепости. Марика испуганно прижалась к Кублину, который что-то проворкотал во сне, но не проснулся.

II

Суматоха внизу вызвала суматоху наверху. Марику разбудили толчки лап перебиравшихся через нее щенков. Кублина рядом не оказалось.

Была все еще середина ночи. Другие, не столь расторопные щенки потирали глаза, спрашивая, что случилось. Марика подползла к верху лестницы, где уже занял наблюдательную позицию Кублин. Марика втиснулась возле него, не обращая внимания на ворчание тех, кого она отталкивала.

– Что такое? – спросила она.

– Не знаю. Пришел кто-то из логова Геррьен. Охотницы готовятся к выходу.

Он был прав. Охотницы облачались в самые тяжелые дохи, собираясь уходить надолго. Самцы молча наблюдали за ними со своего края логова, как и Мудрые, хотя бабка Марики что-то бормотала себе под нос, но никто не обращал на нее внимания. Похсит тоже что-то говорила – похоже, посылала молитвы Всеединому.

Побуда проверяла оружие.

Что-то пошевелилось в тени, где никого не могло быть. Марика удивленно уставилась на кладовые вдоль западной стены, там, где территория самцов граничила с территорией Мудрых, но ничего не увидела.

Внезапно она заметила такое же движение в тени у основания восточной стены, но опять-таки, посмотрев туда внимательно, ничего не обнаружила.

Но кто-то там наверняка был. Она ощущала его примерно так же, как посланниц и чудовище в пещере Мачен. Да, что-то примерно такое же, но не столь большое и ужасное.

Присмотревшись, она уже почти могла его увидеть...

Что все это значило?

Испугавшись, Марика забралась на шкуры и какое-то время лежала, приходя в себя. Затем она начала размышлять, как бы выбраться наружу и последовать за охотницами, но быстро оставила эту мысль. Если они покидали стойбище, на что намекали облачение и оружие, нельзя придумать ничего глупее, как тащиться за ними.

Где-то там бродили граукены.

Скилджан нетерпеливо расхаживала по логову с трофейным мечом в лапе. За спиной ее висели лук и колчан со стрелами.

Что-то происходило, и должно было случиться что-то еще.

Марика натянула сапоги.

Внизу охотницы выходили из логова.

Протолкавшись между щенками, Марика спустилась по лестнице. За спиной слышался шепот Кублина:

– Ты куда?

– Наружу.

Она подпрыгнула, ощутив, как чья-то лапа вцепилась ей в плечо. Обернувшись, она увидела в нескольких дюймах от себя широкоую морду Побуды.

– Куда собралась, щена?

– Наружу. На вышку. Посмотреть. Что случилось?

Возможно, не будь она щеной Скилджан, Побуда бы не ответила. Однако, мгновение подумав, вторая охотница логова сказала:

– В лесу заметили лагерь кочевников. Возле пещеры Мачен. Они собираются устроить на него набег.

Марика уставилась на нее.

– Только на вышку. Не дальше, иначе я тебе уши откушу и скормлю тебя Скилджан, когда она вернется.

Марика судорожно сглотнула ком в горле, отбросив последние мысли о том, чтобы последовать за охотницами. Угрозы Побуды не бывали пустыми. Для этого ей не хватало воображения.

Под зловещим взглядом Побуды Марика надела доху из меха отека. Побуде тоже хотелось отправиться на охоту, но в отсутствие Скилджан ей приходилось оставаться, и ее это не радовало. Когда требовалось действовать, Скилджан никому не уступала своей роли.

Натянув на уши шапку, Марика нырнула за преграждавшие вход шкуры, прежде чем кто-либо успел ее остановить.

Похсит бросила ей вслед полный ненависти взгляд.

В стойбище было холодно и темно. Взошли лишь несколько малых лун, почти не дававших света. Последние охотницы отряда выходили из спирали частокола. Другие уже стояли снаружи, дрожа и подпрыгивая, чтобы согреться. Стойбище покидала большая часть охотниц, – похоже, набег предстоял весьма важный.

Марика начала подниматься на вышку. Наверху виднелась морда часового, в тусклом свете узнать его было сложно. Она не обращала на него внимания, устремленная мыслями в небо, которое этой ночью тоже было ясным. Почему погода в последнее время к ним столь добра? Одна ледяная буря и несколько снегопадов. Вероятно, это означало, что следующая буря окажется особо жестокой, накопив всю не использованную за хорошие дни энергию.

Часовым оказался Солфранк. Они уставились друг на друга, оскалив зубы, а затем Солфранк попятился от края лестницы, поняв, что Марику ему не запугать. Она забралась в непрочную плетеную корзину. Внизу двигались на север охотницы – темные молчаливые пятнышки на фоне утоптанного снега.

– Вон там, – показал Солфранк.

В голосе его чувствовалась гордость. Похоже, именно он стал причиной всей последовавшей бурной деятельности.

В лесу, в стороне пещеры Мачен, виднелось сияние – огромное, словно от гигантского костра. В небо взлетело облако искр и медленно осело. Увиденное ошеломило Марику.

Наверняка это был какой-то обряд кочевников. Никто не стал бы разводить костер, заметный на многие мили, в том числе врагам, лишь для того, чтобы согреться.

– Давно уже так?

– Недавно. Я заметил его сразу, как заступил на пост. Тогда огонь едва светился. А теперь, похоже, они жгут половину леса.

«Зачем Скилджан так рискует, взяв с собой столько охотниц?» – подумала Марика. Чтобы устроить такой пожар, требовались сотни кочевников. Вряд ли дикари настолько глупы, чтобы счесть, будто их костер никто не увидит.

Марика всерьез встревожилась, уверенная, что мать допустила тактическую ошибку. Наверняка это ловушка. Приманка, чтобы заманить Дегнанов в засаду. Ей отчаянно хотелось мысленно потянуться туда, но она не осмеливалась, пока за ней наблюдал Солфранк.

– Сколько тебе осталось?

– Всего несколько минут.

– Хочешь, я тебя сменю?

– Ладно. – Он перебрался через край корзины, пока она не передумала.

Марика подумала, что Солфранка мало что интересуется, кроме собственной персоны. Ему наплевать на костер – это лишь повод для небольшого личного триумфа. Ему важно было привлечь к себе внимание. Любопытством он совершенно не страдал.

Ну и прекрасно.

Вышка перестала содрогаться под его лапами. Марика увидела, как он спешит в тепло логова Геррьен. Едва он оказался внутри, она снова повернулась на север, пытаясь ощутить мать.

Контакт оказался сильнее, чем когда-либо прежде. Казалось, она видит мир глазами Скилджан, хотя не могла уловить мыслей матери. Однако они становились достаточно очевидны, когда та давала указания охотницам, поскольку Марика могла видеть, что они делают, а иногда даже слышать разговоры.

Охотницы сразу же рассеялись в поисках разведчиков кочевников, которые могли наблюдать за стойбищем, но никого не обнаружили. Затем они направились через лес к пещере Мачен, двигаясь крайне осторожно, чтобы не вспугнуть часовых.

Часовые тоже не появились. Марика чувствовала, как у матери растет презрение к умственным способностям северян.

Несмотря на презрение, Скилджан не теряла бдительности. Она осторожно продвигалась вперед, стараясь не угодить в ловушку.

Но ловушек не оказалось. Кочевникам в голову не пришло, что их костер увидят из стойбища Дегнанов.

Разложенный на южном берегу ручья костер был огромен. Размеры его потрясли Марику. Скилджан и ее спутницы присели в кустах, наблюдая, как кочевники подкладывают в огонь новые поленья. Со стороны противоположного склона доносился стук топоров.

Они расчищали холм вокруг пещеры.

У костра грелись сотни кочевников.

Скилджан и Геррьен начали перешептываться. Марика подслушивала.

– Что они делают? – спросила Скилджан.

На склонах трудились десятки метов. Среди них расхаживал кочевник, отдавая неслышимые распоряжения. С такого расстояния о нем мало что можно было сказать, кроме того, что кочевники считали его кем-то важным.

Послышались крики. Вниз с грохотом покатались булыжники, от которых едва уворачивались кочевники.

– Пещера, – ответила Геррьен. – Они расчищают вход в пещеру. Но никак не пойму зачем.

На фоне всеобщего шума слышались звуки деревянного барабана, бубна, пение. Мудрые кочевников совершали некий обряд.

– Что, если они пытаются вызвать духа? – спросила Скилджан.

– Возможно. Верлен... Вполне могут. Нужно им помешать.

– Их слишком много.

– Они не знают про нас. Может, удастся их напугать.

– Попробуем.

Меты разделились. Последующие несколько минут Скилджан что-то шептала на ухо охотницам по ее сторону холма, затем вернулась в центр. Несколько секунд спустя появилась Геррьен.

Скилджан и ее спутницы взяли на изготовку луки.

– Когда будешь готова – подай голос, – сказала мать Марики.

Геррьен на полминуты зажмурилась и глубоко вздохнула, затем открыла глаза, кивнула, положила стрелу на тетиву. Скилджан встала рядом.

Из горла Геррьен вырвался протяжный вой, мгновение спустя повторившийся по всему склону. Вниз полетел град стрел. Кочевники выли, визжали, скулили. Десятки их упали замертво.

Марика заметила, что все стрелы Скилджан летели в сторону тамошних Мудрых. И многие нашли свою цель.

Геррьен выпускала стрелы по дуге в сторону вожака метов на дальнем склоне. В слабом свете прицелиться было сложно, к тому же вожака окружили другие меты с щитами. Ни одна стрела Геррьен в цель не попала.

В нескольких шагах от Скилджан внезапно возникла мета с диким взглядом, в диковинном черном одеянии, направив на нее нечто вроде короткого тупого копья. Скилджан и Геррьен изумленно застыли.

Выругавшись на странном диалекте, мета яростно уставилась на предмет у себя в лапах, а потом занесла его над головой будто дубину. В грудь ей вонзились две отравленные стрелы.

Геррьен устремила вниз по склону. За ней последовали остальные охотницы, бросая копья. Кочевники бегали кругами. Некоторые уже скрылись в темноте на противоположном склоне. Лишь горстка осмелилась перейти в контратаку, но ее отразили охотницы с трофейными мечами.

Паника среди кочевников росла. На противоположном склоне что-то кричал на своем диалекте вожак, пытаясь организовать сопротивление.

Геррьен продолжала атаковать, пока не преодолела две трети пути до ручья, после чего остановилась. Кочевников было слишком много. Она позволила мечам и копьям собрать еще часть кровавой жатвы, после чего отступила, вновь издав тот же протяжный вой.

Сбитые с толку и напуганные, кочевники не стали ее преследовать.

Охотницы стаи Дегнан выпустили оставшиеся стрелы. Каждая, попадавшая в кочевника, оказывалась смертельной, ибо наконечник был отравлен.

Когда вылетели последние стрелы, охотницы бросились бежать, оставив позади более сотни убитых кочевников. Они пока еще сами не осознавали, что совершили, слишком занятые сражением и мыслями о собственном выживании. Кровавые сражения не были чем-то обычным для метов. В Верхнем Понате никогда еще не случалось ничего подобного. В основном приходилось сражаться, обороняя частокол от налетчиков с севера, а не неся смерть кочевникам еще до того, как те напали.

Марика ощущала радость охотниц. Они нанесли кочевникам немалый удар, никак при этом не пострадав. Возможно, это вынудит врага поискать добычу полегче. Сейчас же Дегнанам требовалось только одно – уйти от погони.

Спустившись с вышки, Марика побежала в логово.

– Побуда, – запыхавшись, проговорила она, – они возвращаются. Кочевники их преследуют.

Не задавая лишних вопросов, Побуда подняла стойбище. Все способные держать оружие, включая самцов, поспешили на защиту частокола.

И ничего не увидели.

Марика снова вскарабкалась на вышку, стремясь превратиться в невидимку. Взглянув вниз, она увидела рассерженную Побуду, которая смотрела на нее, уперев лапы в бока.

Вдали послышался крик – Марика не поняла чей, Геррьен или Скилджан. Контакт полностью исчез – возможно, от чрезмерного волнения.

На частоколе тоже слышали и взяли оружие на изготовку. В снежном поле появились темные силуэты, бегущие к воротам. Охотницы Дегнанов двигались компактной группой, которую замыкали самые сильные, отражавшие хаотичные атаки кочевников с флангов. Кочевникам не везло, но из леса появлялись все новые. Казалось, будто Скилджан и Геррьен схватят у собственного частокола.

Полетели стрелы, сваливая кочевников одного за другим. Бежавшие впереди остановились. Скилджан и Геррьен развернули охотниц и начали медленно отступать в сторону уже открытых ворот, удерживая преследователей на расстоянии с помощью отравленных стрел. Марика увидела в лапах матери ту самую дубину, которую держала мета в черном.

Скилджан ворвалась внутрь последней и захлопнула ворота. Геррьен закрыла их на засов. Вернувшиеся охотницы пробежали по спирали и заняли места на частоколе, осыпая кочевников насмешками.

Противник предпринял последнюю отчаянную попытку, которая провалилась еще до того, как он добрался до подножия частокола. Выжившие позорно бежали. Кочевники, не принимавшие участия в бою, яростно выли, призывая на головы врагов все несчастья.

Марика спустилась с вышки, пока никто не обращал на нее внимания, и поспешила в логово на свои шкуры, где попыталась сжаться в крошечный комочек рядом с Кублином.

III

Дело было поздней осенью, но еще до истории с Похсит и скалой Стапен. Небо заволакивали нависающие тучи. Из-за небольших, но яростных бурь ручьи часто выходили из берегов. По всем приметам ничего хорошего ждать не приходилось.

И тем не менее стойбище Дегнанов пребывало в радостном волнении. Каждый час приходили и уходили гонцы из других стойбищ. Охотницы приносили известия, которые тут же разносили по соседним стаям едва вышедшие из щенячьего возраста Дегнаны.

«Пока не видно, – сообщали они. – Не видно. Не видно». Но с каждым таким известием всеобщее возбуждение лишь усиливалось.

Марика волновалась больше всех сородичей. Для нее это была особенная осень. Ей впервые предстояло отправиться на охоту со стаей в качестве ученицы.

– Скоро, уже скоро, – обещали Мудрые, читая предзнаменования в небе и ветре. – Стада уже наверняка в пути. Еще день, может, два. Небеса не ошибаются. Скоро появятся первые.

Месяц назад – или даже раньше – в горах Жотака начали собираться кропеки. Детеныши становились подростками, способными пережить миграцию на юг. С флангов стада вполне могли покусать кочевники, но те редко объединялись настолько, чтобы добыть достаточно дичи на затяжную зиму.

Осенняя охота на кропексов была главной объединяющей силой оседлой культуры Верхнего Поната. В некоторые годы проводились ярмарки, а иногда две, три или даже четыре стаи собирались вместе на важное празднество. Но лишь во время охоты на кропексов Дегнаны, Гревы, Ласпы и другие стаи действовали совместно, хотя порой вообще не видели друг друга.

Сперва требовалось обнаружить стадо, поскольку оно никогда не следовало на юг одним и тем же путем. Затем нужно было приложить немало усилий, чтобы направить его туда, где охота будет самой удачной и выгодной для всех стай Поната.

Время после охоты, когда стаи свеживали, разделявали, солили и коптили добычу, часто превращалось в подобие гигантского праздника. Иногда на него приходили торговцы, пользуясь возможностью встретить в одном месте многих покупателей. Бывало, что матери договаривались с ними о судьбе любимых щенков, избавляя тех от куда более опасных поисков новой стаи.

Кропеки были не особо крупными зверями, но упрямой и трудной добычей. Самые большие экземпляры доходили до трех футов в холке и отличались коренастыми ногами, широкой грудью, толстой шкурой и массивной головой. Их нижняя челюсть напоминала лопату. У взрослых самок вырастали зловещие, торчащие вверх клыки. Представители обоих полов были отважными бойцами.

Летом кропеки жили небольшими семейными стадами чуть ниже уровня тундры, питаясь личинками и кореньями. Но при этом они были всеядными, способными сожрать любого, кто не успел съесть их раньше. Впрочем, будучи ленивыми по природе, они не охотились – растения не могли сбежать или дать отпор. Единственным приключением в жизни кропеков были долгие весенние и осенние миграции.

Меты Верхнего Поната охотились на кропеков только осенью. Весной, в брачный период, мясо кропеков было несъедобным, вызывая рвоту и сильные судороги в животе.

В стойбище вбежала молодая охотница. В высокогорной долине Плентцо, вдоль притока восточного рукава реки Хайнлин, заметили первых животных. Ближняя часть долины лежала всего в двадцати милях к востоку от стойбища Дегнанов. Новость вызвала еще большее возбуждение – кропеки не проходили через долину Плентцо уже много поколений. Широкая низина облегчала им путь, но давала метам пространство для маневра во время охоты. Естественные образования позволяли охотницам обрушить на мигрирующие стада град стрел, оставаясь в полной безопасности.

Кропеки отличались весьма раздражительным характером и готовы были атаковать все, что могло им угрожать, – то есть главным образом метов, поскольку меты были их самыми опасными врагами. Застигнутая врасплох мета была обречена. Но мета могла убежать от кропека и перехитрить его.

Как правило.

Охотницы еще раз проверили оружие, которое держали наготове и осматривали уже десятки раз после начала сезона. К соседям отправились гонцы, предлагая места для встречи. Самцы таскали тюки и орудия. Щенки, которых выгнали на улицу наблюдать и учиться, носились вокруг, болтая друг с другом и стараясь не попадаться на глаза тем, кто мог запрячь их в работу.

Скилджан наконец дала дочери легкий лук, который, как надеялась Марика, для нее и предназначался.

– Держись рядом, щена. И будь внимательна. Стоит тебе замечтаться среди кропеков, и будешь мечтать вечно. В объятиях Всеединого.

– Да, мам.

Скилджан развернулась к Кублину:

– Держись рядом с Блазом. Слышишь? Не путайся под лапами у охотниц.

– Да, мам.

Марика и Кублин переглянулись за спиной Скилджан – мол, все равно будем поступать так, как нам захочется.

На ухо Марики обрушилась тяжелая лапа.

– Ты слышала, что сказала мать! – рявкнула Побуда, весело скалясь. – Выбросьте эти мысли из головы. Оба.

Проклятая старуха Побуда, подумала Марика. Может, она толстая и уродливая, но так и не забыла, что значит быть щенком. И никуда от нее не деться. Она всегда знала мысли каждого.

Скилджан и Барлог из логова Геррьен шли впереди, задав темп, вскоре показавшийся щенкам чересчур жестоким. Запыхавшаяся Марика спотыкалась, когда они добрались до стойбища Ласпов, где к ним присоединились тамошние охотницы. Марика не стала, как обычно, разглядывать странную конструкцию частокола Ласпов и удивляться, почему у этих метов все сделано иначе, – ей не хватило сил. Весь мир сейчас сосредоточился на мешке и луке, которые приходилось тащить.

Побуда рысцой бежала рядом, насмешливо ворча. Хотя мешок Побуды весил втрое больше, чем у Марики, охотница была проворна, словно щена.

Марика оглянулась, ища взглядом среди самцов Кублина. К ее удивлению, братец вполне попевал за Замби. Однако по выражению морды становилось ясно, какой ценой ему это дается. Он бежал исключительно на силе воли.

Поднявшись в холмы за стойбищем Ласпов, они несколько сбавили темп. Вперед побежали разведчицы, вооруженные лишь копьями. Охотницы двигались молча, внимательно вслушиваясь. Марика так ничего и не услышала.

Час спустя к Дегнанам и Ласпам присоединились три стаи, идущие с юга. Увеличившийся отряд продолжил широким фронтом двигаться на восток, все так же прислушиваясь.

Не в силах сдержать любопытство, Марика наконец спросила, в чем дело.

– То, что кропеков заметили в долине Плентцо, – ответила Скилджан, – вовсе не означает, что этой дорогой движется все стадо. Оно может пойти другим путем, даже через эти холмы. А мы же не хотим, чтобы нас застигли врасплох. – Пройдя несколько десятков ярдов, она добавила: – Стадо всегда слышно раньше, чем его можно увидеть. И потому всегда нужно слушать.

Они двигались все так же не спеша, и прежняя усталость Марики прошла. Ей хотелось немного отстать и приободрить Кублина, но она не посмела. Сейчас ее место было среди охотниц.

День уже клонился к закату, когда они начали спускаться к долине Плентцо. Разведчицы сообщили, что в долину уже пришли другие стаи. Главная часть стада все еще оставалась на много миль севернее, но несомненно находилась в долине. Близилась ночь, и ни о какой охоте до завтра не могло быть и речи.

К краю долины они подошли с последними лучами солнца. Марика удивилась, увидев столь большую открытую равнину, и задумалась, почему в столь удобной местности никто не поставил стойбище.

До объяснений снизошла лишь Побуда:

– Да, удобное место. Как хорошо поставленная ловушка. В трех милях ниже по течению река впадает в узкий пролив с гранитными берегами. Когда тают снега и вода устремляется вниз, неся бревна и прочий мусор, пролив перекрывается. Вода поднимается, и равнина превращается в бурлящий коричневый поток у подножия холмов. Любое построенное здесь стойбище затопит первой же весной.

Марика представила себе бушующую воду, и мысленный образ вдруг сменился разъяренным кропеком. Она начала понимать, почему так нервничают некоторые охотницы.

Спала она плохо, как и большинство охотниц, включая мать. Многие бродили между стаями, договариваясь и строя планы. Реку пересекали гонцы, хотя меты крайне не любили плавать. На другом берегу тоже расположились стаи, поскольку никто не знал, каким путем последуют кропеки, а никаких предубеждений по поводу воды у этих зверей не водилось.

Рассвет наступил неожиданно быстро. Следуя указаниям Скилджан, Марика положила спальный мешок под деревом и запомнила его местоположение.

– Мы погоним стадо, – сказала мать. Марика озадаченно взглянула на нее. – Вожаки стада должны двигаться. Если мы позволим им остановиться, остановится и стадо. Тогда не удастся отрезать от него отдельных животных или подобраться к тем, кого можно свалить стрелами. Они нас не подпустят.

Шедшие вместе с ними стаи уже ушли. С первыми лучами солнца десятки охотниц и самцов трудились в некотором отдалении, возводя сооружение из прибитых к берегу бревен, валежника и даже срубленных деревьев. Марика спросила мать, для чего это.

– Чтобы рассеять стадо. Тогда охотницы смогут ворваться в него с краев, вонзая копыта в спины зверей или подрезая сухожилия.

Необходимость давать объяснения раздражала Скилджан. Ей хотелось слушать, как и остальным. Но мать, в числе прочего, обязана передавать знания щенкам.

– Идут, – сказала Побуда.

Мгновение спустя Марика тоже услышала – и, более того, почувствовала. Земля под лапами задрожала.

Шум усиливался, земля дрожала все сильнее. Радостное возбуждение Марики улетучилось, сменившись растущей тревогой. Шум все нарастал и нарастал, словно нескончаемый гром...

А потом она заметила стадо – темное пятно, заполнявшее большую часть равнины.

– По обеим сторонам реки, – заметила Побуда. – Пока не бегут.

– Ветер в нашу сторону, – ответила Скилджан. – Спасибо Всеединому.

Побуда заметила, как нервничает Марика, несмотря на все попытки это скрыть.

– Ничего особенного, щена, – усмехнулась она. – Просто бросаешься к какому-нибудь самцу, прыгаешь на спину, приподнимаешь ухо и вонзаешь позади него нож. Глубоко, до самого мозга. А потом спрыгиваешь, прежде чем он свалится.

– Побуда! – рявкнула Скилджан.

– Гр-р-рм?

– Как-нибудь без этого. И уж точно я не позволю такого никому из моего логова. Нам нечего и некому доказывать. Мне нужен каждый, способный донести домой мясо. А не друг друга.

Побуда нахмурилась, но возражать не стала.

– Что, так правда делают? – спросила у матери Марика.

– Иногда, – призналась Скилджан. – Чтобы показать отвагу. Хотя за ухом – хорошее место. Для стрелы. – Наклонив голову, Скилджан принялась. Ветер донес резкий запах, предвещавший появление кропеков. – Единственное место, попав в которое стрела может его убить. Не считая выстрела снизу вверх в глаз.

– Зачем тогда пользоваться луками?

– Если в стадо попадет достаточно стрел, оно замедлится. Мы добываем в основном отбившихся – старых, хромых, глупых, молодых, которые замешкались, чересчур осмелели или же оказались слишком дурными. – Она многозначительно посмотрела на Марику. – Держись возле меня. Подальше от стада. Если хочешь – стреляй из лука, хотя на бегу это будет нелегко. Главное – побольше шуметь. Отвлекай их. Наша задача – сделать так, чтобы они продолжали бежать. – Немного подумав, она добавила: – У охоты в лесу есть свое преимущество. Деревья не дают им сбиться в кучу.

Скилджан приходилось напрягать голос, чтобы перекричать кропеков. Марика старалась не смотреть на коричневую полосу. До чего же их много!

Тембр шума несколько изменился. Стадо побежало быстрее. Сквозь грохот Марика едва расслышала вой охотящихся мет.

– Приготовься, – сказала Скилджан. – Сразу, как только вожаки поравняются с нами. И делай то, что я тебе велела. Домой я тебя не поташу.

– Да, мам.

От всех отважных мыслей, что возникали у нее в стойбище, не осталось и следа. Сейчас ей хотелось только одного – улизнуть подальше вместе с Кублином, Замби и самцами.

Ей было страшно.

Побуда понимающе на нее посмотрела.

Грохот копыт оглушал. Приближающееся стадо напоминало вздымающуюся волну на поверхности земли, внезапно становящейся из зеленой коричневой. Вдоль ближнего фланга вприпрыжку бежали высокие поджарые фигуры, завывая и время от времени нанося удары копытами.

– Вперед! – сказала Скилджан и бросилась к стаду.

Марика побежала за ней, сама удивляясь, почему поступает столь глупо.

Дегнаны с воем выбежали из леса, выпуская стрелы в вожаков стада, которые помчались быстрее. Метнувшись вперед, Скилджан ткнула дротиком в одного самца. Марика даже не пыталась за ней последовать – у нее не было никакого желания подходить ближе чем на двадцать футов. В глазах уродливых зверей не было страха. Казалось, они обладали зловещим, глумливым разумом. На мгновение Марика испугалась, что у кропеков есть насчет их собственные планы.

Бег продолжался, а с ним быстро приходила и усталость. Преследовавшие стадо меты поотстали, выбившись из сил, и бежали легкой рысцой, переводя дух. Кропеки, казалось, не знали устали.

Выносливости, однако, метам было не занимать. Они могли бежать так неопределенно долго, хотя для охотничьего рывка хватало сил всего на милю.

Какой-то самец из стада кинулся к Скилджан. Рядом мгновенно оказались Побуда и Геррьен, готовые при первой же возможности вклиниться между ним и стадом. Отпрянув, самец побежал плечом к плечу с другими такими же злобно сверкающими глазами тварями. Марика вздрогнула, представив, что могло случиться с тем, кому не повезло бы оказаться на их пути.

В сторону бросился еще один самец. И снова к нему метнулись охотницы. И снова зверь отпрянул.

Марика попыталась выпустить стрелу, едва не попав в охотницу. Стрела, лишившись убойной силы, исчезла в гуще кропеков. Марика решила больше не рисковать.

Легкие ее пылали, мышцы ног болели. И она все больше злилась на этих зверей, отказывавшихся выстроиться в ряд и умереть.

Из стада выскочил третий самец. «Ну, давай же! – подумала она. – Иди сюда, ко мне...» Развернувшись, он атаковал ее, едва сам не упав от резкого поворота.

Она не остановилась, но и не попыталась уклониться от яростной, сокрушительной атаки. А в голове – ни одной мысли, невозможно придумать, что делать дальше.

Мимо промчалась Побуда, перепрыгнув через кропека и в прыжке вонзив дротик ему под лопатку. Секунду спустя по другую сторону от зверя оказалась Геррьен, поразив его дротиком, когда тот, пошатнувшись, решил броситься следом за Побудой. Затем он попытался накинуться на Геррьен, но Барлог воткнула копьё ему в зад, и он, прыгнув вперед, отбежал еще дальше от стада.

А потом он остановился, развернулся и устремился прямо к Марике. Ей оставалось лишь перепрыгнуть через него, глядя, как навстречу поднимается широкая пасть, полная способных перемолоть что угодно зубов.

Хоть она и подпрыгнула достаточно высоко, задние лапы задели морду зверя.

– Беги! – завопила Скилджан.

Марика лишь один раз оглянулась, увидев, что кропек стоит поодаль, окруженный со всех сторон.

«Неужели это все я? И я вправду сумела его выманить? – подумала она. – Или это случайность? Надо попробовать еще раз».

Но времени уже не было. Они приближались к построенной утром преграде. Марика пристально наблюдала за матерью.

Скилджан замедлила бег и свернула в сторону от стада, чтобы дать ему возможность рассеяться, обходя барьер.

Но стадо не стало сворачивать. Оно мчалось на полном бегу вперед, прямо на преграду.

Сколько тонн мяса кропеков содержала в себе эта бушующая волна? Вряд ли можно было сосчитать. Преграда рухнула. Кропеки карабкались на кропеков. Воздух наполнился яростным, полным мучительной боли визгом.

Вокруг них спасались бегством десятки охотниц, рассчитывавших, что стадо разделится и оббежит их. Теперь же они рассчитывали, что умение быстро бегать поможет уклониться от всепоглощающей волны. И большинству это удалось.

Скилджан не стала снова включаться в гонку. Поравнявшись с баррикадой, Дегнаны остановились на безопасном расстоянии от несущегося потока.

– Когда пройдет основная часть стада, здесь будет немало отставших, – сказала она.

Марика подумала было выпустить стрелу, но Побуда прочитала ее мысли:

– Только зря потратишь стрелы, щена. Побереги их.

Казалось, прошли часы, прежде чем мимо пробежали последние кропеки.

Скилджан была права – отставших хватало, хотя те, что упали раньше, превратились в кровавые пятна на утопанной земле. Стая двинулась вперед, и началась резня.

Отставшие кропеки сбились в плотную массу. Вооруженные мощными клыками самки расположились вокруг, удерживая оборону, пока более быстрые и проворные самцы ждали возможности наброситься на мучителей.

Внизу в долине стадо застряло в узком месте, и ему приходилось пробиваться сквозь град стрел и копий, которые швыряли десятки охотниц, засевших в безопасности на высоких камнях. В последующие несколько дней с большей частью раненых кропекоев могло быть покончено.

Марика попыталась выманить одного из окруженной возле сломанной преграды группы, но ей не повезло.

Ее дар – если он в самом деле был даром, а не проклятием – оказался страшно ненадежным.

Охотницы начали выбирать среди отставших самых нетерпеливых самцов, по одному зараз. Измученные звери бросались в яростную атаку, после чего их окружали со всех сторон. Работа шла медленно, но количество туш, которых отволакивали в сторону, чтобы дать остыть, а затем разделать, неуклонно росло.

Охотницы не знали жалости, и охоте, казалось, не будет конца. С наступлением ночи самцы развели костры из остатков баррикады, и свет огня отражался красным в глазах осажденных кропекоев. Звери уже не бросались вперед, дав временную передышку, хотя в них продолжали лететь стрелы, причиняя вред, пусть и небольшой. Попадавшие в голову стрелы в основном просто отскакивали.

Костры горели по всей долине. Повсюду по обеим берегам реки меты разделяли туши, обедавая потрохами. Марике показалось, что ее брюхо вот-вот лопнет.

В дальнем конце равнины слышался визг и ворчание кропекоев, пытавшихся преодолеть узкое место.

Скилджан наконец позволила Марике забрать спальный мешок и расположиться вместе с другими шенками. Среди прочих она обнаружила Кублина, столь вымотавшегося, что ей стало за него страшно. Но он не жаловался, в отличие от Замберлина, который ворчал по любому поводу, хотя природа наделила его куда большими возможностями для преодоления трудностей.

Однако, прежде чем расстаться, Скилджан сказала:

– Подумай обо всем, что ты сегодня видела. Поразмышляй как следует. Меты часто ведут себя во многом подобно кропекам – несутся сломя голову к некоей цели, и ничто не в силах их с этого пути свернуть.

Несмотря на все размышления, Марика еще долго не понимала, какой урок ей преподали.

Глава пятая

I

Марика была на сторожевой вышке, когда наутро после ночной вылазки матери вернулись кочевники. Спуститься она уже не успела.

К ним приближались около двух сотен, со стороны стойбища Ласпов. Они остановились на расстоянии вне досягаемости стрел, завывая и потрясая оружием и амулетами. Среди них ходили Мудрые, благословляя на битву. Их охотницы несли шесты, увенчанные черепами метов и арфтов, а также хвостами кринов – громадных травоядных с Жотака, которых кочевники почитали как священных. Их ярость, хитрость и выносливость вошли в легенду. Отсюда и значимость их хвостов.

Вперед вышел рослый молодой самец. Оскалившись, он перешагнул через оставшиеся после прошлой ночи трупы и прорычал:

– Покиньте стойбище, и вам все простят! Будете сопротивляться – мы сожрем ваших щенков!

Весьма отважное заявление для самца, подумала Марика. Вероятно, это тот самый одиночка, которого Мудрые называли верленом. Какой другой самец осмелился бы на подобное?

Скилджан послала стрелу. Вряд ли она могла промахнуться, но стрела пролетела стороной. Ветер, решила Марика.

Но мать промахнулась еще дважды, чего никогда раньше не бывало. Как она ни старалась, выстрелы не достигали цели. Кочевники откровенно веселились. Безумный самец издевательски взвыл и, повернувшись спиной, не спеша пошел прочь.

Он получил свой ответ.

– Эй, бродяга! – крикнула Скилджан. – Ты осмелился навлечь на себя гнев Всеединого, поправ законы наших прародительниц. Если ты и впрямь считаешь себя избранным, встреться со мной в смертельном поединке!

Вокруг частокола раздался полный ужаса ропот. Неужели Скилджан тоже сошла с ума? Встретиться в смертельном поединке с самцом? Неслыханное дело. Небывалое и отвратительное. Вряд ли этих тварей следовало воспринимать всерьез.

Марика, однако, сразу же все поняла. Это была уловка, чтобы унижить верлена в глазах последователей. Если он откажется, его сочтут трусом. Его положение наверняка было весьма шатким – самцы не возглавляют стаи, а стаи не объединяются. Марика вспомнила охоту на кропеков. Не было ли и тут чего-то подобного – кочевники объединились, не видя иного выхода?

Угрозу со стороны верлена можно было разрушить несколькими хорошо подобранными словами или с помощью предложенного поединка, в исходе которого вряд ли стоило сомневаться. Ни один самец не мог противостоять охотнице, столь быстрой, яростной и опытной, как Скилджан.

Верлен повернулся, насмешливо оскалился, слегка поклонился и пошел дальше.

Уловка не удалась. Кочевники не услышали вызова Скилджан.

Подойдя к ним, верлен взял у одного копьё и оперся на него, а затем лениво махнул лапой в сторону стойбища.

Две сотни кочевников взвыли и устремились в атаку.

На этот раз Дегнаны подготовились лучше. Волну атакующих встретили все лучницы. На орду обрушился град отравленных стрел. Десятки упали еще до того, как атака добралась до частокола. Скилджан поставила половину лучниц там, где нападавшие не могли до них

добраться, не преодолев внешний частокол. Даже когда начался ближний бой, эти охотницы продолжали стрелять.

Старухи, еще способные натягивать луки, взобрались на крыши логов. Самки на частоколе расположились так, что в некоторых местах кочевникам пробраться было легче, чем в других, но в итоге они оказывались под обстрелом старух. Скилджан заранее приготовила все трофейные мечи, и теперь они несли смерть.

Кочевники захватили помост за внешним частоколом и с помощью принесенных лестниц пытались перебраться за внутренний. Многие свалились в пространство между оградами, пораженные стрелами.

Вооруженные самцы и старшие щенки присели в тени под внутренним помостом. Когда кочевники спрыгивали вниз, их атаквали со спины. Многие погибли, а выжившие обнаружили, что логова надежно заперты. Когда они набросились на самцов и щенков, их перестреляли лучницы с крыш.

То была чудовищная бойня. Марика с отчаянно бьющимся сердцем чувствовала, как растет надежда. Все могло снова получиться! Уже свыше половины налетчиков лежали мертвые. Остальные, вероятно, сбегут, сообразив, что их послали на убой.

Но надежда умерла.

Из леса со стороны пещеры Мачен появилась воющая орда кочевников, в несколько раз превосходившая численностью предыдущих «гостей». Они наступали с северной стороны, а все силы Дегнанов сосредоточились на восточной.

Марика закричала, зовя мать, и показала в ту сторону. Скилджан посмотрела, и выражение ее морды изменилось. Прежде чем она пришла в себя, какой-то кочевник едва до нее не добрался.

Новые налетчики устремились к частоколу, почти не пострадав от стрел. Они кишели у его подножия, будто личинки в разложившейся туше. Поднялись лестницы, и нападавшие вскарабкались наверх, захватив плацдарм. Они группами двинулись по помостам направо и налево, некоторые перебрасывали лестницы ко второму кругу. Другие прорубали ворота, пытаясь проникнуть в стойбище традиционным путем.

Десятки их погибали под дождем отравленных стрел, но это, похоже, нисколько их не волновало.

Их было так много...

Десятки добрались внутрь невредимыми и набросились на щенков и самцов. Еще больше десятков погибло. Любое оружие, даже самое грубое, было отравлено.

Старухи на крышах посылали стрелы так быстро, как только могли натягивать луки, но им не под силу было остановить нескончаемый поток. На мгновение Марика вспомнила кропеков, преодолевавших баррикаду в долине Плентцо. Здесь было то же самое. Неодолимое безумие.

То тут, то там кочевники пытались вскарабкаться по скользкому льду на логова, чтобы добраться до старых лучниц. Сперва им не везло.

Марика заскулила. Частокол остался почти без защитников. Все решали минуты... Ее переполнял ужас. Граукены. Каннибалы. Верлен обещал сожрать щенков. А она со своей вышки не могла ничего поделать. Только ждать.

Она увидела, как падает под грудой дикарей Геррѐн, рыча до самого конца и вонзив клыки в горло врага. Мгновение спустя точно так же свалилась ее мать, и она горестно взвыла. Ей хотелось спрыгнуть вниз, сбежать в лес, но она не могла. Подножие вышки окружили кочевники.

Сбежать не мог никто.

Она видела, как с воем корчится Замберлин на копье дикаря. Она видела, как умирает Солфранк, сражавшийся топором столь же яростно, как и любая охотница. До него в объятия

Всеединого отправились трое кочевников. Она видела, как старухи на крышах падают под ударами топоров и копий. У кочевников не было луков, хотя вряд ли это теперь имело значение.

Она увидела, как из-под помоста выбегает Кублин с кровавой раной в боку, пытаясь добраться до материнского логова. За ним гнались двое кочевников, истекая слюной.

В Марике вскипела черная, раскаленная ярость. Нечто овладело ею. Она видела преследователей Кублина будто в темном тумане, движущихся в замедленном темпе. Казалось, она видит их насквозь, как если бы они лишились шкур. И еще она заметила парящих в воздухе призраков, будто над сражением витали духи всех ее прародительниц. Усилием воли она обрушила смертельное проклятие на сердца преследователей Кублина.

Те споткнулись и взвыли, роняя оружие и хватаясь когтями за грудь.

Марика уставилась на них. Что? Неужели у нее получилось? Неужели она убила силой мысли?

Она попробовала снова, но на этот раз ничего не произошло. Вообще ничего. Скуля, она изо всех сил пыталась вернуть ту раскаленную черноту, чтобы спасти остатки своей стаи. Но ничего не вышло.

Кочевники крушили двери логов. Они вломились в логово Геррьен, и мгновение спустя площадь оглушили вопли малышей и старух. Из логова вышел кочевник с годовалым щенком в лапах и вышиб ему мозги о дверной косяк. За ним последовали другие, тоже таща перепуганных щенков. Изломанные маленькие тельца сваливали в кучу. Внутрь хлынули новые кочевники. Некоторые выносили добычу, некоторые тащили факелы. Они пытались поджечь другие логова, что оказалось нелегкой задачей.

Вскоре все сражение свелось к схватке с единственной группой охотниц, столпившихся у дверей логова Скилджан. На крыше оставались лишь две старухи, отважно посылавшие стрелы. Кочевники теряли интерес. Некоторые грабили уже взломанные логова или ссорились из-за еды. Другие свеживали тушки щенков из логова Геррьен. Кто-то разводил большой костер из захваченных дров. Победное празднество началось еще до того, как убили всех Дегнанов.

И Марика видела все это из своей ловушки на вершине сторожевой вышки.

К ней по лестнице забрался кочевник, но она воткнула нож ему в глаз. Он судорожно дернулся, ощутив действие яда, и рухнул вниз. Его сородичи на земле проклинали ее, швыряя камни и копья, но не причинили никакого вреда. Прутья корзины отражали их удары.

Она взглянула на верлена, который стоял в одиночестве, опираясь на копьё и победно ухмыляясь. И на нее помимо воли вновь нахлынула тьма – столь быстро, что она едва успела придать ей форму. Она увидела его лишенным плоти, увидела призраков и, охваченная страхом, пожелала, чтобы его сердце разорвалось. Сквозь тьму она увидела, как он изогнулся от мучительной боли, – а потом что-то отразило ее удар, и тот вернулся обратно. Она попыталась уклониться, присев и скуля.

Что бы ни случилось, оно не причинило ей вреда, лишь еще больше напугало. Поднявшись и выглянув из корзины, она увидела, что верлен стоит на том же месте, судорожно вцепившись в копьё. Она не убила его, но он пострадал, и весьма серьезно. Лишь сила воли удерживала его на ногах.

Набравшись храбрости, Марика попыталась снова призвать тьму.

Последние защитники логова Скилджан упали замертво. Кто-то схватил Кублина и швырнул в груды бесчисленных тел на окровавленной площади. Он с трудом пошевелился, пытаясь отползти. Марика беззвучно вскрикнула, изо всех сил желая, чтобы он не двигался, притворившись мертвым. Может, каннибалы не обратят на него внимания. Он замер.

Кочевники начали рубить топорами двери, не поддававшиеся грубой силе. Дверь логова Скилджан грохотала, будто огромный барабан. При каждом ударе Марика вздрагивала, гадая, как скоро какой-нибудь кочевник сообразит, что топором можно свалить вышку вместе с ней самой.

Дверь логова Скилджан поддалась. Марика услышала яростные проклятия Похсит и Зертан. Ее бабка выскочила наружу с неведомо откуда взявшейся живостью, нанося удары смазанными ядом когтями. Она убила троих, прежде чем упала сама.

Марика не видела, что стало с Похсит. Вышка угрожающе затрещала.

Вознеся молитву Всеединному, она схватилась за окровавленный нож. Пусть хотя бы еще один отправится с ней во тьму. Всего один.

II

Марика окинула взглядом родные места, которые ей предстояло покинуть. На севере – леса и холмы, переходящие в невысокие нагорья Жотака. Дальше – тайга, тундра и вечная мерзлота. Именно с той стороны пришли зима и граукены.

Внизу уже жарили щенков. От запаха горелой плоти метов Марику стошнило. Окружившие вышку кочевники осыпали ее ругательствами.

На востоке простирались заснеженные холмы, похожие на голые кости. За долиной Плентцо холмы становились выше, образуя идеальную территорию для отеков.

На юге местность постепенно понижалась к восточному рукаву Хайнлин, а затем вновь поднималась к лесистым холмам, едва заметным на фоне бледно-серых туч. Марика никогда не бывала дальше реки и знала о юге лишь по рассказам.

Запад почти не отличался от востока, не считая того, что на холмах редко росли деревья и не было высоких холмов вдаль. Местность продолжала понижаться до самого слияния рек, где во многих днях пути отсюда стояла каменная крепость.

При мысли о крепости она вспомнила о посланницах, Грауэл и Барлог. Посланницах с помощью, которая придет слишком поздно.

Она ощутила нечто похожее на контакт.

На мгновение ей показалось, что это всего лишь дрожит вышка под сокрушительными ударами топоров.

Снова мысленное касание.

Да, это оно.

Развернувшись, она посмотрела на верлена. Тот уже несколько очухался и шел в сторону стойбища, опираясь на копье, будто на костыль. Казалось, он не обращал ни малейшего внимания на горы трупов и опрокинутые его последователями кольца с насаженными на них головами. Погибли четыре пятых его метов. Неужели ему все равно?

Заметив его слабость, она ощутила легкую гордость. Ей все же удалось кое-чего добиться, как и всем Дегнанам. Ужас, который несли с собой кочевники, больше не будет грозить Верхнему Понату.

И все же – что за странное касание? Если это не он, тогда кто?

Она снова вспомнила о посланницах и об отклике, который получила от старой меты из крепости. Насколько близко были Грауэл и Барлог с немногочисленной помощью? Может, ей хватит ее странного дара, чтобы хотя бы предупредить их о кочевниках?

Марика открыла им навстречу свой разум – и не поверила собственным чувствам.

Они были близко. Совсем близко. В той стороне... Присмотревшись внимательнее, она сперва увидела лишь низкорослые конусообразные деревья, испещрявшие снежный ландшафт. Потом она поняла, что некоторые деревья отличаются от других, поскольку росли там, где никаких деревьев до этого не было. И они короткими рывками двигались в сторону стойбища.

Это были вовсе не деревья, а три меты, очень похожие на ту, что убила ее мать возле пещеры Мачен. И одеты они были так же. Подобного одеяния Марика никогда прежде не видела – свободного, просторного, развевающегося на ветру. Они приближались к стойбищу

неумолимо, словно наступающая зима, – посредине самая высокая, по бокам две обычного роста.

В сотнях ярдов позади них Марика различила Грауэл и Барлог, присевших возле дерева. Две охотницы из логова Геррьен уже осознали масштаб случившейся катастрофы, и это настолько их потрясло, что они не могли идти дальше.

В опору вышки продолжал врезаться топор. Что-то они не торопятся, подумала Марика. Может, хотят преднамеренно ее помучить? Или топор пришел в полную негодность?

Три черные фигуры теперь отделяло от стойбища всего двести ярдов, и они больше не пытались скрываться. Какой-то кочевник заметил гостей и, рыча, показал в их сторону. Десятки других кочевников вскарабкались на помосты за частоколом. Самец, рубивший вышку, на мгновение прервался.

Три черные фигуры остановились. Та, что посредине, подняла лапы и направила указательные пальцы на ограду.

Марика ничего не увидела, но ее разум содрогнулся от удара, столь же мощного, как контратака верлена. Кочевники с воплями падали с частокола, хватаясь когтями за грудь точно так же, как и напавшие на Кублина.

Вопли смолкли, и над стойбищем повисла глубокая тишина. Кочевники устали на внезапно погибших. Самец под вышкой выронил топор. Все стояли, раскрыв рты, но не издавали ни звука.

Затем поднялся возбужденный ропот, и на частокол полезли новые кочевники.

На этот раз все три темные меты подняли лапы, и все кочевники на ограде упали, вопя и цепляясь когтями за грудь.

Кочевники устремились в спиральный проход, карабкаясь на частокол. Охваченные жадой убийства, они кинулись к трем метам. Горстка их окружила верлена, который, похоже, остановился, чтобы перевести дух. Марика не могла даже предположить, какой сбивчивый рассказ он услышал, но видела, как он вздрогнул и, будто усилием воли, взял себя в лапы.

Кочевники, решившие атаковать мет в черном, погибали десятками. Никто не сумел приблизиться ближе чем на дюжину футов.

Меты в черном двинулись вдоль частокола, к входу в спираль.

Дождавшись их, верлен что-то сделал, и одна, слабо вскрикнув, упала. Остальные остановились. Высокая совершила некий жест пальцами, и верлен замер. Марика ощутила его удивление. Окоченев словно труп, он медленно повалился ничком.

Кочевники отчаянно взвыли и побежали, но это им не помогло. Самым быстрым удалось преодолеть не больше двадцати ярдов.

Две меты в черном склонились над третьей. Марика увидела, как высокая качает головой. Поднявшись, они вошли по спиральному проходу в стойбище. Внутри еще пара десятков кочевников лезли на частокол, пытаясь сбежать.

Марика пребывала в полнейшем замешательстве.

Две меты вошли внутрь стойбища. Последние несколько кочевников умерли, не успев швырнуть копыя. Погибших было множество, но ни на ком не осталось ран.

Две меты в черном направились к центру площади, переступая через мертвецов, но не обращая на них никакого внимания. Остановившись, они медленно повернулись, окидывая взглядом побоище. Похоже, они знали о Марике на вышке, но щена была им полностью безразлична. Высокая что-то сказала, и та, что пониже, подошла к двери логова Логуш. Мгновение спустя изнутри послышались вопли кочевников. Она отправилась к логову Фехсе, и снова раздались вопли. Похоже, ее это удовлетворило.

Марика наконец встряхнулась, разминая затекшие мышцы, и заставила себя двигаться. Она так тряслась от страха, что дважды едва не упала, спускаясь с вышки. Схватив топор самца, который до этого рубил опору, она бросилась туда, где в последний раз видела Кублина.

Кублин был единственным ее родственником, который мог выжить.

Ей пришлось откапывать его из-под груды тел кочевников. Он все еще дышал, и рана кровоточила. Прижав его к себе, она разрыдалась, считая, что ему уже ничем нельзя помочь, хотя не обладала ни знаниями, ни опытом целительницы.

На Кублине сосредоточились все ее мысли, все ее горе и чувство утраты. Внутри ее закружилась тьма. Ее окружило множество призраков, будто духи мертвых не хотели покидать поле боя. Кублин вдруг словно стал прозрачным, и она увидела, насколько глубоки его порезы и раны. Охваченная яростью, она пожелала ему здоровья вместо смерти.

Кублин тотчас же открыл глаза:

– Марика?

– Да, Кублин. Я здесь, Кублин. Кублин, ты сегодня вел себя так храбро!

– Ты же была на вышке, Марика. Как ты сумела спуститься?

– Пришла помощь, Куб. Мы победили. Они все мертвы. Все кочевники. Посланницы вернулись вовремя.

Это была ложь. Что значит – вовремя? Из всех Дегнанов, кроме самих посланниц, в живых оставались только они с Кублином. Да и он скоро умрет.

Что ж, по крайней мере он отправится в объятия Всеединого, думая, что им все же удалось чего-то добиться.

– Храбро, – повторил Кублин. – Когда пришло время. Когда это что-то значило. Все оказалось легче, чем я думал, Марика. Потому что мне не надо было ни за кого беспокоиться.

– Да, Кублин. Ты вел себя как герой. Не хуже любой охотницы.

Он вознаградил ее тем самым победоносным взглядом, за который она любила его больше всех братьев и сестер, а потом обмяк. Когда Марика наконец поняла, что он умер, она расплакалась.

Меты крайне редко проливали слезы, если не считать обрядов. Пара в черном повернулась и уставилась на нее, но даже не попыталась подойти. Они лишь обменялись несколькими словами, наблюдая за ней.

В стойбище наконец вошли посланницы, потрясенно взирая на побоище. Грауэл протяжно, мучительно завывала. Барлог подошла к Марике и мягко почесала ее макушку, будто утешая плачущего щенка. Марика задумалась, что стало с ее шапкой. Почему она не чувствует, как мороз щиплет уши?

Взяв себя в лапы, Грауэл подошла к двум метам к черном.

III

Они укрылись на ночь в логове Скилджан, которое продержалось дольше всего и меньше всего пострадало. Марика никак не могла избавиться от застрявшего в ноздрях запаха жареного щенячьего мяса. Дрожа и обхватив себя лапами, она забилась в тень, где полностью ушла в себя, глядя, как сквозь стены логова всплывают призраки. Она долго была не в себе. Иногда она видела метов, которых тут не было, и разговаривала с ними. А потом она увидела мету, которая, возможно, была здесь на самом деле, и не поверила глазам.

Посланницы заставили Марику выпить настой чафа, который в конце концов погрузил ее в долгий крепкий сон без сновидений.

И тем не менее глубокой ночью она то ли отчасти проснулась, то ли ей приснилось, что слышит разговор парочки в черном. Вокруг одного очага лежали Грауэл, Барлог и груды рваных шкур, под которыми мог быть кто-то третий, а две чужие меты сидели у другого.

– Это она коснулась нас в Акарде, – сказала высокая. – И она же сумела дважды поразить врага во время боя. Она сильна, и Всеединое к ней благоволит.

Груда шкур пошевелилась.

– Но она не обучена, – возразила вторая. – Тех, кто сами обнаруживают у себя дар, трудно дисциплинировать. Им никогда не найдется места.

Марика поняла, что мета очень стара – наверняка старше ее бабки, хотя раньше она этого не замечала и вообще к ним не присматривалась. И тем не менее ей хватило сил, чтобы совершить долгий переход в форсированном темпе, путешествуя без отдыха, а потом у нее еще оставалась энергия, чтобы прогнать или убить сотни кочевников. Какая мета способна на такое? Что за создания эти меты из крепости?

«Суки-силты», – послышалось ей бормотание матери, словно та была все еще жива и сидела у очага, бормоча обо всем, что ей так ненавистно. Но по крайней мере Марика ее не видела. Разум постепенно приходил в себя.

– Нужно забрать ее с собой. В конце концов, именно такова была наша цель. Найти источник того контакта.

– Конечно. Нравится нам это или не нравится, страшно или не страшно. Хлес, у меня насчет ее предчувствие. Мне постоянно приходит на ум одно и то же имя, и я никак не могу от него избавиться. Джиана. Добра от нее ждать не стоит. Ее окружает аура рока. Не чувствуешь?

Вторая пожала плечами:

– Возможно, я недостаточно Мудрая. Что насчет остальных?

– От старухи нет никакого толку. К тому же она сумасшедшая. Но охотниц мы тоже заберем, пока они еще ошеломлены и не готовы кинуться сломя голову в леса, чтобы отомстить за свою стаю и погибнуть самим. Нам всегда не хватает помощников, а у них нет другой стаи, к которой они могли бы примкнуть. Лично я полагаю, что от них будет куда больше пользы, чем от этой щены.

– Возможно. Возможно. Лишние лапы никогда не помешают. Ха! Смотри-ка. Видишь, как блестят в свете очага ее глазки? Она и впрямь сильна, если смогла противостоять действию чафа. Спи, маленькая силта. Спи.

Груда шкур позади двух странных мет снова пошевелилась. Словно змея, подумала Марика.

Высокая мета протянула к Марике лапу и пошевелила пальцами. Мгновение спустя пришел сон, хотя она изо всех сил сражалась с ним, охваченная страхом. А проснувшись, она все помнила, хотя и не могла понять, было ли это во сне или наяву.

Впрочем, какая разница? Мудрые не особо отличали одно от другого. Она приняла происшедшее как данность, хотя услышанное казалось ей полной бессмыслицей.

Глава шестая

I

Наступило утро. Марика проснулась, не понимая, что происходит. Где все те звуки, с которых начинался день в логове? Не слышалось ни стука, ни разговоров, ни перебранок. Вокруг было тихо, словно в могиле. Марика все вспомнила – и заскулила.

Раздались шаги, и кто-то остановился рядом с ней. Она лежала, отвернувшись к стене. Вряд ли она ожидала, что именно такой окажется ее первая ночь на территории охотниц!

До нее дотронулась чья-то лапа.

– Щена? Марика?

Перекатившись на другой бок, она увидела перед собой морду Грауэл. Грауэл ей не нравилась. У охотницы из логова Геррьен не было своих щенят, и с чужими щенками она вела себя крайне грубо. Что-то с ней определенно было не так.

Но теперь перед Марикой была другая, изменившаяся Грауэл, потрясенная случившимся настолько, что стала нежной и заботливой.

– Ну, давай, Марика. Вставай. Пора поесть. И принять решение.

К удивлению Марики, еду готовила Барлог.

Она окинула взглядом свое логово, казавшееся пустым без привычной суеты и ворчания. Вокруг очага сидели чужие меты. Сколько чужаков когда-либо делили с ними трапезу? Крайне мало.

И еду готовила охотница. Воистину, настали дивные времена.

Еда оказалась именно такой, какую можно было ожидать от охотницы, готовившей всего несколько раз в жизни, к тому же в поле, – простая похлебка. У Марики, однако, все равно потекли слюнки – она ничего не ела со вчерашнего рассвета. И тем не менее она не набросилась на еду, которую подала Барлог. Она ела медленно, пытаясь оттянуть необходимость что-то решать и вообще как-то жить дальше. Но еда неизбежно закончилась, и Марика, сложив лапы на набитом животе, услышала слова Грауэл:

– Нам втроем нужно решить, что делать дальше.

Барлог кивнула.

Последние из Дегнанов. Последние из самой богатой стаи Верхнего Поната. Кое-что было уже и так ясно без слов. Нельзя просто дожидаться лета, а затем взять новых самцов и начать восстанавливать численность – особенно если учесть, что Грауэл не могла иметь щенков. Не было ни Мудрых, которые учили бы стаю, ни самцов, чтобы заведовать хозяйством в стойбище. Зато запасы еды, дров и тому подобного имелись в таком изобилии, что сами по себе становились помехой.

Наступали тяжелые времена. Даже если первыми не придут кочевники, какая-нибудь стая, оказавшаяся из-за них в отчаянном положении, могла обнаружить здешние богатства и решить ими поживиться. Или захватить стойбище. Две охотницы и щена не удержат оборону – если только с ними не останутся силты из крепости, причем на годы.

Марика подозревала, что не может быть речи даже о нескольких днях.

Она обругала про себя Всеединое, уставившись на угли на дне очага и размышляя о железе, шкурах и запасах еды, которые попросту пропадут из-за того, что Дегнаны не сумеют их защитить.

Соседи или кочевники. Хватало и тех и других, которые с радостью пойдут на убийство. Зима была в самом разгаре, и по миру бродили на свободе граукены.

Накануне некоторым кочевникам удалось избежать всеобщей бойни. Марика не сомневалась, что есть и другие, разбросанные по всему Верхнему Понату. Соберутся ли они вместе? Возможно, их разведчики уже сидели на скале Стапен, наблюдая за Дегнанами и зная, что стойбище станет легкой добычей, как только уйдут чужаки.

Но самый ужас будет, если, несмотря ни на что, все достанется именно кочевникам.

Марика насторожила уши, поняв, что к ней обращается Грауэл.

– Что? Я задумалась.

– Я говорила, что сестры предлагают нам место в своей крепости. – Голос Грауэл дрожал от едва сдерживаемого отвращения.

Меты в черном были теми самыми силтами, которых так ненавидели Похсит и мать с бабкой Марики.

Но почему?

– Если мы хотим выжить, у нас нет выбора, – продолжала Грауэл. – Барлог согласна. Может, нам удастся взять новых самцов и начать все заново, когда ты войдешь в возраст.

Марика медленно покачала головой:

– Не стоит лгать самим себе, Грауэл. Стая Дегнан мертва. И нам никогда не стать достаточно сильными, чтобы отбить это стойбище у тех, кто захочет им завладеть.

Ей хотелось увидеть каменную крепость, населенную метами, которых называли силтами, но не такой ценой.

– Беги к Ласпам, Грауэл, – продолжала она. – Скажи им. Пусть хоть на какое-то время наши богатства помогут тем, кто оказался в такой же беде. У них больше шансов все это сохранить. И они окажутся в долгу перед нами, значит нам будет куда однажды вернуться.

Сидевшие неподалеку силты не обращали на них внимания. Казалось, их куда больше интересовала самцовая половина стойбища. Они о чем-то пошептались, а потом вдруг повернулись к Дегнанам, будто им стало крайне любопытно, что ответят охотницы на предложение Марики.

Грауэл и Барлог оно застигло врасплох – подобное, вероятно, даже не могло прийти им в голову. Случалось, что две стаи делили одно стойбище, но очень редко.

Грауэл неохотно кивнула.

– Она столь же умна, как была ее мать, – сказала Барлог и встала.

Грауэл огрызнулась на нее, и они какое-то время спорили, кто понесет известие.

Марика поняла, что обе хотят оказаться подальше от стойбища, неодолимо напоминавшего о случившейся катастрофе.

– Идите обе. Так будет безопаснее. Вокруг все еще бродят кочевники.

Охотницы переглянулись, затем облачились в дохи. Мгновение спустя их уже не было.

Силты долго сидели молча, уставившись в очаг и будто пытаясь прочесть что-то в тлеющих углях. Марика собрала посуду. Пока она мыла ее и убирала, силты не сводили с нее взгляда, то и дело перешептываясь.

– Пора, – наконец сказала высокая. – Она не почуяла.

Взяв вымытую Марикой миску, она наполнила ее из котла и отнесла к люку, который закрывал погреб самцов стойбища. Поставив миску на пол, она открыла люк и подула, делясь ароматом с кем-то внизу, а затем с интересом отошла в сторону.

Марика прекратила свое занятие, не понимая, что происходит.

Появилась морщинистая, костлявая серая старческая лапа. Марика нахмурилась. Даже Хорват не...

За лапой испуганно последовала голова.

– Похсит! – выдохнула Марика.

Глаза саганы источали неподдельный яд. Схватив миску, она снова попятилась в погреб.

– Стоять, – приказала высокая силта. – Вылезай.

Похсит застыла, перестав пятиться, но и вперед не сделала ни шагу.

– Кто это, щена?

– Похсит, – ответила Марика. – Сагана этого стойбища.

– Понятно. – Тон силты сказал намного больше, чем слова. Похоже, ее отношение к сагане не отличалось от чувств самой Похсит к обитателям крепости. – Вылезай, старая обманщица. Быстро!

Дрожа, Похсит выбралась наверх, но, едва сойдя с лестницы, остановилась, в смертельном ужасе уставившись на силт.

Марике на мгновение стало весело – впервые за всю ее короткую жизнь сагана предстала перед ней в столь жалком виде. И тем не менее, несмотря на бившую ее дрожь, Похсит не спеша отправляла в пасть одну ложку похлебки за другой.

– Это ведь самцовая сторона стойбища, щена? – спросила высокая силта.

– Да, – еле слышно ответила Марика.

Похсит все так же не сводила с нее преисполненного яда взгляда.

Сагана пошатнулась. Миска и ложка выпали из лап, и она схватилась за виски.

– Нет! – завизжала она. – Убирайтесь из моей головы! Грязные ведьмы! Убирайтесь!

Визг оборвался, и Похсит свалилась будто шкура, сложившись пополам. Марика уставилась на нее. Именно так выглядела груды шкур, которую она видела ночью, то ли наяву, то ли во сне.

Выходит, Похсит тогда там была? Но силт, похоже, удивило ее появление. Казалось, они обнаружили ее лишь недавно.

Непонятно...

Но она ведь видела и свою мать? И Побуду. И многих других, которых здесь быть не могло, потому что все они мертвы. Или ей приснилось?

Марика вздрогнула, испугавшись, что теряет ощущение реальности.

Иную мысль, что она порой срывается с якоря, удерживающего ее в реке времени, она тут же отбросила прочь. О таком страшно было даже подумать.

– Как я и предполагала, – сказала высокая силта. – Ужас. Неприкрытая трусость. Она пряталась, думая, что дикари не станут ее там искать.

В глазах, выглядывавших из груды шкур, тлела ненависть.

Марика почувствовала возможность отплатить за все зло, что пыталась ей причинить Похсит. Достаточно было лишь попросить этих мет. Но Похсит была из стаи Дегнан. Безумная, злобная, отвратительная, ненавистная – но все равно ближе, чем любые чужаки.

Грауэл и Барлог будут рады узнать, что хоть одна Мудрая, к тому же сагана, осталась жива.

– Что будем с ней делать, щена? – спросила старая силта, словно прочитав ее мысли.

Марика уже знала, что это те самые создания, о которых испуганно бормотали взрослые, но все еще не понимала, что представляют собой силты.

– Делать? В каком смысле – делать?

Ей хотелось узнать, как зовут силт, чтобы увереннее их себе мысленно представлять. Но когда она об этом спросила, они уклонились от ответа, сказав, что имена не имеют значения. У нее возникло чувство, будто они не готовы довериться ей. Этого она вообще не могла понять. Единственные другие чужаки, которых она встречала, бродячие торговцы, называли свое имя в первую же минуту знакомства.

– Мы заглянули в ее мысли, и они теперь известны нам, как собственные. – (Похсит заскулила.) – Мы знаем, как она тебя мучила. Мы знаем, что она при первой же возможности лишила бы тебя жизни. Как бы ты отплатила за подобное зло?

Вопрос искренне озадачил Марику. Ей не хотелось ничего делать с Похсит, и силты наверняка должны были ее понять. Никто не призывает мстить Мудрым. Скоро они и так окажутся в объятиях Всеединого.

– Для нее слишком важны дикарские обычаи, – прошептала старая силта, но Марика ее услышала.

Вторая пожала плечами:

– Учитывай обстоятельства. Разве не простили бы мы всех своих врагов после подобного бедствия?

Марика никак не могла понять сути происходящего – то ли потому, что была еще слишком юна, то ли эти силты были для нее слишком чуждыми и непостижимыми.

Она уже год как была уверена, что Похсит сошла с ума. И теперь сагана окончательно это подтвердила.

Похсит метнулась из-под груды шкур к Марике. Блеснул железный нож, потускневший от следов яда Блаза. Марика слабо взвизгнула и попыталась отползти, но безуспешно.

Но Похсит не нанесла удар. Она устремила вперед, согнувшись в пояснице и с трудом держась на ногах. Марике она напомнила марионетку, которую показывали торговцы ночью у костра, закончив дневные дела. У саганы была такая же деревянная разболтанная походка.

Ноги пронесли ее через все логово, и она врезалась в стену в нескольких футах от двери.

Затем старая мета медленно поднялась, скуля сквозь зубы. Развернувшись, она встретила холодные взгляды силт, и мысль о повторной попытке тут же вылетела у нее из головы.

Похсит вела себя столь же бессмысленно, как и всегда.

– Что будем с ней делать, шена?

Несмотря ни на что, Марика не хотела причинять зла сагане.

– Ничего... – покачала она головой. – Я ее не понимаю. Я ее не ненавижу. И тем не менее она ненавидит меня.

– Так всегда бывает, когда ложь оказывается морда к морде с истиной. Имей в виду – пока она жива, твоя жизнь в опасности.

Страх вновь придал силт Похсит, и Марика вдруг поняла, что силта права: старуха спряталась в укрытии самцов из трусости.

– Похсит, Похсит... Чего ты боишься? Ты настолько стара, что смерть наверняка твоя близкая подруга.

Сквозь страх в глазах Похсит на мгновение промелькнула искра ненависти, но она не двинулась с места и промолчала. Марика повернулась к ней спиной:

– Пусть делает что хочет. Мне все равно.

Силты начали столь же старательно игнорировать Похсит, как и Марика. Какое-то время спустя сагана молча надела доху – чью-то чужую, слишком большую для нее – и выскользнула из логова. Марика заметила, как высокая силта слегка кивнула старой.

Лишь намного позже она поняла, что это значило.

II

Силты расспрашивали Марику о ее способностях. Как она осознала, что в ней есть что-то необычное? Как проявился дар? Похоже, силты не сомневались, что он принес бы ей немало неприятностей, если бы о нем узнали.

– Твоей матери следовало привести тебя в крепость много лет назад. Тебя и твоих братьев. Как приводят всех щенков. Таков закон.

– Я ничего не знаю про крепость и про закон, – ответила Марика. – Кроме того, что и то и другое мало интересует метов Верхнего Поната. Я слышала множество шуток на эту тему. И еще я слышала, как наша наставница Саэтл говорила: мы пришли в Понат, чтобы укрыться от закона.

– Несомненно.

Высокую силту крайне интересовала пещера Мачен, к вопросам о которой она постоянно возвращалась. Она попросила подробнее рассказать о своих ощущениях, и Марика постаралась упомянуть обо всем, о чем могла вспомнить.

– Ты как-то неуверенно рассказываешь. Будто знаешь кое-что еще, но боишься говорить.

– Да, – призналась Марика. – Просто не знаю, поверите ли вы мне.

– Ты удивишься, шена, но мы видели такое, в существовании чего усомнился бы любой твой сородич, – сказала старая силта.

В ее присутствии Марика чувствовала себя не слишком уютно – силта напоминала ей Похсит. И она могла бы при желании стать столь же злобной старухой, какой хотелось стать Похсит.

– В последний раз, когда я там была, меня на самом деле там не было. Если вы понимаете, о чем я.

– Не понимаем, – ответила высокая силта. – Почему бы тебе не рассказать?

– Ночью, когда мама и другие устроили набег на кочевников. Те собрались у пещеры Мачен возле большого костра вместе со своими Мудрыми, совершая некий обряд. В общем, я сумела мысленно последовать за мамой. Контакт был силен как никогда. Я могла видеть и

слышать все, что видела и слышала она. – Марика запнулась, бросив затравленный взгляд на силт.

– Ты что-то вспомнила?

– Да. Там была одна из ваших. С кочевниками...

Силты вскочили. Высокая начала расхаживать туда-сюда. Вторая нависла над Марикой, пристально глядя на нее.

– Я что-то не так сказала? Кого-то оскорбила?

– Вовсе нет, – ответила высокая. – Просто ты нас удивила и встревожила. Сестра вроде нас, говоришь? Расскажи подробнее.

– Особо нечего рассказывать. Мама с Геррьен атаковали кочевников. Большинство ударились в панику и сбежали. Но внезапно, словно из ниоткуда, появилась та мета, одетая почти как вы, и...

– В буквальном смысле?

– Простите?

– Возникла из ниоткуда? В самом деле? Не вышла из-за дерева или вроде того?

– Нет. Вряд ли. Она просто появилась перед мамой и Геррьен. Она что-то на них направила, а потом выругалась. Как будто оно должно было что-то сделать, но не сделало. Потом она попыталась ударить их этой штукой как дубинкой. Мама с Геррьен ее убили. Это было странное оружие, целиком из металла.

Силты переглянулись.

– Гм... целиком из металла? Где эта пещера Мачен? Думаю, нам было бы крайне интересно взглянуть на эту металлическую дубинку.

– Пещера Мачен на севере. Несколько часов пути. Но вам незачем туда ходить. Мама принесла дубинку в логово.

– Что, правда? – заинтересовались силты. – Где же она?

– Надо поискать. Мама куда-то ее убрала. Она говорила, что собирается обменять ее на что-нибудь у торговцев. Или, может, мы бы сделали из нее какие-нибудь орудия.

– Найди ее, пожалуйста.

За разговором Марика начала приводить логово в порядок. Пока лапы и язык были заняты, ей не приходилось думать о том, что снаружи. И теперь у нее появился еще один повод отвлечься – поиски трофея Скилджан.

– Вот она.

Высокая мета взяла странный предмет, и обе сели, передавая друг другу металлическую дубинку. Они внимательно ее изучали, даже поспорили из-за нескольких маленьких символов, выдвинутых сбоку. Но беседа их шла на языке, которого Марика не понимала. Судя по осторожности, с которой они обращались со штуковиной, Марика решила, что это нечто опасное. А они раньше хоть и видели подобное, но никогда не держали в лапах.

– Очень важно, чтобы ты вспомнила во всех подробностях мету, которую видела. Ту, что держала дубинку. Вне всякого сомнения, она была нашим врагом. Если мы сможем опознать ее стаю, скажем, по одежде, то лучше сумеем защитить свою. Среди кочевников не должно быть силт.

– И верлена тоже не должно быть, – сказала старая силта. – Верлен явился из ниоткуда, со столь же могущественными способностями, как у нас, или почти такими же. Такое просто невозможно.

Высокая мета ненадолго задумалась.

– Верно. – она пристально посмотрела на Марикку. – Еще раз – где эта самая пещера Мачен? – (Марика ощутила, как нечто коснулось ее разума, намного легче, чем в ночь, когда далекая силта ответила на попытку мысленно проникнуть в крепость.) – Ага, ясно. Сестра,

я все-таки туда отправлюсь. Посмотреть, не осталось ли тел. А ты узнай все, что можешь, от верлена.

Старая силта кивнула и тотчас же вышла из логова.

Вторая немного помедлила, молча глядя на Марику. Наконец она тоже ушла, слегка почесав Марику за ухом:

– Все будет хорошо, щена. Все будет хорошо.

Марика промолчала. Сев, она уставилась на угли в очаге, но не нашла среди них ответа.

III

Она еще немного прибралась в логове, двигаясь словно во сне. Поняв, что больше ей нечем себя занять, она надела доху. Рано или поздно все равно пришлось бы выйти наружу и взглянуть правде в глаза. Откладывать больше не имело смысла.

Все выглядело столь же кошмарно, как ей запомнилось, и даже хуже. Уже собрались стервятники. Этой зимой им точно хватит поживы.

Хоть это и было бессмысленно, она взялась за неблагодарную задачу – навести порядок в стойбище. Выбиваясь из сил, она перетаскала замерзшие тела соплеменников в сарай-пристройку у частокола, где им не угрожали стервятники. По крайней мере, пока.

У входа в логово Геррѳен она надолго застыла на месте.

Похсит. Мертвая. Одна ее лапа тянулась в сторону логова, будто в немой мольбе, а другая вцепилась когтями в сердце. Марика с трудом отвела взгляд и увидела у входа в спираль частокола наблюдавшую за ней старую силту.

Ни одна ни другая не произнесли ни слова.

Нагнувшись, Марика схватилась за лапу Похсит и потащила ее в пристройку к остальным. Возможно, теперь она начала понимать, что значило слово «силта» и почему их так боялись и проклинали взрослые.

Иногда ей не удавалось добраться до сородичей, погребенных под трупами врагов. Последних она выволакивала по спирали в поле за оградой, где бросала на поживу падальщикам. Она отметила, что верлена сдвинули с места и полностью раздели. Старая силта тщательно его обыскала.

Казалось, ее ужасающему занятию не будет конца. Столько тел... Когда ее мышцы начали протестовать, она дала себе передышку. И – принялась собирать брошенное оружие, которое переносила к дверям логова ее матери, аккуратно сортируя, будто для составления описи. Она попыталась снять с мертвецов одежды из шкур, что еще могли пригодиться, но это оказалось слишком сложно – сперва трупам требовалось оттаять.

Ее постоянно окружали стервятники, не желавшие держаться за пределами частокола. Они отлетали, хлопая крыльями и каркая, лишь когда оказывались на расстоянии пинка. Марике хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать их ссор из-за лакомых кусочков, – от этого можно было сойти с ума.

У нее и без того уже помутился разум. Она безжалостно загоняла себя, занимаясь бессмысленной работой.

Какое-то время спустя вернулась высокая силта, легко и изящно пробежав вприпрыжку по грязному снегу. В лапах она несла сложенную одежду, похожую на ее собственную. Она подошла ко второй силте, и обе стали молча наблюдать за Марикой, не вмешиваясь и не предлагая помощь. Казалось, они понимали, что совершается обряд изгнания злых духов. Марика продолжала свое занятие, не обращая на них внимания, пока мышцы не взмолились о пощаде, а усталость не начала валить с ног. Но она все равно не останавливалась.

Она не раз проходила мимо силт, делая вид, будто их не существует, но иногда до ушей доносились обрывки слов. В основном разговор шел о ней. Старуха была чем-то озабочена. Марика слышала, как ее называют умной, упрямой и слегка чокнутой.

Она задумалась: что удалось узнать высокой силте в окрестностях пещеры Мачен? Этого они не обсуждали. А ей было не настолько любопытно, чтобы спрашивать.

Солнце двигалось по небу, преследуемое пятнышками нескольких малых лун. Марика все больше тревожилась за Грауэл и Барлог. За время их отсутствия можно было добраться до стойбища Ласпов и вернуться. Не стали ли они жертвой выживших кочевников? В конце концов она забралась на вышку, грозившую рухнуть из-за поврежденных опор. Ей едва хватило сил, чтобы вскарабкаться наверх, но, взглянув в сторону соседнего стойбища, она ничего не увидела.

Она напряглась, пытаясь установить мысленный контакт, но со все большим отчаянием понимала, что ничего не получается. Однако ей обязательно нужно было убедиться, что с Грауэл и Барлог все в порядке! Не могло же Всеединое забрать и их, оставив ее наедине с жуткими силтами! Но все было безнадежно. Либо она лишилась способностей, либо те впали в спячку от потрясения и усталости.

Марика убеждала себя, что беспокоиться нет смысла, – это все равно ничем не поможет и ничего не изменит. И тем не менее ее не оставляла тревога. Она стояла, оглядывая окрестности и неосознанно давая себе передышку, пока ветер не забрался под меховую доху и мышцы ее не начали коченеть. После чего она спустилась с вышки и с головой ушла в работу.

Она сама не сознавала, что, собственно говоря, делает, но таким образом гнала прочь охватывавшее ее горе, угрожавшее стать невыносимым. Даже закаленным Грауэл и Барлог требовалось чем-то себя занять, чтобы сбросить хотя бы часть свалившегося на них бремени и придать какой-то смысл собственной жизни. Насколько же это было сложнее для шены, еще не научившейся в полной мере владеть чувствами!

Силты понимали, что такое горе. Они держались от нее поодаль и не пытались отговорить от вгонявших в ступор тяжелых усилий.

Тени удлинились, стервятники обожрались и не могли взлететь. Марика оттащила почти всех сородичей в пристройки. Внезапно она сообразила, что так и не нашла Кублина. Замби лежал там, где она помнила, но не Куб. До Куба она должна была добраться в первую очередь, поскольку оставила его наверху груды мертвых тел. Разве нет?

Может, она оттащила и его тоже, но не заметила? Или забыла? Чем больше она пыталась вспомнить, тем в большее замешательство приходила, стоя в нерешительности посреди площади под усиливающимися порывами горестно стонущего ветра.

Небо над головой угрожало новым снегопадом. Вокруг танцевали редкие снежинки, таявшие на носу и жегшие глаза. Несколько дней, в которые зима поубавила гнев, подходили к концу. Скоро мертвых укроет белый саван, и снимет его только весна.

К Марике подошла силта и повела ее в логово Скилджан, где усадила возле вновь разожженного очага. Вторая разводила огонь на половине самцов, а также расставляла котлы и посуду для приготовления еды, рассчитанной больше чем на троих. Обе молчали.

С наступлением темноты появились Грауэл и Барлог, ведя с собой выживших из стаи Ласп. Их было лишь чуть больше полусотни, и все вполне поместились в одном логове. Силты молча разливали похлебку, наблюдая за жадно евшими Ласпами. Чуть позже они приготовили настойку чафа и заставили Марику ее выпить. Уже засыпая и едва сознавая, как ее закутывают в шкуры, она пробормотала:

– Интересно, что вы нашли в пещере Мачен?

– Потом, маленькая силта. Потом. Пусть душа твоя отдохнет. Пусть отдохнет.

Марика проснулась глубокой ночью. Неподалеку потрескивал огонь, отбрасывая пляшущие тени. У очага сидела высокая силта, застыв как камень и лишь иногда подбрасывая дрова в пламя. Она посмотрела на Марику, и глаза ее блеснули в свете костра.

Ощувив легкое, мягкое, будто ласка, прикосновение, Марика испуганно отпрянула.

«Спокойно, малышка. Бояться нечего. Спи».

Что-то окутало ее утешающим теплом и уютom, и она тут же заснула.

Утром оказалось, что стойбище покрыто шестидюймовым слоем снега. Оставшиеся на площади тела утонули в неясных буграх, и над ними медленно кружились снежинки. Не чувствовалось ни ветерка, падали крупные снежные хлопья, и утро казалось обманчиво теплым, словно можно было выйти наружу, не одеваясь. Грауэл и Барлог рано поднялись, чтобы закончить начатое Марикой. К ним присоединились некоторые выжившие Ласпы. Никто не пророчил ни слова. Снег падал не спеша, но быстро накапливался. И снег этот был очень мокрым.

Наступил полдень. Силты велели всем вернуться в логово и как следует поесть. Марика заметила, как Мудрые Ласпов сторонятся силт в черном, и удивилась, но спрашивать не стала. Сейчас ей было не до вопросов.

Марика и Грауэл первыми вернулись наружу. Едва они шагнули под снегопад, охотница схватила Марику за воротник дохи и дернула вниз, зажав лапой рот, прежде чем щена успела хоть что-то сказать. Продолжая удерживать Марику, она показала другой лапой.

Сквозь снегопад виднелись смутные очертания двигавшихся вокруг логова Геррьен фигур. Кочевники! И они не могли не знать, что стойбище все еще обитаемо, поскольку из логова Скилджан обильно валил дым.

Марика ввалилась в дверь. Грауэл скользнула следом за ней. Убедившись, что снаружи ее не услышат, охотница объявила:

– У нас появилась компания. Кочевники. Вряд ли их много – пытаются пожить чем могут под покровом снегопада.

Положив ложки и миски, силты закрыли глаза. Мгновение спустя высокая кивнула:

– Их около десятка. Тихо воруют еду.

Дальше Марика не слушала. Барлог схватила лук и направилась к двери, даже не накинув доху. Марика бросилась за ней, пытаясь удержать, но безуспешно и тут же снова оказалась в снегу, все еще надеясь остановить охотницу.

Она оказалась рассудительнее, чем Барлог. Едва охотница вывалилась наружу, мимо ее уха просвистела стрела и воткнулась в стену логова.

Натянув тетиву, Барлог выстрелила в мелькнувшую тень. Тотчас же из снегопада вылетела еще одна стрела, но в цель не попала, в отличие от стрелы Барлог, вызвавшей полный боли визг.

Марику толкнуло в спину дверь. Наружу вывалилась Грауэл, ругая Барлог за глупость. Натянув лук, она присела в поисках цели.

Марика упала на живот. Барлог тоже присела. Над головами просвистели стрелы, застряв в стене логова или отскочив от нее. Послышались растерянные крики на чужом диалекте – кочевники обсуждали, сражаться или бежать. Стрела из лука Грауэл нашла очередную тень, и вопрос для кочевников решился. Забрав раненых, они бежали, не желая оставаться там, где обосновалась смерть.

«Где силты? – подумала Марика. – Почему они ничего не предприняли?»

Грауэл и Барлог, яростно рыча, бросились в погоню за кочевниками, наверняка зная, что догнать их не удастся. Марика с визгом кинулась за ними по спиральному проходу, чувствуя себя крайне глупо.

Кочевники скрылись за стеной снегопада. Грауэл и Барлог отнюдь не желали их преследовать, понимая, что легко могут угодить в ловушку.

– Успокойся, щена, – сказала Грауэл, удерживая Марику. – Они ушли.

За все это время Марика ни разу не ощутила даже намека на мысленное прикосновение. Силты ничего не сделали.

Едва вернувшись в логово, она тут же обрушилась на них с вопросом.

– Если хочешь стать силтой, малышка, учись думать наперед, – усмехнулась высокая. – Иди поразмышляй, почему может быть полезно дать некоторым из них сбежать.

Марика угрюмо последовала ее совету. Слегка успокоившись, она начала понимать: будет в самом деле неплохо, если разойдется известие, что стойбище Дегнанов все еще обороняется. По крайней мере, для выживших Ласпов так точно будет лучше.

Ее все больше занимали мысли о том, как перебраться в крепость силт.

Ближе к вечеру силты снова дали ей выпить настойки чафа. Грауэл и Барлог они тоже велели выпить настойки и отдохнуть. А когда наступила ночь и взошла Кусака, окутав мир серебристым сиянием, силты сказали:

– Пора уходить.

У Марики, Грауэл и Барлог имелись сотни причин не спешить, но меты в черном были непоколебимы, как камень. Они принесли дорожные мешки, которые собрали, пока Дегнаны спали.

– Возьмете их с собой.

Марика, слишком ошеломленная, чтобы спорить, оглядела содержимое своего мешка. Там была еда, одежда и некоторые вещи, которые могли пригодиться во время перехода. Она нашла там также несколько личных вещей – подарки от Кублина, Скилджан и ее бабки, которые когда-то многое для нее значили и теперь могли притупить боль. Она подозрительно взглянула на силт. Откуда те знали?

Грауэл и Барлог обреченно надели дохи. Марика натянула лучшие свои сапоги на меху отека. Оставлять их Ласпам не было никакого смысла.

Внезапно ее как ударило.

– Грауэл, наши книги! Мы не можем оставить книги.

Грауэл удивленно переглянулась с Барлог. Барлог кивнула. На мордах охотниц отразилась упрямая решимость.

– Книги тяжелые, щена, – сказала высокая силта. – Скоро вы устанете их тащить. И что тогда? Бросите в реку? Пусть лучше останутся там, где их по достоинству оценят и используют.

– Это сокровище Дегнанов, – настаивала Марика, отвечая силте, но обращаясь к охотницам. – Мы должны забрать с собой Летопись. Лишиться Летописи – для нас все равно что умереть по-настоящему.

Грауэл и Барлог горячо ее поддержали, удивив силт.

Лишь немногим стаям, обитавшим в диких краях, было свойственно ощущение своего места во времени и истории, каким отличались Дегнаны. Лишь немногие уважали свое наследие так, как Дегнаны. Большинство знали о своем прошлом лишь из рассказов старейших Мудрых, излагавших искаженные версии легенд, передававшихся из поколения в поколение от собственных прародительниц.

Грауэл и Барлог пребывали в замешательстве. Им было стыдно, что они сами не вспомнили о Летописи. Пока они ее сохраняли, существовали и Дегнаны, где бы ни находились. Никакие запугивания со стороны силт не могли заставить охотниц двинуться с места.

– Что ж, ладно, – сказала высокая, не обращая внимания на сердитое бормотание подруги. – Собирайте ваши книги. Но поторопитесь. Нужно идти, пока в небе луна. Возможно, небо скоро затянет тучами – с севера приближается буря.

Взяв факелы, охотницы покинули логово Скилджан. Обойдя остальные пять логов, они собрали все уцелевшие книги стаи. Марика принесла шесть книг, которые Саэтл хранила в логове Скилджан. Всего книг оказалось десять.

– И правда, – неохотно признала она. – Они и впрямь тяжелые.

Книги были большие, лапописные, в массивных переплетах из дерева и кожи. Некоторые весили под пятнадцать фунтов.

Марика отложила в сторону три тома Летописи и взглянула на охотниц, ожидая подтверждения.

– Я могу понести две, – сказала Грауэл.

– Я тоже две, – кивнула Барлог.

Это было уже четыре.

– Думаю, я тоже смогу понести две, которые полегче, – сказала Марика.

Она подвинула массивные тома Летописи к охотницам. Грауэл взяла две, Барлог другие две. Если кто-то из охотниц не доберется до крепости, они потеряют не больше двух книг.

Из оставшихся семи нужно было выбрать три.

– Какая, по-вашему, самая полезная? – спросила Марика охотниц.

Грауэл на мгновение задумалась:

– Не знаю. Я в книгах не разбираюсь.

– Я тоже, – кивнула Барлог. – Мое дело – охота. Нам от этих книг мало пользы. Просто хотим спасти, что можем.

Марика раздраженно оскалилась.

– Сама выбирай, – сказала Грауэл. – Ты у нас ученая.

Марика еще больше разозлилась. От нее требовали принять решение, причем серьезное, как будто она уже взрослая. К такому она была не готова.

Первым искушением было выбрать ту книгу, что принадлежала ее собственному логову. Однако Барлог напомнила, что логово Геррьен владело книгой по земледелию, чьи указания помогли стае увеличить урожай и сократить тяжелый труд, требовавшийся для выживания.

– Книга по сельскому хозяйству вам не понадобится, – сказала силта. – В полях вам работать не придется. Оставьте ее тем, кому она нужнее.

Что ж, одним томом меньше.

Марика оставила еще одну книгу – собрание старых историй, которые читали для развлечения маленьким щенкам. Там, куда они шли, она вряд ли понадобится. Но на дальнейший выбор Марика решиться никак не могла.

Обойдя вокруг очага, старая силта разложила книги перед Марикой, словно гадательные таблички из террака, с которыми столь часто совещались саганы.

– Закрой глаза, Марика. Освободи разум. Пусть тебя коснется Всеединое. А потом протри лапу и дотронься до книг. Их и возьмешь.

– Чистая случайность, – проворчала Грауэл.

– Ведьмовство, – добавила Барлог и помрачнела – совсем как Мудрые, когда заходил разговор о силтах.

Им было страшно. Марика начала понимать, что лежит в корне подобного отношения к силтам. Неподдельный ужас.

Она сделала в точности так, как ей велели. Мгновение спустя ее лапа, казалось, стала двигаться сама по себе. Она ощутила кожу под подушечками пальцев, но не могла вспомнить, какая именно книга там лежала.

– Нет, – сказала старая силта. – Не открывай глаза.

Грауэл что-то проворчала Барлог.

– А вы пакуйте книги, которые она выберет, – велела старая силта. – Остальные уберите на место.

Лапа Марики дернулась к другой книге. На мгновение ей показалось, будто что-то удерживает ее запястье. Она ощутила присутствие той самой темной тени, что ассоциировалась у нее с созданиями, которых называла призраками.

Еще раз – и все.

– Открой глаза, щена, – слышался голос старой силты. – Надевай доху. Пора в путь.

Не задавая вопросов, Марика подчинилась. Надев доху, она подняла мешок и взвалила его на плечи, как показывала ей Побуда, когда они возвращались с охоты в долине Плентцо. Под непривычным весом ей стало несколько неуютно. Вспомнив поход на охоту и обратно и глубокий мокрый снег, она поняла, что, прежде чем они доберутся до крепости силт, ее ждет куда больше неудобств.

Возможно, в конце концов все же придется бросить книги.

Кто знает – может, силты пытались оказать ей услугу, отговаривая брать книги с собой.

С Ласпами, которые со все большим облегчением наблюдали за приготовлениями к отходу, обошлись без прощаний. Однако уже у закрывавших вход шкур Марика услышала, как Мудрая Ласпов молится Всеединому, желая им безопасной дороги.

Это уже было кое-что.

Пробираясь по спирали частокола и чувствуя, как на сапоги налипает снег, Марика спросила шедшую впереди силту:

– Почему мы уходим сейчас? Не безопаснее ли идти днем?

– Мы силты, щена. Мы путешествуем ночью.

– Ночь принадлежит нам, – сказала вторая за спиной Марики. – Мы – дочери ночи, приходим и уходим, когда нам захочется.

Марика вздрогнула от холода, но ветер с Жотака был совершенно ни при чем.

А вокруг нее в свете многих лун переливался блеском черноты и костей весь мир.

Книга вторая Акард

Глава седьмая

I

Ничего подобного с Марикой еще не случилось за всю ее короткую жизнь. Она никогда еще не ощущала себя столь несчастной, столь замерзшей, столь измученной. А ведь прошло всего несколько часов первой ночи в пути.

Она теперь понимала, как чувствует себя Кублин, вернее, чувствовал – напомнила она себе с тоской, – пытаясь угнаться за Замби и его друзьями.

Свежевыпавший мокрый снег превратился в топкую грязь, при каждом шаге липшую к сапогам Марики. Ее поставили предпоследней в ряду, и позади нее шла лишь прикрывавшая спины Барлог. Марика не сомневалась, что невероятно тяжелый мешок в конце концов вдавит ее в укутывавший землю белый саван, из которого она никогда больше не сможет подняться. Ветер с Жотака усилился, гоня вдоль лунных дисков обрывки серых туч и вгрызаясь в правую щеку Марики. У нее уже не осталось сомнений, что она отморозит себе половину морды. Становилось все холоднее.

Плюс в этом виделся только один: если станет достаточно морозно, их вряд ли в ближайшее время застигнет очередная метель.

Тяжкий изнурительный труд по уборке стойбища от тел вновь давал о себе знать. У нее побелело все тело. Мышцы так и не отошли до конца.

Прокладывавшая путь Грауэл пыталась замедлить шаг, но силты ее поторапливали. И как тут охотнице не спешить, когда даже старшая силта могла идти быстрее ее?

Во время первого короткого привала Грауэл, которой хотелось идти помедленнее, шепотом заспорила с высокой силтой.

– Мы на территории врага, сестра, – сказала она. – Было бы разумно двигаться осторожнее, оставаясь начеку. Нам вовсе ни к чему в спешке наткнуться на кочевников.

– Сейчас ночь. Ночь принадлежит нам, охотница. И мы способны видеть то, чего не можешь видеть ты.

Грауэл с ней согласилась, но все же заметила:

– У них тоже есть свое колдовство, что они нам уже показали. Вряд ли стоит полностью полагаться на единственное...

– Хватит. Спорить не о чем. Мы не привыкли к спорам. И если ты не усвоишь этот урок за время нашего пути, он станет для тебя весьма тяжелым.

Уставившись на снег под ногами, Марика пыталась представить, как далеко им еще топтать. Насколько она помнила географию, крепость стояла в шестидесяти милях к западу от стойбища. Пока же они прошли самое большее пять миль, и в таком темпе им понадобится еще три или четыре ночи. Летом хватило бы двух дней.

Грауэл больше не спорила. Но по ее виду было ясно, что в душе она бунтует и, несмотря на благоговейный трепет и страх перед силтами, относится к ним с некоторым презрением. Язык ее тела не ускользнул и от силт. Вскоре после того, как они двинулись дальше, Марика заметила, как обе то и дело переглядываются. Грауэл вызывала у них недовольство.

– Впрочем, чего ждать от дикарки? – заметила старуха. – Ее не воспитывали в должном уважении.

Марика невольно оскалилась, едва не зарывчав. Должное уважение? И где должное уважение со стороны силт к столь способной охотнице, как Грауэл? Где должное уважение к ее опыту и знаниям? Грауэл никогда не спорила ради спора, вроде какой-нибудь скучающей Мудрой, желавшей убить время.

Будущее в виде изгнания в крепость выглядело не слишком многообещающим. Чужие обычаи никому не нравятся.

Марика подумала, что она не какой-нибудь самец, чтобы покорно склонять голову. Если же силты считают иначе – их ждет куда больше проблем, чем они предполагали.

Вскоре, однако, тяготы пути заглушили вызывающие мысли. Она лишь тупо переставляла ноги в сапогах, и, хуже того, разум ее открылся нараспашку перед воспоминаниями из прошлого.

И тогда пришла настоящая боль. Душевная боль.

Двигавшаяся тяжелой походкой Барлог не раз налетала на Марику, когда щена останавливалась, уйдя в собственные мысли.

Раздражение силт росло с каждым часом.

Они устали от пребывания в глуши, и им хотелось поскорее вернуться домой. У них оставалось все меньше терпения, чтобы потакать выжившим из стаи Дегнан.

Марика удивилась, почему бы им в таком случае не идти самим, не обращая на остальных внимания. Судя по разговорам, у них не было перед Дегнанами никаких обязательств. Похоже, чувство долга, к которому зывали Скилджан и Геррьен, являлось для силт из крепости в лучшем случае поводом, чтобы грабить якобы обязанные им стаи. А все права и обязанности были односторонними, что бы кто кому ни обещал.

Она и сама ощущала все большее презрение к силтам, которое подпитывалось мучительной болью и усталостью. Прежде чем силты распорядились разбить дневной лагерь в тени огромного поваленного дерева, защищавшего от ветра, чувство это настолько усилилось, что силты смогли его прочесть. Их озадачило, что Марика оказалась намного более открытой и лишенной предрассудков, чем старшие Дегнаны. Усевшись рядом, они стали обсуждать этот вопрос, пока Грауэл и Барлог выкапывали укрытие в нанесенном под дерево снегу.

Высокая силта поманила Марику к себе. Несмотря на усталость, щена пыталась помочь охотницам, в основном собирая валежник. Они добрались до тех мест, где по берегам реки на крутых склонах росли высокие деревья. Как ни странно, местность становилась все более пересеченной по мере того, как река текла на запад. Хотя с плато, где располагалось стойбище Дегнанов, так не казалось, поскольку в целом земля постепенно уходила вниз.

– Щена, – сказала высокая силта, – в тебе кое-что изменилось. Нам нужно понять, почему за ночь ты вдруг нас так невзлюбила.

– Из-за этого, – коротко ответила Марика.

– В смысле – из-за чего?

Марика не боялась их, так же как и охотницы. Она ничего не знала про силт, поскольку никто ей о них не рассказывал.

– Вы просто сидите и смотрите, пока Грауэл и Барлог трудятся не только ради себя, но и ради вас. В стойбище вы кое-чем помогли. Немного. В том, что было не вполне обычным делом стаи.

Имелась в виду уборка тел.

Старшая силта не поняла ее. Младшая поняла, но осталась недовольна:

– Мы занялись этим только потому, что больше было некому. Мы силты. Силты не работают лапами. Это дело для...

– У вас все лапы на месте, и вы вполне здоровы. Уж точно здоровее нас, если способны нас так загнать. И работать вы можете. В нашей стае вы бы умерли с голоду, если бы не делали свою часть работы.

В глазах старой силты вспыхнул огонь. Высокая раздраженно фыркнула, а потом усмехнулась:

– Тебе еще многому предстоит научиться, малышка. Если бы мы занимались тем, о чем ты говоришь, мы бы перестали быть силтами.

– А быть силтой – значит считать себя выше других? У нас были в стае охотницы, которые тоже так считали. Но они работали, как и все остальные. Или голодали.

– Мы тоже вносим свой вклад, щена. Но по-другому.

– Вроде того, что защищаете стаи, которые платят вам дань? Подобное оправдание я всегда слышала от охотниц, которые каждую весну отправлялись в крепость. Платить дань в обмен на защиту. Вот только подозреваю, что этой зимой мы покупали защиту от силт из крепости, а не убийц из-за пределов Верхнего Поната. От вашей защиты стаям уж точно не было никакой пользы. Вы спасли три жизни. Может быть. В то время как стаи по всему Верхнему Понату истреблены под корень. Так что не стоит хвастаться передо мной своим чудесным вкладом, пока не покажете мне нечто большее.

– Вот ведь вздорная сучка! – сказала высокая, обращаясь к старухе.

Та была вне себя от ярости, на грани взрыва. Но Марика и сама распалила себя настолько, что ей уже было все равно, и она ничего не боялась. Она заметила, что Грауэл и Барлог перестали разрывать снег и неуверенно наблюдали за ними, положив лапы на оружие.

В том не было ничего хорошего. Стоило несколько поостыть, иначе могли возникнуть проблемы, с которыми не справился бы никто из них.

– Решает сила, – сказала Марика, повернувшись спиной к силтам, хотя сейчас все складывалось вопреки старой поговорке.

И все же ей удалось одержать небольшую победу. Высокая силта включилась в работу, слегка помедлив, чтобы не казалось, будто она подчинилась какой-то щене.

– Осторожнее, Марика, – бросила Грауэл, когда они отошли подальше, собирая валежник. – Силтам не свойственны ни терпение, ни понимание.

– Да они меня разозлили.

– Они любого разозлят, щена. Просто потому, что могут делать что захотят и им ничего за это не будет. У них сила.

– Ладно, попридержу язык.

– Сомневаюсь. Ты чересчур осмелела с тех пор, как некому стало дать тебе по уху. Идем. Уже набрали достаточно.

Марика вернулась в их небольшой лагерь, удивляясь поведению Грауэл. И Барлог тоже. Гибель Дегнанов, похоже, не столь уж глубоко их тронула.

II

Ни Грауэл, ни Барлог ни словом не смолвились, но, судя по взглядам, которые охотницы тайком бросали на костер, было ясно, что они считают его не слишком разумным решением. Дым, даже незаметный для глаз, можно было почуять за милю.

Силты видели и понимали их тревогу. Высокая, возможно, и потушила бы огонь, закончив приготовление еды, но старуха упрямылась и не собиралась слушать ничьи советы.

Костер горел.

Охотницы выкопали нору под упавшим деревом, достаточно большую, чтобы в ней поместилось пять мет, и достаточно глубокую, чтобы полностью укрыться от ветра. Когда вошло солнце, силты забралась в укрытие и прижались друг к другу, согреваясь собственным теплом.

Марика пристроилась рядом, чувствуя, что лишь во сне найдет облегчение от боли, как телесной, так и душевной. Грауэл последовала за ней. Но Барлог осталась снаружи.

– Где Барлог? – спросила Марика, уже засыпая.

Утром весь мир замер, и не раздавалось ни звука, кроме воя ветра и треска замерзших ветвей. Когда ветер на мгновение утихал, слышалось журчание текшей через речные пороги воды. Марика успела заметить, что в большинстве мест река полностью замерзла и неотличима от остального ландшафта.

– Она будет охранять, – ответила Грауэл.

Силты ничего не говорили насчет охраны, более того, намекали, что даже во сне почувствуют приближение чужаков задолго до охотниц.

Марика лишь кивнула в ответ и провалилась в сон.

Она проснулась, когда пришла Барлог, чтобы поменяться с Грауэл, и потом еще раз, когда Грауэл снова поменялась с Барлог. Но о следующей их «смене караула» у Марики не осталось никаких воспоминаний – она пребывала в мире сновидений.

Темнота. Духота. Страх. Слабость и боль. Лихорадка, жажда и голод. Запах плесени и холодной сырости. Но больше всего – боль, голод и страх смерти.

Сны, подобные этому, Марике прежде не снились, и убежать от него она не могла.

В этом сне не происходило вообще ничего. Просто неподвижность, самая худшая, какую только можно было себе представить. Кошмары обычно связаны с бегством, преследованием, неумолимым приближением чего-то ужасного, не знающего усталости и жалости. Но сейчас она будто оказалась внутри разума кого-то, медленно умирающего в пещере. Внутри обезумевшего разума, едва создававшего, что жизнь еще продолжается.

Она проснулась от дыма, запахов и тишины. Ветер утих. Какое-то время она лежала, дрожа и пытаясь осмыслить сновидение. Мудрые утверждали, что сны реальны, хотя и редко в буквальном смысле.

Но сон слишком быстро ускользнул, оставив лишь легкое недомогание.

Когда Марика наконец вылезла из укрытия, Грауэл уже заново разожгла костер и готовила еду. Солнце клонилось к закату. Вскоре после того, как они поедят и соберутся в дальнейший путь, наступит ночь. Марика устроилась рядом с Грауэл, поддерживая огонь. Несколько минут спустя к ним присоединилась Барлог. Силты все еще потягивались и ворчали внутри укрытия.

– Они там, – сказала Барлог. Грауэл кивнула. – Сейчас просто наблюдают. Но они еще дадут о себе знать, прежде чем мы доберемся до крепости.

Грауэл снова кивнула:

– Не стоит беспокоить этим наших выдающихся ведьм. Они знают все, что можно. И об этом наверняка тоже.

– Сегодня идем осторожнее, – проворчала Барлог. – И держимся рядом. Марика, будь начеку. Если что-то случится – бросайся в снег. Нырять в него и зарывайся поглубже.

Марика подбросила еще сучьев в костер. Она молчала, пока из убежища не выбралась высокая силта, потянулась и огляделась вокруг. Подойдя к костру, она заглянула в котелок и на мгновение наморщила нос. Походная еда не отличалась особым вкусом, даже для привыкших ко всему охотниц.

– Вскоре после захода солнца мы минуем пороги, – сказала она. – После пойдем вверх по течению реки. Там идти будет легче.

– Вот так и мы ходили на восток, – объяснила Барлог Марике. – По реке намного легче, чем по лесу, где никогда не знаешь, что под снегом.

– А лед выдержит?

– Лед в несколько футов толщиной. Выдержит что угодно.

– На реке есть несколько широких мест, где нас будет очень хорошо видно, – сказала Грауэл так, как будто силты не было рядом. – И несколько узких, идеальных для засады.

Она подробно описала Марике, что ожидает их впереди.

Силта осталась недовольна, но промолчала. Из укрытия выбралась старуха.

– Котелок готов? – спросила она.

– Почти, – ответила Грауэл.

Отдохнув, даже старая силта проявила желание помочь, начав разбрасывать снег, чтобы их пребывание здесь было не столь заметно после ухода.

Грауэл и Барлог переглянулись, но не стали говорить, что она лишь впустую тратит время.

– Пусть думают что хотят, – сказала Барлог.

Высокая силта услышала и озадаченно на нее посмотрела. Меты из стаи Дегнан не говорили ей, что все усилия лишены смысла, поскольку кочевники уже о них знали.

Кусака в эту ночь взошла рано, и ее полный диск ненамного опережал отстававшую от нее Гончюю. Когда путницы добрались до реки, как раз взошла вторая большая луна, раздвоив тени. Силтам вновь захотелось прибавить шагу, но на этот раз Грауэл и Барлог отказались идти быстрее. Они двигались в своем темпе, с оружием в лапах, внимательно глядя вперед, прежде чем сделать очередной шаг. Марика чувствовала, насколько они напряжены.

Силты тоже это чувствовали и, возможно, именно потому не настаивали, хотя несомненно считали, что вся эта осторожность – лишь пустая трата времени.

Казалось, они правы – над миром вновь взошло солнце и застало путниц целыми и невредимыми. Они так и не столкнулись с врагами, которые, как считали Грауэл и Барлог, их преследовали.

Но охотницы были не готовы признать ошибку. Они доверяли своим инстинктам и снова выставили днем охрану.

И снова за день ничего не произошло. Не считая сна Марики.

Сон был и тот же, и другой. Никуда не делись духота, боль, ужас, темнота и голод, запахи, сырость и холод. Но на этот раз она чуть лучше осознавала происходящее. Она пыталась куда-то взобраться, цепляясь когтями, карабкалась в темноте на гору, которая была самой высокой в мире. Она то и дело теряла сознание, кричала, но никто не отвечал, и казалось, будто она теряет связь с реальностью. Ее огнем обжигала лихорадка, которая то накатывала, то уходила, и Марика видела то, чего просто не могло быть, – нечто вроде сверкающих шаров, светящихся червей, полупрозрачных мотыльков размером с логово, которые с легкостью пронизывали как землю, так и воздух.

Она ощущала на затылке смертельное дыхание зимы.

Лишь бы добраться до вершины, до еды, до воды, до помощи.

Негромкие стоны Марики встревожили Грауэл, которая мягко разбудила ее и стала чесать за ушами, пока шена не перестала дрожать и дыхание ее не успокоилось.

Днем чуть потеплело, и так продержалось до ночи. Потепление принесло новый снегопад и пронизывающий ветер, который завывал в долине восточного притока реки, швыряя в морды хлопья снега. Путницы соорудили себе маски. Грауэл предложила укрыться в норе, пока не минует самое худшее, но силты отказались. Сколь бы ни бушевала буря, остановиться они могли лишь из страха заблудиться. Здесь им это не грозило. Если бы они, к примеру, отклонились от реки, то поднялись бы по склону холма и уткнулись в деревья.

Марика жалела, что продвигаются они не днем, а ночью в снегопад. Судя по тому немногому, что ей удалось увидеть, здешние края впечатляли, будучи куда величественнее, чем любые окрестности родных мест.

Кочевники не побеспокоили их ни в эту ночь, ни на следующий день. Однако Грауэл и Барлог настаивали, что северяне все еще где-то неподалеку – выслеживают их группу.

Марике ничего не снилось. Она надеялась, что кошмар закончился.

Погода не улучшалась.

– Если так будет продолжаться, нам нелегко придется, – сказала высокая силта, когда они забрались в укрытие, пораньше устроив привал. – У нас осталось еды еще на один день. До Акарда идти два дня. Если мы задержимся, успеем основательно проголодаться, прежде чем доберемся домой.

Она взглянула на старую силту, на которой уже сказывались тяготы пути.

Охотницы не ответили, хотя каждая полагала, что идти слишком быстро – значит расходовать энергию, которая может потребоваться позже.

– Акард? – спросила Марика. – Что это?

– Это то, что вы называете крепостью, щена.

Ответ озадачил Марику. Акард – название тамошней стаи силт?

К полудню буря утихла. Путницы оставались в укрытии лишь до тех пор, пока в каньоне реки не начали собираться тени. Солнце зашло за высокие холмы, но до темноты было еще несколько часов.

Силтам хотелось наверстать потерянное время.

– Пойдем немедленно, – сказала высокая.

Старуха заставила себя подняться, хотя ясно было, что это требует от нее немалых усилий.

Марика и охотницы не могли не восхититься силой духа старой силты. Она ни разу не жаловалась и ни разу не показала свою немощь.

И снова Грауэл и Барлог не позволили себя подгонять. Обе шли впереди, вложив стрелы в луки и вглядываясь в каждую тень вдоль берегов. Носы их постоянно шевелились, нюхая ветер. Силты лишь усмехались, говоря, что никаких кочевников поблизости нет, но не мешали охотницам. Старуха в любом случае не могла идти быстрее. Высокая прикрывала тыл.

Марика держала наготове короткий стальной нож. Способности силт не особо ее впечатляли, хотя она знала их несколько лучше, чем Грауэл или Барлог.

Когда наступили сумерки, случилось то, чего она так опасалась.

Снег на берегу будто взорвался, и их атаковали четверо зарывшихся в сугробы дикарей. Силт это настолько ошеломило, что они застыли как вкопанные.

Грауэл и Барлог выстрелили. Двое кочевников пошатнулись и упали, судорожно дергаясь от распространявшегося по телам яда. Чтобы выпустить вторую стрелу, времени уже не оставалось. Барлог увернулась от брошенного дротика и подсекла луком ноги кочевника. Грауэл с размаху ударила еще одного луком по затылку.

Марика бросилась на спину охотницы, которую свалила Барлог, и, навалившись всем своим весом, вонзила нож. Нож был хороший, железный, снятый с пояса покойной матери. Он с легкостью вошел в податливую плоть.

Увидев, что кочевница упала, Барлог развернулась к Грауэл, бросив лук и вытащив меч.

На них обрушился град дротиков. Один попал в старую силту, но не пробил ее тяжелую дорожную одежду. Другой просвистел возле носа Марики, и она, вспомнив, что ей говорили, бросилась в снег, пытаясь в него зарыться.

Полдюжины охотниц устремились к оглушенной силте. Грауэл и Барлог с трудом двинулись в их сторону. Грауэл, все еще державшая лук, сумела выпустить две смертоносные стрелы.

Остальные четыре охотницы навалились на силт, даже не пытаясь их убить, лишь сорвать мешки со спин и вырвать железную дубину у высокой. Барлог рубанула одну мечом, но клинок не смог пробить все слои одежды кочевницы.

Марика снова поднялась и двинулась в сторону схватки.

Однако отступила из-за летящих в нее дротиков.

На берегу появились новые кочевники – по крайней мере полдюжины. Для броска им было слишком далеко, и они, похоже, сосредоточились на том, чтобы помешать ей прийти на помощь.

А потом она услышала шум на другом берегу. Взглянув, она увидела очередных кочевников.

Впервые с начала боя ей стало страшно.

Кто-то из кочевников отобрал у высокой силты железную дубину и, торжествуя, воя, помчался к южному берегу.

Марика пошатнулась, ощутив мгновенное, яростное мысленное касание. В каньоне эхом отдались крики, которые быстро заглушил поглощающий звуки снег. В одно мгновение все кочевники рухнули наземь, цепляясь когтями за грудь. Даже у самой Марики болезненно затрепетало сердце. Она подобралась поближе к Грауэл и Барлог, посмотреть, не зацепило ли их тоже.

Несмотря на всю ярость боя, всерьез пострадала только старая силта. Она не жаловалась, но морда ее исказилась от боли.

Со склонов доносились ругательства на диалекте.

– Там есть и другие, – сказала Марика высокой силте. – Сделай что-нибудь.

– У меня не осталось сил, шена. Мне так далеко не дотянуться.

Высоко на южной стороне каньона послышался треск, и вокруг что-то зажужжало, будто насекомые. Какие-то штуки упали в снег. Высокая силта негромко выругалась и увлекла Марику наземь.

– Лучше найди в себе хоть сколько-нибудь сил, Хлес, – проскрежетала старуха.

– Тащите старуху на берег! – рявкнула высокая силта Грауэл и Барлог. – Спрячьте ее за чем-нибудь. И все тоже спрячьтесь.

Она закрыла глаза и напряженно сосредоточилась.

Треск не прекращался.

– Что это? – спросила Марика, когда они с охотницами добрались со своей ношей до северного берега.

В сумерках послышался новый звук – рокот, сперва негромкий и медленный, но он быстро нарастал, пока окончательно не заглушил треск.

– Смотрите! – прорычала Грауэл, показывая на самую крутую часть южного склона.

Весь склон пришел в движение – деревья, камни, снег.

– Быстрее! – рявкнула высокая силта. – Уходим как можно дальше, пока не зацепило краем!

Ее тон убедил сильнее, чем слова.

Треск прекратился.

Снег катился вниз. Рев его звучал подобно концу света для щены, никогда не слышавшей чего-либо столь громкого. Она присела за валуном, дрожа и трепеща перед величием природной стихии.

Марика взглянула на силт. Обе, похоже, были потрясены до глубины души. Старуха, не обращая внимания на раны, не сводила недоверчивого взгляда с ближайших мертвых кочевников.

– Как им это удалось, Хлес? – наконец спросила она. – Пока они не атаковали, ничто даже не намекало на то, что они там.

– Они преследовали нас с первой ночи, – не глядя на нее, сказала Грауэл. – Прятались на склонах и тропах, выжидая удобную минуту. Они ждали, когда мы поведем себя беспечно. Что почти и случилось. – Она пнула валявшийся рядом труп. – Это самые сытые кочевники, которых мне доводилось видеть. И лучше всего одетые. Но при этом совершенно неопытные. Они могли бы трижды нас убить.

Она посмотрела на силт, но те молчали. Высокая все так же глядела на склон, откуда сошла лавина. Все еще слышались крики на диалекте, но с каждым разом все дальше.

Барлог, дрожа, стряхивала снег с дохи. Умирая, лавина все же зацепила ее и свалила наземь.

– Кто-нибудь из вас пострадал? – спросила высокая силта у Грауэл.

– Только ссадины и синяки, – ответила Грауэл. – Ничего серьезного. Спасибо.

Слова ее застигли высокую врасплох. Та кивнула:

– Нам придется нести старуху. Я не целительница, но, полагаю, у нее сломаны ребра и нога.

Барлог сама осмотрела раненую:

– Так и есть.

Они с Грауэл срубили мечами шесты, из которых сделали волокушу. Положив на нее старую силту и свои мешки, они тащили ее по очереди, в том числе и высокая силта. Для каких-либо привилегий сейчас было не время. Марика помогла им позже, когда идти стало труднее и волокушу приходилось перетаскивать вокруг препятствий.

Грауэл и Барлог считали, что кочевники за ними больше не наблюдают.

– Как им удалось к вам незаметно подкрасться? – спросила Марика, бредя следом за высокой силтой.

– Не знаю, щена.

Она вглядывалась во тьму усерднее любой охотницы. Марика вдруг поняла, что силте страшно.

III

Кочевники больше не доставляли хлопот. Впрочем, и без врагов проблем хватало. Из-за погоды, голода и, как результат, нарастающей слабости переход превращался в сплошное мучение. Марика переносила тяготы пути лучше, чем спутницы. Она была молода и вынослива и не тратила слишком много сил на волокушу.

И потому, когда пришло время сделать привал, основная часть трудов по обустройству укрытия легла на ее плечи. Грауэл и Барлог настолько вымотались, что могли лишь поддерживать огонь и помешивать похлебку в полупустом котелке. Рыча, они обвиняли друг друга в том, что им не хватило ума ограбить кочевников. Замечание высокой силты, что у кочевников не было при себе ничего, кроме оружия, несколько не остудило их спор.

Меты плохо переносили голод. Марика уже чувствовала, как в душе ее шевелится граукен. Она взглянула на спутниц. Если и впрямь дело дойдет до крайности – на кого они бросятся? На нее или на старую силту?

Переход, рассчитанный на два дня, затянулся уже на пять.

– Сколько нам еще идти? – спросила Марика у высокой силты. – Наверняка уже совсем недалеко.

– Еще пятнадцать миль, – ответила силта. – Четверть пути. Самая худшая. Через пять миль нам придется сойти с реки на лесные тропы. Слишком много стремнин, где река не замерзает.

Пятнадцать миль. Если двигаться в том же темпе, в каком они шли после ранения старухи, топать придется три дня.

– Не отчаивайся, щена, – сказала силта. – Я наступила на горло собственной гордости и коснулась разума тех, кто наблюдает за нами в Акарде. Они идут нам навстречу.

– Когда они появятся? – единственный раз за все время разговора подала голос Грауэл.

– Они молоды, здоровы и сыты. Скоро.

«Скоро» случилось через полтора дня. Казалось, случилось все, что только могло пойти не так, включая лавину, которая завалила тропу, вынудив идти в обход. Из каждой пары глаз смотрел граукен, которому требовался лишь легкий толчок, чтобы вырваться на волю. Но в конце концов они встретили силт в восьми милях от крепости и отпраздновали это событие пиршеством, какого Марика за свою юную жизнь еще не знала.

После этого холод и снег могли бы стать лишь небольшой помехой. Меты с набитым брюхом обычно готовы бросить вызов чему угодно. Но они слишком долго голодали и страдали от холода, и силы их угасали.

Марика не видела Акард снаружи: когда они приблизились к каменной крепости, небо затянуло густыми тучами и не взошла ни одна луна. На размеры и форму крепости намекали лишь мельком увиденные огни. Но к тому времени ее ничего не интересовало, кроме желания, чтобы путешествие наконец закончилось. Она уже не верила, что доберется до цели.

Путь от стойбища Дегнанов занял десять ночей, в основном пришедшихся на последние двадцать миль. Несмотря на набитый живот, Марика настолько устала, что пришедшим на помощь силтам пришлось ее тащить, и это притом, что она была в лучшей форме, чем спутницы. Она надеялась, что путешествовать зимой ей больше не придется.

Ее принесли в каменное помещение, и она рухнула без сил, даже не задумываясь о том, насколько кошмарнее чувствовали себя спутницы. А они, между тем, едва не умерли, и последние несколько дней их тоже пришлось нести. Она вообще ни о чем не думала, кроме окутавшего ее мягкого тепла и сна.

Сон, однако, не обошелся без неприятных моментов. Ей снился Кублин – одинокий, напуганный, раненый, брошенный всеми, в окружении странных недружелюбных морд. Сновидение было совершенно бессмысленным. Во сне она скулила и плохо выспалась.

Четыре дня на Марику никто не обращал внимания. Казалось, будто она некая помеха, которую силты предпочитали не замечать. Она ела, спала, а когда наконец пришла в себя настолько, что в ней пробудилось любопытство, начала бродить по нескончаемым каменным залам, чувствуя, как удивление сменяется ошеломлением, благоговейным трепетом, страхом, отвращением и потерянностью. Это было чудовищных размеров логово – естественно, из камня, – окруженное высоким каменным частоколом. Архитектура его выглядела чуждой, и некому было объяснить, почему все здесь именно так, а не иначе. Немногие меты ее возраста, которых она встречала, постоянно куда-то спешили, были заняты или попросту презирали оказавшуюся среди них дикарку.

Крепость стояла на известняковом мысу, нависавшем над слиянием рукавов Хайнлин. От основания уходили вниз на шестьдесят футов каменные утесы, а стены ее высились на шестьдесят футов над фундаментом – отвесные и гладкие, идеально отремонтированные, но выглядевшие невероятно древними. Вдоль верха шла широкая дорожка, защищенная каменной оградой, походившей на нижнюю челюсть, в которой выбили каждый второй зуб. Вся крепость была построена в форме большого квадрата с прикрепленным к нему острием, указывавшим вниз по течению реки. На стенах всегда стояли охотницы. Впрочем, в ответ на вопрос Марики они признались, что на их памяти Акарду ничто не угрожало.

– И все же, – сказала одна, с большим запасом терпения, – зима была суровой, а северяне не отличаются наличием мозгов. Им вполне может взбрести в голову явиться.

– Вряд ли они настолько глупы, – заметила Марика. – Но явиться они и в самом деле могут. Посмотрят и уйдут. Стойбища – куда более легкая добыча.

– Несомненно. Тем не менее ходят слухи, будто кочевников уже видели в Верхнем Понате.

Марика отступила на шаг, недоверчиво наклонив голову:

– Слухи? Ты не знаешь, почему мы с охотницами сюда пришли?

– Тебя привели, потому что у тебя дар силты.

– Я пришла, потому что мне больше некуда было идти. Кочевники истребили всю мою стаю, кроме двух охотниц, что пришли со мной. Точно так же, как и несколько других стай и стойбищ до нас. В ближайших окрестностях. В Верхнем Понате их десятки сотен. И сотни погибли в нашем стойбище.

Охотница ошеломленно уставилась на нее:

– Сестры бы такого не допустили.

– Правда? Судя по тому, что я видела, пользы от них было немного. Ну да, прикончили верлена, возглавлявшего кочевников. И – убили тех, кто грабил наше стойбище, но ничего не сделали, чтобы освободить от захватчиков остальной Верхний Понат.

– Верлен, – пробормотала охотница. – Ты сказала – верлен?

– Да. Очень сильный. Силты говорили, он был столь же могуществен и хорошо обучен, как и они сами. – Почувствовав, что рассказ заинтересовал собеседницу, Марика добавила: – И еще с ордой кочевников были силты. Моя мама убила одну. Высокая сестра, которую другая называла Хлес, принесла ее плащ и оружие.

От внезапной мысли Марика отвернулась и уставилась на долину восточного рукава. Ее озадачивало, почему кочевники преследовали их по пути к крепости, хотя у них нечем было поживиться. Если только... Высокая силта вела себя так, будто дубинка и плащ представляли собой великую ценность.

Возможно, так и было, по каким-то непонятным Марике причинам. Кочевники пытались добраться до дубинки и мешка высокой силты.

Марика уже поняла, что жизнь среди силт будет не столь проста, как в стойбище. Похоже, здесь все руководствовалось мотивами столь же туманными, как и у Похсит.

Охотницы, патрулировавшие стены и наблюдавшие за снегами, называли себя часовыми – новым для Марики словом.

Она узнала много новых слов, которые теперь слышала достаточно часто. Еще одним было «цитадель». Меты Акарда называли его цитаделью, бастионом, который принадлежал общине силт под названием Рюгге, с центром в далеком южном городе Макше.

Еще больше новых слов обрушилось на Марику, когда она обнаружила центр связи.

В конце крепости, находившемся вниз по течению, на острие стрелы, стояло большое высокое дерево из металла. Марика обнаружила его на второй день блужданий. Оно выглядело так, будто какой-то извращенный художник пытался изобразить мертвое дерево. На десятке его главных ветвей крепились проволочные тарелки, развернутые на юг, а за каждой из них – тарелка побольше из сплошного металла. Из главных ветвей росло множество ветвей поменьше, величиной с саженец. Каждый дюйм металла блестел в солнечных лучах. Снег не прилипал к металлическим веткам так, как к деревьям в лесу.

Внизу перед сумасшедшим деревом располагалась одна огромная тарелка, направленная к небу над южным горизонтом. Иногда эта тарелка поворачивалась, словно голова следящей за проворной дичью охотницы.

Что это могло быть? Вопрос озадачивал шену из Верхнего Поната, считавшую использование такого количества металла для столь необъяснимой цели по меньшей мере преступлением. Ей стало интересно, знают ли об этом Грауэл и Барлог, которые уже бывали раньше в крепости и наверняка разгадали некоторые тайны. Стоило постараться более настойчиво выяснить, где они сейчас приходят в себя.

Судя по всему, Грауэл и Барлог держали отдельно. Она не видела их с тех пор, как они пришли в крепость. Никто не хотел говорить, где их лечат. Когда она попробовала воспользоваться своим замечательным даром, чтобы найти охотниц, что-то ей помешало.

Марика сомневалась, что в крепости Акард ей понравится.

Ей не нравилось, как охотницы из крепости раболепствовали и пресмыкались перед силтами. И она знала, что, когда силты потребуют того же самого от нее, дело закончится столкновением эпических размеров.

Спустившись к металлическому дереву, она побродила вокруг, но не нашла никаких объяснений тому, что видела. Или чувствовала. У нее кружилась голова и путались мысли. Ей потребовалось сосредоточиться до предела, чтобы отойти подальше, где уже было легче.

Похоже, ее тайные способности пребывали в полном беспорядке. Что случилось? Неужели она наткнулась на некую великую магию, которой так боялись силты?

Глава восьмая

I

Марику неудержимо влекло в неизведанную часть крепости, приводившую в смятение ее разум и способности. В тот день она возвращалась еще три раза, и трижды ей становилось нехорошо. На третий раз стало настолько плохо, что ее едва не стошнило.

В последний раз все оказалось не так, как раньше, и странное ощущение было намного сильнее.

Она прислонилась к стене в попытке удержать в себе недавно съеденный ужин, тяжело дыша и подставив пылавшую жаром морду прохладному северному ветру. В конце концов она сумела взять себя в лапы и двинуться дальше.

Марика нырнула в первую же дверь, которую увидела. В помещении голова кружилась не так сильно.

Она остановилась, услышав впереди незнакомые голоса. Вокруг нее мерцали удивительные огни – не дававшие пламени и необжигавшие, когда она проводила рядом с ними пальцем. Неподвижные, постоянно горящие огни, твердые на ощупь, – она все же решила до них дотронуться. Что за колдовство?

Марика всерьез забеспокоилась. Ей говорили, что она может ходить куда хочет и смотреть что захочет. Но у силт наверняка имелись свои ритуальные места, примерно как у самцов и охотниц в стойбище, и вряд ли туда пускали посторонних. Может, и тут такое место? Она испугалась, что помешает силтам совершать черные обряды, которые уже казались по-настоящему мрачными, как и опасались ее соплеменники.

Любопытство все же победило страх, и она прошла еще несколько шагов, ошеломленно озираясь. Помещение, в котором она оказалась, не походило ни на что виденное прежде. В нескольких ярдах от нее среди устройств, чье назначение Марика не могла себе даже вообразить, ходила мета в синем халате. У некоторых приборов имелись окошки, внутри мерцал призрачный серый свет, и из них доносились голоса. Но мета в синем халате им не отвечала.

Дьяволы. Окошки наверняка вели в подземный мир, или загробный мир, или... С трудом подавив панику, она подошла еще на несколько шагов к ближайшему призрачному порталу.

Марика в замешательстве нахмурилась. Из окошка слышался голос, но по другую сторону никого не было. Виднелись лишь некие завитушки, выстроившиеся аккуратными колонками, будто страница из книги с белыми буквами на черном фоне.

Страница замерцала, и ее сменила другая. Появился новый набор завитушек, некоторые менялись на глазах у Марики. Судорожно вздохнув, она подошла еще ближе и наклонилась, чуть не уткнувшись носом в окошко.

Мета наконец ее заметила.

– Привет, – сказала она. – Ты, должно быть, новая сестра?

Марика подумала, не стоит ли сбежать.

– Не знаю, – ответила она, чувствуя, как пересохло в горле.

Она сама толком не понимала, каково ее нынешнее положение. Некоторые меты в крепости в самом деле называли ее сестрой, но она не знала почему. Ни у кого не нашлось времени, чтобы объяснить, хотя она знала: слово «сестра» значит тут вовсе не то же самое, что дома, – другая щена, рожденная той же матерью. Никто из здешних мет, похоже, не состоял друг с другом в родстве ни по крови, ни по стае.

Их общество вообще не походило на стаю. Иерархия и взаимоотношения выглядели крайне запутанными. Пока что ей точно удалось понять: главные здесь – те, кто носят черное. А все остальные подчиняются им посредством замысловатого набора обрядов, судя по всему довольно бессмысленных.

– Что это за место? – спросила Марика. – Оно священное? Я чему-то помешала?

– Это центр связи, – ответила мета, которую, похоже, забавлял разговор. – Он священен лишь для тех, кто жаждет новостей с юга. – Казалось, будто она сейчас удачно пошутила и теперь жалеет, что дикарка не в силах оценить шутку. – Ты ведь из того стойбища в Верхнем Понате, которое уничтожили кочевники?

Марика кивнула. История о случившемся разошлась, как только она рассказала о нем дозорной. Многим метам, носившим одежду отличного от черного цвета, хотелось как можно больше знать об осаде стойбища Дегнанов. Но когда Марика им все рассказала, они приуныли. И похоже, собственная судьба тревожила их куда больше, чем судьба мет Верхнего Поната.

– Кочевники бегают тысячными толпами. Во главе с верленом. Воистину настали странные времена. Что дальше?

Марика пожала плечами. Ей не хватало воображения, чтобы представить свою жизнь еще ужаснее, чем сейчас.

– Что ж, ты не из нас, поэтому многое будет для тебя внове. Верхний Понат – самая отсталая область, какую только можно найти в этом мире, не считая Жотака, и именно так и было задумано. Именно таково желание сестринств и братств. Идем, бояться тут нечего. Я тебе все покажу. Кстати, меня зовут Брайдик. Старшая Кеник – моя кровная сестра, хотя родство ничего здесь не значит.

– А меня – Марика.

Марика подошла к мете. Брайдик показала на ближайшее серое окошко:

– Мы называем это видеоэкраном. С его помощью можно делать очень многое. Например, сейчас этот экран показывает, сколько у нас воды за каждой из трех плотин на реке Хусген, – это то, что вы называете западным рукавом Хайнлин. Для нас восточный рукав – продолжение Хайнлин, а западный становится Хусген. Если ты бывала на стенах, то наверняка видела нижнюю плотину и тамошнюю энергостанцию.

Марика опасалась, что, возможно, угодила в ловушку совсем иного рода, чем подозревала. Меты не отличались разговорчивостью и чувствовали себя крайне неудобно в обществе болтунов, считая их душевно неуравновешенными. Обычно таковые оставались в одиночестве.

Брайдик ткнула в несколько черных плашек среди десятков таких же перед видеоэкраном. На каждой плашке изображался белый символ. Завитушки исчезли с экрана, сменившись картинкой. Мгновение спустя Марика поняла, что та изображает вид на западный рукав Хайнлин, ответвление, которое Брайдик называла Хусген. Там виднелись сооружения, которые заинтересовали Марику, но спросить она не решалась.

– Это энергостанция. А это плотина. Плотина пересекает реку, образуя стену, которая удерживает воду. Вода поступает по огромным глиняным трубам на энергостанцию и вращает там колесо. – Брайдик снова ткнула в несколько ромбов, и на экране появилось большое деревянное колесо, которое медленно вращала вода, падавшая из трубы на лопасти. – Колесо, в свою очередь, вращает машину, которая создает энергию – силу, которую мы используем.

Марика ошеломленно уставилась на нее. Что еще за сила? Неужели силты искусственно создавали свое мысленное прикосновение?

Брайдик заметила ее замешательство:

– Да, тебе, наверное, трудно понять. – Она подошла к стене и до чего-то дотронулась. Все огни, кроме тех, что возле видеоэкранов, погасли, а потом вспыхнули снова. – Я имела в виду силу, которая питает огни, видеоэкраны и прочее. Я наблюдаю за уровнем воды за плотинами. Скоро начнется весеннее таяние, и нам нужно оценить, насколько может упасть уровень воды, чтобы три озера поглотили ее, не переполнившись.

Марика все так же пребывала в растерянности, но кивнула, притворившись, будто поняла. Возможно, тогда Брайдик расскажет больше, а не отправит ее восвояси.

Ей тоже было одиноко.

Дома взрослые сердились, когда она чего-то не понимала. Не считая книг, в которых ни о чем подобном не говорилось, предполагалось, что она должна учиться, наблюдая и запоминая.

– Не бойся говорить, если чего-то не знаешь, – сказала Брайдик. – И не стыдись. Если не признаваться в собственном невежестве – как тогда учиться? Никто не станет учить тому, что тебе якобы и так уже известно.

Марика внимательнее рассмотрела черные плашки. На них были знакомые символы и цифры, но также десяток значков, которых она не знала. Брайдик нажала на плашку побольше, находившуюся сбоку, и видеоэкран погас.

– Читать и писать умеешь, сестренка?

Марика хотела ответить, что она из стаи Дегнан, а Дегнаны – меты образованные, но ей это показалось глупым и самодовольным.

– Читать умею. Пишу не очень хорошо, разве что цифры. У нас почти не было возможности учиться письму. Только когда мы делали глиняные таблички или свитки из коры и писали на них палочкой или куском угля. Перья, чернила, бумагу нужно покупать у торговцев. Они слишком дороги для щенячьих забав.

– Понятно, – кивнула Брайдик. – Тогда представь себе написанное слово. Хорошо? Представила?

– Да.

– Найди нужные символы на этой клавиатуре. Нажимай на них в том порядке, в каком бы ты их писала. Сверху вниз, как если бы ты их читала.

Марика неуверенно дотронулась до одной плашки. На видеоэкране появился первый символ ее имени. Она радостно нажала еще на одну, потом еще. Не ожидая разрешения, она набрала имя матери, а затем Кублина.

– Между словами нужно ставить пробел, – сказала Брайдик. – Чтобы читающий знал, где заканчивается одно и начинается следующее. Для этого нажимай на эту клавишу. – Быстро печатая всеми пальцами, она повторила то же, что проделала Марика. – Видишь?

– Да. Можно мне?

– Давай.

Марика отстучала еще несколько слов. Она бы попробовала все слова, которые знала, но ее прервала новая силта.

Брайдик внезапно переменялась, съежившись от страха:

– Да, госпожа? Чем могу быть полезна?

– Сообщение для Дхаткур в обители Макше. Крайне срочное. Приготовься передать.

– Да, госпожа. – Брайдик быстро застучала по плашкам. Видеоэкран опустел, и на месте упражнений Марики появился один большой символ. Он выглядел как две кометы, уходящие по спирали от общего центра. – Готово, госпожа.

– Продолжай.

Брайдик нажала еще на три плашки. Символ исчез, на его месте возникла чья-то морда и произнесла несколько слов, которые Марика не поняла.

Она судорожно вздохнула, внезапно сообразив, что видеозэкран показывает изображение меты, находящейся где-то далеко. Воистину колдовство!

Силта коротко переговорила с далекой метой. Марика не понимала слов, – похоже, разговор шел на ритуальном наречии силт. Тем не менее, судя по тону, речь шла о чем-то банальном. Куда интереснее были окружавшие ее чудеса. Она не сводила с Брайдик восхищенного взгляда – столь многое было подвластно этой колдунье, а ведь она даже не силта!

Сестра-силта закончила разговор и положила лапу на плечо Марики:

– Идем, щена. Тебе пока не стоит долго сидеть под воздействием электромагнитного излучения.

Ошеломленная Марика позволила себя увести. Лишь раз оглянувшись, она удивилась выражению морды Брайдик, намекавшей, что здесь ей будут рады в любое время, когда она захочет вернуться.

Возможно, она все-таки нашла мету, которая могла бы стать ей подругой.

Силта поспешно вывела Марику за дверь и снова повернулась к Брайдик.

– Что ты себе позволяешь? – гневно обратилась она к мете в синем халате. – Эта щена – из второй технозоны, а ты даешь ей знания пятой. Даром.

– Должна же она стать образованной силтой? – слегка воодушевившись, возразила Брайдик.

– Пока мы этого не знаем. – Силта перешла с общего языка со странным акцентом на тот, которым пользовалась, когда говорила посредством видеозэкрana.

Голос ее становился все громче, и она все больше злилась. Марика решила побыстрее убраться, пока гнев силты не настиг и ее.

II

Марику привели к высокой силте, которая забрала ее из Верхнего Поната. Здесь все называли ее Хлес, и она была прикована к постели. Нога ее, лишь слегка пострадавшая при нападении кочевников, загноилась, пока они совершали долгий мучительный переход до крепости. Но в пути она ни слова не сказала ни о своей ране, ни об инфекции.

Сестры, приведшие Марику, по пути перешептывались о том, что, возможно, ногу Хлес придется отрезать. Сестрам-целительницам никак не удавалось побороть заражение.

– Что, все про тебя забыли или не обращают внимания? – мрачно усмехнулась высокая силта. – Что ж, ничто не вечно. Легкие деньки закончились.

Марика промолчала. Прошедшие дни вовсе не были для нее легкими. Они были полны одиночества и мучительных воспоминаний о стойбище, пронизывающей боли при мысли о том, что вся ее стая отправилась в объятия Всеединого без надлежащего траурного обряда. И ни она, ни Грауэл, ни Барлог ничего не могли поделать. Они не знали ритуалов – этим занимались Мудрые. В душе Марика была уверена, что последняя Мудрая стаи Дегнан погибла не без участия силт.

Ночами она видела сны. Не столь яркие, не столь долгие, не столь частые, но все еще на грани лихорадочного безумия.

– Слушай внимательно, щена, – вырвал ее из задумчивости голос силты. – Завтра начинается твое обучение. К знаниям сестры-силты ведут три пути, и каждый требует тяжелого труда. Времени на фантазии у тебя не будет.

– Сестры-силты? Я охотница.

– Ты принадлежишь к сестринству Рюгге, щена. И как скажет сестринство – той ты и будешь. Предупреждаю в первый и в последний раз: мы не потерпим неподчинения, споров и

пререканий, так же как дикарских привычек и обычаев. Ты силта. Ты должна думать и поступать как силта. Ты силта из Рюгге и должна думать и поступать как силта из Рюгге. У тебя нет прошлого. Ты родилась в ту ночь, когда тебя провели через врата Акарда.

– Вот же срань кропечья! – не раздумывая, выпалила Марика самое крепкое из известных ей ругательств.

Решает сила.

Силта теперь была на своей территории и вовсе не собиралась проявлять снисхождение к Марике. На понимание и прощение рассчитывать не стоило.

– Либо ты прекратишь так себя вести, либо твоя здешняя жизнь окажется тяжелой и, возможно, короткой.

– Я не силта, – упрямо заявила Марика. – Я будущая охотница. И у вас нет надо мной власти. Я оказалась здесь в силу обстоятельств, а не по собственному выбору.

– Полагаю, даже среди дикарей щенки не спорят со старшими. По крайней мере, оставаясь безнаказанными.

До Марики наконец дошло. Вынужденная признать, что ее манеры оставляют желать много лучшего, она усталилась на каменный пол под ногами.

– Вот так-то лучше. Как я уже сказала, твое обучение пойдет тремя путями. Времени на безделье у тебя не останется. Каждый путь – сам по себе тяжелый труд.

Первый путь обучения Марики походил на продолжение уроков, знакомых ей по стойбищу. Но они длились по семь часов каждый день и охватывали намного более широкие области знаний, чем она могла себе представить до того, как стала изгнанницей.

Уроки включали в себя счет, чтение и письмо, причем для последнего выдавались материалы и принадлежности в любых количествах. Помимо того – началось знакомство с науками и технологиями. Перед ее изумленным разумом открывались такие горизонты, в которые она с трудом могла поверить, хотя чувствовала, что учителя оставляют немало пробелов. Она даже не догадывалась о существовании стольких чудес...

Была еще география, поразившая ее истинными масштабами мира, в котором Верхний Понат занимал лишь крошечную часть на крайнем рубеже цивилизации.

Она узнала, хотя формально этому не учили, что ее мир полон чудовищных контрастов. Большинство метов жили в крайней нищете и дикости, пребывая в закрытых или полузакрытых технозонах. Некоторые жили в городах, намного более современных, чем все виденное ею в крепости, но большинство – лишь немногим лучше, чем меты в сельской местности. Лишь горстка, принадлежавшая к сестринствам или работавшая на них, жила в роскоши и могла свободно перемещаться куда захочет.

И еще были совсем немногочисленные, о чьей жизни можно было только мечтать. Они могли покинуть планету и странствовать среди звезд, видеть чужие миры и еще более чуждые расы. Но о них вначале говорилось мало – лишь столько, чтобы разжечь ее интерес.

Второй путь обучения напоминал первый и шел с ним параллельно, но относился лишь к самому сестринству Рюгге. Ее обучали истории сестринства, главным обрядам, основным таинствам, а также безжалостно вколачивали в голову, что сестринство Рюгге составляет ось вселенной метов. Столь откровенное восхваление самих себя быстро утомило Марику.

Третий путь...

На нем Марика узнала, почему мать боялась и ненавидела силт. Она узнала, что значило быть силтой, и училась всему необходимому, чтобы ею стать. И эти уроки были самыми тяжелыми и безжалостными.

Наставницу, опекавшую ее в крепости, звали Горри.

Горри была той самой старухой, которая забрала ее из стойбища. Она так до конца и не оправилась после перехода, возлагая на Марику вину за подорванное здоровье. Это была жесткая, не прощающая ошибок, неприятная и ревнивая учительница.

И тем не менее Марика предпочитала ее той, которую звали Хлес. Сестры-целительницы в конце концов отрезали ей ногу, после чего она стала крайне раздражительной, и все ее стороны.

Марике все так же не позволяли увидеться с Грауэл или Барлог. Похоже, юную силту пытались отгородить от любых напоминаний о ее происхождении.

Этого она позволить никак не могла.

III

Марика стояла на белом каменном полу в центре просторного зала в сердце цитадели Акард. Пол вокруг нее был инкрустирован зеленым, красным и черным камнем, образующим линии и символы. Высоко над головой в стеклянные окна – в стойбище их бы сочли чудом – пробивался сквозь морозные узоры слабый серый свет. Он едва освещал колонны, которые поддерживали балюстраду, шедшую по кругу на высоте в сорок футов. Колонны были из зеленого камня, инкрустированного красным, черным, коралловым и белым. За ними таились тени. Впрочем, колоннами все великолепие этого зала заканчивалось – за ними простиралась стена из темно-бурого неровного камня, местами покрытого мхом.

Зал представлял собой квадрат со стороной в сорок футов. В центре пола изображался черно-красный символ из переплетенных комет, трех футов в поперечнике. Именно в центре этого волшебного знака стояла Марика.

В зале не было никакой обстановки, никаких огней. Слышалось лишь несмолкаемое эхо.

Стоя с закрытыми глазами, Марика пыталась не дышать, не издать ни звука под безжалостным взглядом Горри. Наставница опиралась на перила балюстрады, неподвижная как камень, нависая над Марикой темной тенью. Казалось, будто на Марике сосредоточился весь проникавший в окна свет.

Снаружи завывал холодный ветер, хотя должно было уже начаться весеннее таяние снегов. В это время на деревьях появлялись почки, а на последних белых островках в тени ветвей зацветали подснежники. Но вместо этого третий день бушевала очередная метель, нанося третий фут похожего на песок снега.

Марика никак не могла выбросить из головы мысли о погоде. Это означало, что в Верхнем Понате продолжают трудные времена. Поздние посевы, плохая охота – и наверняка снова проблемы с кочевниками следующей зимой, сколь бы мягкой та ни была.

Новости из Верхнего Поната до крепости почти не доходили, а те, что доходили, были весьма мрачными. Кочевники опустошили еще несколько стойбищ, даже без возглавлявшего их верлена. Обитатели других стойбищ, не сумевшие перенести столь долгую зиму, превратились в граукенов.

Цивилизация в Верхнем Понате прекратила существование.

Даже лето не принесет облегчения – после столь жестокой зимы в лесах будет мало дичи.

Из стойбища Дегнанов не было вестей. Судьба стаи Ласп оставалась тайной.

Молодые силты отправились на охоту на кочевников, пытаясь обеспечить защиту, которую, как предполагалось, обещал Акард. Но их было мало, особого рвения они не проявляли, и толку от них оказалось немного.

В тени под балюстрадой послышался шепот. Что-то пошевелилось. Марика открыла глаза...

Боль!

По нервам словно прошел огонь. В голове раздался спокойный голос:

«Смотри внутренним взглядом».

Марика снова зажмурилась, чувствуя, как из глаз текут от бессилия слезы. Ей никто не объяснил, что делать, – просто приказали куда-то смотреть. Как она могла что-то сделать, не зная, чего от нее хотят?

Снова послышался шорох, будто к ней подкрадывался кто-то когтистый. Потом шорох стал громче, и она развернулась на звук, открывая глаза.

К ней прыгнул фантастический зверь, широко раскрыв клыкастую пасть. Взвизгнув, она пригнулась, хватаясь за несуществующий нож на поясе. Зверь пролетел над ней, но когда она обернулась, то ничего не увидела. Даже следов в пыли на полу.

Боль!

Ощущение бессилия сменилось злостью, а злость – кипящей чернотой. Не обращая внимания на пульсирующую, мучительную боль, Марика уставилась вверх, на старую Горри.

А потом она увидела плывущих во тьме призраков.

Старая силта заколыхалась, становясь прозрачной. Марика схватила трепещущий рубин ее сердца.

Горри тихо вскрикнула и повалилась на пол.

Марика больше не чувствовала боли. Исчезли и фальшивые звуки. Она глубоко вздохнула с облегчением – впервые за этот день. На мгновение она ощутила гордость собой. Все-таки она показала им, что нельзя так...

Что-то на миг коснулось ее, будто удар темного кулака, безболезненный, но сильный. Пошатнувшись, она упала на колени, с трудом соображая от страха.

Казалось, она не владеет собой, не может управлять собственным телом. Что с ней происходит? Что с ней собираются сделать?

Снова звуки, на этот раз настоящие. Поспешные шаги наверху.

Паралич отступил, и Марика встала на ноги. Зал заполнился взволнованным шепотом. Подняв взгляд, она увидела нескольких силт, которые окружили Горри. Одна с силой ударила по груди старой силты и прислушалась к сердцебиению.

– Успели. Как раз вовремя.

Высокая одноногая силта прислонила костыли к перилам и яростно уставилась на Марику.

– Иди сюда, щена! – рявкнула она.

– Да, госпожа Гибани.

К немалому своему замешательству, Марика выяснила, что Хлес – не имя, а титул, означавший, что Гибани играет главную роль в обрядах силт Акарда. В чем эта роль заключается, Марика пока не знала. Ее пока не допускали ни к каким обрядам, кроме самых основных.

В собственном логове Марике не пришло бы в голову вести себя вызывающе или пытаться спорить. Но здесь, в крепости, несмотря на неоднократные предупреждения, от ее обычной сдержанности мало что осталось. Силты пока не заслужили ее уважения, впрочем его вообще заслуживали лишь немногие.

– Потому что она сделала мне больно, – огрызнулась она, глядя в глаза старшей Кеник.

– Она тебя учила.

– Вовсе нет. Она меня мучила. Она приказала мне сделать нечто, не объяснив, что делать. Я даже теперь не знаю, о чем речь. А потом она стала меня мучить за то, что я этого не сделала. Она ничему меня не учила. Ничего мне не показывала.

– Она учила тебя, вынуждая самостоятельно искать путь.

– Глупо. Даже зверям показывают, что делать, прежде чем дрессировщик награждает их или наказывает. А так – неразумно и бессмысленно.

Она много раз продумывала эту речь, и теперь слова вырывались у нее сами по себе, несмотря на страх.

Марика верила в то, что говорила. Старшие в стае Дегнан порой срывали злость на щенках, но хотя бы показывали, что делать, прежде чем недовольно рычать.

– Такой уж у Горри способ.

– От этого он не становится ни умнее, ни полезнее.

Ее злость, подпитываемая страхом, начала спадать, и Марика отметила, что старшая относится к ней на удивление терпимо. Мало какая взрослая мета отнеслась бы спокойно к столь долгим пререканиям.

– Так отделяют слабых от сильных. Придя сюда, ты должна была понять...

В Марике вновь вспыхнула дерзость.

– Когда я пришла сюда, я ничего не понимала, старшая. Я даже не просила, чтобы меня сюда приводили. Я пришла, думая, что стану охотницей для крепости, и была к этому готова лишь в силу обстоятельств. Я никогда не слышала о силтах, пока мать не отправила к вам посланниц с просьбой о помощи. Обо всем, что мне известно о силтах, я узнала уже здесь. И то, что я узнала, мне не нравится.

В свете лампы злобно блеснули зубы старшей. Терпение ее было на пределе. Марика, однако, не отступала, хотя вся ее смелость была чисто напускной.

Что она станет делать, если ее вышвырнут за ворота?

Старшая все же сдержала гнев:

– Могу с тобой согласиться в том, что Горри не лучшая наставница. Однако первый урок, которому учат сестер, – умение владеть собой. Без дисциплины мы ничто. Так, как ты, ведут себя рабочие в поле, ремонтницы, охранницы. Но не силты. Полагаю, тебе следует научиться держать себя в лапах. Ты продолжишь обучаться у Горри. Несмотря ни на что.

– Это все?

– Все.

Марика попрощалась, как ее учили. Но когда она уже подошла к тяжелой деревянной двери в жилище старшей, та ее окликнула:

– Подожди.

Марика повернулась, охваченная внезапным страхом. Ей очень хотелось уйти.

– Ты должна дорожить своими обязательствами перед сестринством, Марика. Твое сестринство значит для тебя все. Все, чем была для тебя твоя стая, и все, в чем заключается смысл твоей жизни.

– Я не могу дорожить тем, чего не понимаю, старшая. Все, что я тут вижу, кажется мне лишенным смысла. Прошу простить бедной щене из стойбища ее невежество, но все, что я вижу, говорит о том, что задача сестринства – использовать тех, кто к нему не принадлежит. Оно только берет и берет, но почти никогда ничего не дает взамен.

Она вспомнила слабую попытку противостоять вторжению кочевников.

– Смотри дальше первой завесы, Марика. Ты на пороге того, чтобы стать силтой. Вместе со всем, что из этого следует. Это редкая возможность. Не закрывай перед собой дверь, упрямо цепляясь за дикарские ценности.

В ответ Марика лишь оскалилась, выскользнула за дверь и метнулась вниз по лестнице в свою келью. Она зажгла свечу, думая, что сумеет отвлечься, погрузившись в книгу, которую в числе прочих дали ей для изучения.

– Что такое?

На маленьком письменном столе лежала Летопись Дегнанов.

Меньше чем через десять минут случилось очередное чудо.

Кто-то неуверенно поскребся в дверь. Марика открыла.

– Грауэл! – Она уставилась на охотницу, которую не видела со времени их перехода в Акард.

– Привет, щена. Можно войти?

– Конечно. – Марика отошла в сторону, пропуская Грауэл.

Места в келье было не слишком много. Она снова села на стул за письменным столом. Грауэл, оглядевшись, в конце концов устроилась на койке Марики.

– Никак не могу привыкнуть к мебели, – сказала Грауэл. – Всегда первым делом ищу шкуры на полу.

– Я тоже. – Марика вдруг поняла, что, как бы ей ни хотелось за эти недели увидеть Грауэл или Барлог, говорить им на самом деле особо не о чем. – К тебе хорошо относятся?

Грауэл пожала плечами:

– Не хуже, чем я ожидала.

– А Барлог? С ней все хорошо?

– Да. Вижу, тебе принесли Летопись. Будешь ее продолжать?

– Да.

С полминуты казалось, что обеим нечего больше сказать.

– Я слышала, у тебя неприятности, – наконец заметила Грауэл. – Мы стараемся узнавать о тебе по тем слухам, которые ходят вокруг.

– Да. Я глупо поступила. А мне даже не удалось убедить их рассказать, живы ли вы.

– Живы и здоровы. И возносим славу Всеединому за чудесно дарованный нам снег. Ты в самом деле пыталась убить наставницу? С помощью колдовства?

– Можно и так сказать. Хотя на самом деле не убить, просто сделать больно в ответ. Она сама напросилась, Грауэл. – Внезапно ее прорвало, и она выплеснула все накопившее, хотя подозревала, что старшая прислала Грауэл, чтобы та ее обругала. – Мне здесь не нравится, Грауэл. – От расстройств она сменила тон, заговорив слишком уж доверчиво, что среди Дегнанов случалось редко, обычно только между однопометниками. – Они нехорошие, злые. Можешь сделать так, чтобы они оставили меня в покое?

Грауэл обняла ее, неловко пытаясь утешить, и с Марики слетела фальшивая маска взрослой, которую она носила с тех пор, как случился конфликт с Горри.

– Я в самом деле не понимаю, Грауэл.

– Попробуй еще раз, Марика, – ответила Грауэл, и голос ее прозвучал неестественно тихо для взрослой меты. – И наберись терпения. Ты единственная причина, по которой жив хоть кто-то из Дегнанов – пусть даже только мы.

Марика вполне ее поняла, хотя Грауэл и не говорила прямо. Грауэл и Барлог оказались в Акарде лишь из милости. И только от нее зависело, как к ним станут относиться.

Она была слишком юна, чтобы взвалить на себя такую ответственность.

Ей никак не удавалось сменить тон с семейно-интимного на более формальный, хотя она чувствовала, что Грауэл от него несколько не по себе.

– Кто такие эти силты, Грауэл? Расскажи мне про них. Только не отмахивайся и не уклоняйся от ответа, как делали все дома. Расскажи мне все, что знаешь. Для меня это очень важно.

Грауэл смутилась еще больше. Она огляделась, будто опасаясь кого-то, кто мог таиться во мраке маленькой кельи.

– Расскажи, Грауэл. Пожалуйста! Зачем я им нужна?

Грауэл собралась с духом. Она была самой отважной охотницей в стае Дегнан, и Скилджан всегда хотела, чтобы та была рядом во время охоты на опасную дичь, вроде кагов. Она настолько взяла себя в лапы, что сумела тоже перейти на неформальный тон:

– Это ведьмы, Марика. Темные ведьмы, как в сказках. Они повелевают миром духов. Они сильны и намного безжалостнее граукенов. Они – властительницы мира. В Верхнем Понате нам везло – мы почти с ними не общались, не считая ежегодных визитов в крепость. Они

говорят, будто мы слишком отсталые, чтобы постоянно за нами надзирать. Это всего лишь отдаленный форпост сестринства Рюгге, который позволяет им сохранять права на Понат. Как говорят торговцы, приходящие из низовий Хайнлин, они намного сильнее на юге, где владеют городами и правят ими посредством ужасающего колдовства. Обычные меты не осмеливаются даже признать их существование, хотя любой шаг и любое решение происходят под их бдительным надзором. Как будто они – воплощение Всеединого. Те, кто вызовет их недовольство, погибают ужасной смертью, убитые духами.

– Какими духами?

Грауэл косо на нее посмотрела:

– Уж это-то ты наверняка знаешь? Иначе как ты смогла поразить в сердце наставницу?

– Я просто разозлилась и пожелала, чтобы ее сердце перестало биться, – ответила Марика, слегка погрешив против истины, и тут же замолчала. Тогда она прекрасно понимала, что делает. Ей вспомнились все случаи, когда, как ей казалось, она видела призраков. Не те ли это самые духи, которыми повелевали силты? – Зачем я им понадобилась?

– Они говорят, что ты обладаешь тайным взглядом силты. Ты можешь проникнуть в мир духов и менять его по-своему.

– Даже если это правда, зачем им было меня забирать?

– Наверняка ты уже знаешь, что сестринства – не стаи, Марика. Ты видела в крепости хоть одного самца? Нет. Им приходится искать себе молодняк на стороне. В Понате все стойбища должны приводить щенков в возрасте пяти-шести лет к силтам, которые тщательно их изучают и отбирают тех, кто отмечен даром. Самок воспитывают как силт. Самцов уничтожают. У самцов дар встречается значительно реже, чем у самок. Хотя поговаривают, что, если их когда-нибудь полностью истребят, самки с даром тоже перестанут рождаться. – Грауэл быстро огляделась и едва слышно прошептала: – Скорее бы!

– Верлены?

– Да. Именно так. Они внезапно появляются в глуши. Мало кто из стай Поната следует заведенным правилам, а из кочевников – вообще никто. Акард недостаточно силен, чтобы диктовать свою волю всему Понату. В Жотаке силт вообще нет. Хотя в Понате находили обладающих даром, пусть и немногих.

– Мама что-то подозревала, – задумчиво проговорила Марика. – Вот почему никого из моего помета не водили к силтам.

– Возможно. Были и другие щены вроде тебя, способные стать силтами, но не стали ими. Говорят, что, если даром не начать пользоваться в раннем возрасте, он не сформируется и вскоре угаснет. Не будь эта зима столь суровой и не случись того, что случилось, через несколько лет ты бы воспринимала свои видения как игру щенячьего воображения.

Марике показалось, будто Грауэл точно знает, о чем говорит.

– Я и сейчас не уверена, что это не игра воображения, – пробормотала Марика скорее себе под нос, чем обращаясь к Грауэл.

– Именно так. Говорят, что в городах все по-другому. По словам торговцев, в местных обителях щенков тщательно обследуют и отбирают тех, у кого есть дар, вскоре после рождения. Большинство сестер, включая здешних, никогда не знали иной жизни, кроме жизни силты. Обычаи силт вызывают у них не больше вопросов, чем у тебя вызывали обычаи стаи Дегнан. Но наши обычаи – не единственные, сотворенные Всеединым. Торговцы приносят рассказы и о других, и некоторые столь чужды, что не поддаются пониманию.

Марика на полминуты задумалась:

– Все равно не понимаю, Грауэл.

Грауэл оскалилась в натянутой усмешке:

– У тебя всегда находилось больше вопросов, чем возможных ответов на них, Марика. Я рассказала все, что знаю. Остальное тебе придется узнать самой. Но помни, что эти ведьмы

очень опасны и ничего не прощают. Эти, изгнанные на край света, еще не столь суровы, как их сестры в больших городах. Будь очень осторожна и наберись терпения.

– Постараюсь, Грауэл, – еле слышно проговорила Марика. – Постараюсь.

Глава девятая

I

Марика не покидала свою келью три дня, сидя под неофициальным арестом. Потом к ней пришла одна из немногих послушниц-силт Акарда, сообщив, что ее зовет к себе Горри.

Марика отложила флейту, на которой беспрерывно играла, пугая соседок, и закрыла второй том Летописи, которая уже казалась ей далекой, будто история другой стаи.

Посланница, чьего имени Марика не помнила, да ее оно особо и не интересовало, косо посмотрела на флейту. Примерно так сама Марика могла посмотреть на ядовитую ящерицу, возникшую на склоне холма, пока она бездельничала, разглядывая картины в облаках.

– В чем дело? – спросила Марика.

Решает сила. Остальной молодняк относился к ней с опаской еще до происшествия с Горри. Она была дикаркой, к тому же слегка чокнутой и отличалась непокорным характером, несмотря на небольшой рост и юный возраст.

– Ни в чем. Просто никогда не видела, чтобы самка на чем-нибудь играла.

– В мире куда больше чудес, чем мы знаем, – процитировала Марика чудаковатую преподавательницу естествознания, которая становилась мишенью для злых шуток половины молодых силт. – Она очень сердится?

– Мне вообще не положено с тобой разговаривать. Как и всем нам, пока ты не научишься вести себя как следует.

– Наконец-то Всеединое услышало мои молитвы!

Она возвела глаза к небу, послав ему благодарность от стаи Дегнан, а про себя подумала: почему она столь полна решимости вывести из себя всех, кто ее окружал? Она всегда была тихой щеной, и неприятности случались скорее из-за ее склонности мечтать, чем из-за несдержанного языка.

– Если и дальше будешь говорить такое, тебе никогда не обзавестись друзьями.

– Все мои друзья – призраки.

Марика гордилась, что сумела вложить двойной смысл во фразу на разговорном языке силт, который начала учить совсем недавно.

Послушница ничего больше не сказала, ни на общем наречии, ни на каком-либо силтском диалекте. Проводив Марику до дверей Горри, она ушла, намереваясь поведать всем о дурных манерах дикарки.

Марика постучала. Слабый голос предложил ей войти, и она оказалась в мире, о существовании которого не подозревала.

Даже старшая не жила в такой роскоши.

В единственной комнате было больше удобств и богатства, чем Марика видела за всю свою жизнь в стойбище Дегнанов.

Выздоровливающая Горри лежала на постели из меха отека, подбитого редким потхастовым пухом. Вдоль стен тянулись ряды свечей, дополнявших свет от очага старой силты. За огнем и свечами следила щена не из числа силт, того же возраста, что и Марика.

Марика увидела множество богатой одежды, вроде той, что привозили на север в повозках торговцы, в обмен на меха и зеленые драгоценные камни, которые находили в стекавших из Жотака ручьях. В изобилии имелся металл, и вовсе не в виде инструментов или оружия.

У Марики закружилась голова. Воистину грех – тратить впустую такое богатство, выставляя его напоказ!

– Подойди сюда, щена. – Свечница помогла Горри приподняться на постели. Старая силта показала на стоявший неподалеку деревянный табурет. – Сядь.

Марика подошла и села, стараясь вести себя как можно почтительнее. Когда в душе взыграла злость, она напомнила себе, что от ее поведения зависит судьба Грауэл и Барлог.

– Щена, я обдумала все наши попытки тебя обучать и считаю, что мы выбрали неверный подход. Главным образом это моя ошибка. Я отказалась признавать, что ты выросла вне Сообщества. И я не учла, что у тебя есть множество привычек, которые следует оставить в прошлом. Пока ты этого не сделаешь и не обретишь надлежащий образ мыслей, вряд ли стоит ожидать, что ты поведешь себя так, как подобает силте, оказавшись в незнакомой обстановке. В каковой, как я теперь признаю, ты и находишься. Поэтому мы пойдем другим путем. Но предупреждаю: ожидается, что ты будешь подчиняться правилам сестринства, как только они станут для тебя ясны. И ни малейшего нарушения я не прошу. Понятно?

Марика почувствовала, как в силте вскипает едва сдерживаемая ярость и ненависть. С ней наверняка уже поговорила старшая.

– Нет, госпожа Горри.

Силту затрясло. Свечница с немой мольбой посмотрела на Марику, заламывая лапы. На мгновение Марика испугалась за здоровье старухи, но тут Горри спросила:

– Что именно тебе непонятно, щена? Начни с самого простого вопроса.

– Зачем вы со мной все это делаете? Я вовсе не просила...

– Твоя мать и самки твоей стаи спрашивали, хочешь ли ты стать охотницей?

– Нет, госпожа, – призналась Марика. – Но...

– Но ты самка, и ты здорова. В Верхнем Понате здоровая самка естественным образом становится охотницей. Теперь, однако, выясняется, что у тебя есть дар силты. Так что естественным образом ты станешь силтой.

Марика не могла ничего на это возразить. Она не была согласна с Горри, но ей не хватало ума, чтобы опровергнуть довод.

– У тебя нет выбора, щена. Не в обычаях сестринства отпускать необученные таланты на свободу во владениях Сообщества.

Хотя силта и не говорила прямо, Марика без труда поняла – она могла либо стать силтой, либо умереть.

– Ты та, кто ты есть, Марика. И должна быть той, кто ты есть. Таков закон.

Марика с трудом сдержалась.

– Понимаю, госпожа Горри.

– Хорошо. И ты продолжишь учебу, соблюдая надлежащую самодисциплину?

– Да, госпожа Горри. – Свое мнение Марика решила оставить при себе.

– Хорошо. Твое обучение возобновится с завтрашнего дня. Я сообщу другим наставникам. С этой минуты ты будешь уделять больше времени изучению обычаев Сообщества, пока не достигнешь уровня знаний, подходящих кандидатке твоего возраста.

– Да, госпожа Горри.

– Можешь идти.

– Да, госпожа Горри.

Прежде чем уйти, Марика помедлила, в последний раз оглядевшись. Особенно ее заинтриговали книги на полках вдоль стены возле очага. Из всего здешнего богатства они впечатлили ее больше всего.

Спать ей теперь приходилось меньше – что, возможно, и к лучшему. Слишком много было дел и учебы. И заодно – меньше неприятных сновидений.

Марика не сомневалась, что ее преследует призрак Кублина, наказывая за то, что не оплакала погибших Дегнанов. Она хотела обсудить сновидения с силами, но в конце концов решила, что не стоит. Как обычно, все, что было между ней и Кублином – пусть даже покойным, – оставалось между ней и Кублином.

II

Сновидения продолжались – отрывочные и случайные, ничем не связанные с какими-либо явлениями или природными циклами, которые могла бы опознать Брайдик. Они врывались без стука, будто по чьему-то чужому желанию, что лишь убеждало Марику: именно она является средоточием гнева мертвых ее стаи. Сны приходили к ней все чаще, хотя спала она теперь меньше, чем когда-либо. Слишком много приходилось учиться, слишком многим заниматься, чтобы тратить впустую время на сон.

– Думаю, твои сны никак не связаны с вашими мертвыми, – сказала ей Брайдик. – Разве что – у тебя в голове. Ты просто пытаешься дать им разумное объяснение. Полагаю, это твой дар пробивает себе путь, преодолевая давление возраста. Ты слишком долго жила без должного наставления и обучения. С щенками, которые достигают твоих лет, не получив обучения, случается много странного. И это если говорить об обычном даре.

– Обычном даре?

Марика подозревала, что Брайдик тоже краешком коснулась тень, что преследовала ее с тех пор, как изменилось поведение мет Акарда.

Все как-то странно к ней относились. Горстка живших в крепости щен не только, как и следовало ожидать, презирала ее за дикарское происхождение, но и попросту боялась. Стоило ей припереть кого-то к стене, пытаясь получить ответы, как та отводила взгляд и в глазах вспыхивал страх.

Лишь Брайдик, похоже, ничего не боялась.

Марика теперь проводила немало времени в центре связи. Брайдик помогала ей изучать язык, спасая от одиночества. Грауэл и Барлог она видела редко, и то украдкой, обмениваясь лишь несколькими поспешными словами.

– Горри много чего есть сказать моей кровной сестре, Марика. И хорошего в том мало. Кое-что достигает моих скромных ушей. – Пальцы Брайдик нервно заплясали по клавишам, вызывая данные, которые она просматривала всего несколько минут назад. Плечи ее выпрямились, и она повернулась. – Тебя ждет славное будущее, щена. Если ты до него доживешь.

– Что?

– Горри разбирается в щенах и дарах. Когда-то она занимала важное положение среди наставниц в Макше. Она называет тебя величайшей потенциальной носительницей дара из всех, кого до сих пор обнаружил Акард. Возможно, самого выдающегося дара из всех, что открыло сестринство Рюгге в нынешнем поколении.

– С чего бы? – фыркнула Марика. – Я вовсе не чувствую себя выдающейся.

– Откуда тебе знать? В твоём возрасте тебе не с кем себя сравнивать, кроме как с самой собой. Несмотря на все ее недостатки, Горри не склонна к пустым фантазиям. Будь я в твоей шкуре, крайне берегла бы свой хвост. В переносном и даже в буквальном смысле. Дар, подобный твоему, столь яркий, что сияет даже в глазах слепых, может стать большим проклятием, чем дар Всеединого.

– Проклятие? Опасность? О чем ты?

– Решает сила, щена. Я тебя предупреждаю. Если кому угрожает чей-то дар, он не остановится перед тем, чтобы его раздавить, – хотя и будет действовать незаметно.

Брайдик снова постучала по клавишам. Марика ждала, размышляя, что имела в виду связистка, и слегка удивляясь, что уже не чувствует себя столь неудобно в центре связи. Возможно,

это было еще одно проявление ее дара, столь впечатлившее Брайдик. Связистка говорила, будто она инстинктивно подавляет электромагнитное воздействие, которое не могут побороть другие.

– Все не случайно, что большинство важных постов в большинстве сестринств занимают очень старые меты, – сказала Брайдик, вырвав Марику из задумчивости. – В щенячьем возрасте эти силты были лишь чуть умнее и чуть сильнее других и не привлекали особого внимания. Но по мере того, как становились старше и опытнее, они все чаще оглядывались в поисках тех, кто мог бы их обогнать, и ставили силки на пути более быстрых бегуний. – («Как наверняка поступила бы Похсит, будь у нее такая возможность», – подумала Марика.) – А на старших они не особо давили.

– Породу все равно не улучшишь, – ответила Марика, которой показалось, что данное наблюдение вполне достойно взрослой меты.

– Речь не идет об улучшении породы, щена. Силты до сих пор существуют благодаря редкому, но устойчивому рецессивному гену, распространяющемуся в более широкой популяции.

Марика уставилась на нее, не понимая ни слова.

– Когда община принимает силту в свои ряды как полноправную сестру, ее подвергают ритуалу, в процессе которого она лишается возможности иметь щенков.

Марика ошеломленно взглянула на Брайдик. Это противоречило всем принципам выживания.

В стаях Верхнего Поната право на размножение жестко контролировалось главными самками, такими как Скилджан, и зачастую принадлежало только им. Свободно совокупляясь, меты заполнили бы всю окружающую местность всего за несколько лет.

В праве на размножение могли отказать, но лишить самой такой возможности – никогда. После какой-нибудь страшной катастрофы стае быстро потребовались бы новые щенки.

– Истинная сестра-силта не должна отвлекаться на плотские желания или иметь какие-либо обязательства вне пределов общины. Когда у самки течка, она теряет разум. Самка с новорожденными щенками ограничена в передвижении и не способна поставить интересы Сообщества выше своего потомства. Так запрограммировала ее природа. – Брайдик внезапно сменила тему, почувствовав себя неудобно: – У тебя есть одно преимущество, Марика. Серьезная гарантия безопасности. Ты в Акарде, который называют Цитаделью Умершего Тщеславия. Никто тебя здесь не зарежет, опасаясь за собственную жизнь. Силты Акарда лишены всяческой надежды. Их сбросили с верхушки иерархии, но сочли достаточно опасными, чтобы отправить в пожизненное изгнание. Враги, которых ты здесь находишь, ненавидят тебя, потому что боятся твоей силы, а также по другим, не столь эгоистичным причинам. Горри пугает то, что ты можешь означать для будущего Сообщества. Она уже давно заявляла, будто видит проблески далекого завтра. А с тех пор, как появилась ты, ее пророчества стали еще более истеричными и мрачными.

Марика подперла морду лапой, изображая сосредоточенное внимание, – лишь бы Брайдик не замолкала. Непрекращающаяся болтовня связистки несколько не раздражала, поскольку Брайдик с радостью снабжала ее информацией, которой силты делились весьма неохотно, если делились вообще.

– Самая большая опасность тебя ждет, когда тобой заинтересуются на юге. А я боюсь, это обязательно произойдет, если хотя бы половина того, во что верит Горри, – правда. Если ты и дальше будешь все так же упорствовать, тобой точно заинтересуются. – Брайдик поиграла с видеозраном, чем-то встревоженная. – Если тебе не мешать лет шесть или семь и если ты будешь учиться столь же быстро, как сейчас, сил всего Сообщества не хватит, чтобы тебя здесь удержать. – Связистка отвернулась, пробормотав: – Решает сила.

Марика уже привыкла к подобной болтовне. Брайдик не раз высказывала подобные намеки, когда им доводилось остаться наедине. На этот раз мета говорила более прямо, но в ее словах было не больше смысла, чем в день, когда Марика заглянула к ней в первый раз.

Марика проглатывала книгу за книгой, узнавая кое-что о своем даре, но ей почти ничего не удавалось выяснить о реальном устройстве сестринства Рюгге. Она не могла удержаться от желания перевести все услышанное и увиденное в знакомые ей понятия стаи Дегнан и часто попадала впросак.

Силты произносили слово «Сообщество» с почтением, с каким Дегнаны относились лишь к Всеединому. Но каждая сестра, казалось, жила своей жизнью, столь запутанной, что по сравнению с ней жизнь приграничных «дикарей» казалась идеалом. Меты Верхнего Поната никогда не подвергали свои стаи опасности, устраивая борьбу за власть. Но Марика подозревала, что видит все в несколько темных тонах. Брайдик весьма подробно описывала эту сторону жизни силт, будто испытывая к ней некое болезненное пристрастие.

Тогда Марике не пришло в голову задуматься, что тому причиной.

Встав, она принялась расхаживать по центру связи. Слова Брайдик внушали ей беспокойство и тревогу.

– Старайся их как-то отвлечь, – говорила Брайдик. – Тебе в буквальном смысле придется бороться за жизнь. Будь крайне осторожна. – Она снова сменила тему: – Хотя невооруженным взглядом и не видно, снег уже начал таять. Как можно заметить на мониторах.

Марика подошла к видеозэкрану, за которым сидела Брайдик. С неодушевленными предметами ей было куда проще, чем с метами. У нее обнаружился талант управляться с клавиатурой, хотя она не понимала и трети из объяснений Брайдик, как та работает. Для Марики электроника казалась большим колдовством, чем ее дар, который был естественным и признанным фактом, наподобие зрения. Ей не приходило в голову сомневаться в собственном зрении или пытаться его изучать. Но машина, выполнявшая работу мозга... Чистая магия.

По экрану скользили замысловатые колонки чисел.

– На севере теплее, чем здесь, Брайдик?

Марике вовсе не казалось, будто хватка зимы хоть сколько-нибудь ослабевает.

– Нет. Просто везде теплее. – Связистка ввела небольшую поправку, регулировавшую работу некоего устройства, которое она называла выходным затвором. – Меня беспокоит, что этой зимой было слишком много снега. Внезапное потепление может привести к таянию, с которым система не справится.

– А если открыть затворы полностью? Прямо сейчас?

– Тогда опустеют резервуары. Этого я сделать не могу. Нужно поддерживать определенный уровень, чтобы потока хватало для вращения генераторов. Иначе мы останемся без энергии, а без нее я не могу делать свою работу.

Марика собралась снова задать вопрос, но тут ее коснулось незримое «щупальце», и она подпрыгнула, словно внезапно напуганный щенок. Брайдик оскалилась и зарычала, инстинктивно отзываясь на грозящую щенку опасность.

– Что случилось, Марика? – Похоже, она и сама удивилась собственному рыку.

– Кто-то идет. Силта. Мне нужно уходить.

Ей не полагалось торчать в центре связи, подвергаясь воздействию его ауры. Впрочем, ей многого не полагалось, к примеру тайком навещать Грауэл и Барлог. Силты не могли постоянно не спускать с нее глаз. В итоге она просто стала меньше спать. А охотницы из крепости, казалось, вообще ею не интересовались и не собирались докладывать о ее ненадлежащем поведении.

Она подозревала, что это заслуга Грауэл и Барлог, хотя те постоянно предостерегали ее во время коротких встреч. Порой она ловила намеки на то, что ее соплеменницы заработали себе среди лишенных дара обитательниц Акарда репутацию весьма свирепых мет.

Марика выскользнула из центра связи по коридору, ведущему на крышу и к металлическому дереву. Здесь, наверху, его аура все еще сбивала с толку, но не настолько, чтобы юной ученице силт не удалось пробраться в свете лун к северной стене. Поднявшись на нее, она устала на суровую снежную равнину.

Ей вовсе не казалось, будто зима ослабила хватку.

Краем глаза она заметила движение, но не стала оборачиваться, зная, что никого не увидит, если только не вложит в свой дар всю силу, подобно удару молота.

Не стала она и смотреть на огромное холодное небо, хотя чувствовала, как оно безмолвно зывает к ней, стучась в душу.

Когда-нибудь, подумала она. Когда-нибудь. Если Брайдик права, когда-нибудь она там окажется.

III

Луны, будто играя, гнались друг за другом в ночи, и их редкое сочетание выглядело невероятным, – казалось, они вот-вот столкнутся друг с другом.

По словам наставниц Марики, иногда малые луны в самом деле сталкивались с Кусакой или Гончей. Однако последний раз столь впечатляющее событие случилось два столетия назад, а предшествующее ему – на тысячу лет раньше. Хотя ночное небо вовсе не выглядело пустым, небесные тела налетали друг на друга редко.

– Опять замечталась, Марика? – послышалось возле уха. Вздрогнув, она поняла, что остановилась и ее нагнала Барлог, шедшая с замыкающими в нескольких сотнях ярдов позади. В голосе охотницы чувствовалась мягкая усмешка. – Собираешься переделать мет из крепости по своему образу и подобию, а не наоборот?

Марика не ответила. Выдернув тупой конец копья из размокшей земли, она зашагала дальше по склону пологого холма. Она поняла, что Барлог в очередной раз съехидничала по поводу упрямого сопротивления некоей щены, не желавшей вливаться в жизнь силты, – сопротивления молчаливого, почти ничем себя не проявляющего и вместе с тем неизменного. Она жадно поглощала новые знания, но внешне оставалась все той же дикаркой, повергая в отчаяние силт.

Подсознательно, а может, инстинктивно она делала все возможное, чтобы избежать внимания большинства сестер. С другой стороны, гордость не позволяла силтам Акарда доложить, что среди них – дикарка, с которой они не способны справиться.

Марика расположилась ближе к концу отряда, шагая след в след за идущей впереди нее сестрой. Всего в отряде было двенадцать силт и двенадцать охотниц. Они ушли далеко к северу от Акарда, и луны здесь поразительно низко висели над головами. Некоторые охотницы несли с собой трофеи в виде отрезанных ушей, но охота была не столь удачной, как ожидалось. Кочевники тщательно избегали встречи. Сестры-дальночующие говорили, что у других отрядов охота не лучше. Казалось, будто кочевники всегда знали, где их преследователи. Те немногие, кто стал добычей, были в основном самцами, которые отстали от стай, слишком ослабев.

Случилось нечто весьма пугающее. Орда кочевников не распалась после гибели верлена на грызущиеся между собой стаи, и это крайне беспокоило старших силт Акарда. Но почему – они не объясняли. По крайней мере, Марике.

Пока она не принимала участия в охоте – лишь брела вместе со стаей, учась всему необходимому. И любовалась бескрайними незнакомыми видами, горами, каньонами, водопадами и деревьями, какие она не могла даже себе представить, будучи запертой в родном стойбище. Она наслаждалась ночным миром, с его диковинными существами, опасностями и запахами.

Охотничьи отряды вышли из Акарда вскоре после последней, уже слабеющей зимней бури, пока на севере все еще лежал снег. Им поручили безжалостно преследовать отступающих

кочевников, вытесняя их в Жотак и дальше. Марика не понимала целей старшей, зато у нее не возникало вопроса: «Почему ее отправили вместе с ними?»

В Акарде она стала возмутительницей спокойствия. Старые силты не могли с ней справиться. Им хотелось хотя бы на время от нее избавиться, чтобы вновь обрести покой. И возможно, решить, что делать с бунтаркой.

Она не позволяла себе над этим задумываться – слишком мрачно выглядели перспективы. И она вовсе не была уверена в своей безопасности, что бы ни говорила Брайдик. Старшая, хлес и Горри неоднократно намекали, что она полностью зависит от их милости. И она чувствовала ответственность перед Грауэл и Барлог. Но как она ни старалась выглядеть более покладистой, хотя бы внешне, неизбежно кто-то затрагивал некую упрямую мятежную струну ее души.

Отряд остановился.

– Мы на месте, – доложила охотница, вернувшаяся из посланной вперед группы. – Вон за теми скалами. – Она показала на закрывающие звезды очертания впереди.

Марика прислушалась, опершись на копьё и радуясь возможности перевести дух. Они взбирались вверх по склону с захода солнца, а до этого еще три ночи. Теперь же до запланированного конца пути их отделяло всего несколько ярдов. Им предстояло повернуть назад, начав долгий путь под уклон в Акард.

– С обрыва видны костры, – сказала разведчица.

Марика насторожилась. Кочевники? Так близко? И они настолько уверены в себе, что разводят ночью огонь?

Стая гневно заворчала. Вскоре Марика уже стояла на краю громадного утеса, глядя на мерцающее, подобно скоплению звезд, пламя костров во многих милях впереди.

– За Разломом они чувствуют себя в безопасности, – пробормотала Райсин, возглавлявшая отряд силта. – Они думают, мы не двинемся дальше. Будь они прокляты! Дальночующая! Где дальночующая? Мне нужны указания из Акарда. Я должна связаться с другими отрядами и сообщить, что мы нашли дикарей.

Даже во тьме увиденное поразило Марику. Пока ее спутники отдавали распоряжения или разбивали лагерь, она стояла и глядела на блестящие в свете лун туманы, ручьи, озера, островки нерастаявшего снега. И на созвездие костров.

Каждый раз, когда ее взгляд падал на далекий лагерь, она ощущала странный прилив чувств, которые, как ей казалось, полностью притупились. Но ненависть и гнев никуда не девались, пусть и погребенные в глубине души. Ей хотелось отомстить за то, что сделали с Дегнами.

Когда первые рассветные лучи солнца затмили слабые восточные звезды, Марика спустилась в лагерь, где обнаружила Райсин, которая о чем-то сердито перешептывалась с двумя дальночующими. Ей отказали в разрешении продолжить преследование за Разломом.

В Акарде близилось время обрядов, и даже сейчас не так-то просто было успеть вернуться, чтобы принять в них участие. Если двинуться дальше на север, от обрядов придется отказаться.

Марику ритуальные обязательства нисколько не волновали.

– Госпожа? – вмешалась она. – Можно мне понаблюдать за лагерем кочевников?

Силта удивленно взглянула на нее:

– Ты? Добровольно? Я поражена. Интересно, какие у тебя могут быть низменные мотивы? Но – ладно. Хоть какая-то будет от тебя польза.

Райсин недолюбливала Марику. Хотя Марика выполняла свою долю работы и даже больше, Райсин постоянно обвиняла ее в лени – возможно, из-за склонности грезить наяву. С трудом сдерживая злость, Марика вернулась на край Разлома, нашла подходящий выступ и села.

Уже достаточно рассвело, чтобы погасли все звезды, кроме самых западных.

Звезд в небесах мира Марики было немного – не больше нескольких сотен. Большинство светили столь слабо, что различить их мог лишь самый острый глаз. По-настоящему яркими небесными телами были лишь луны и ближайšie планеты.

Становилось все светлее. Марика сидела неподвижно, слившись с пейзажем, и с неослабевающим восторгом глядела на открывавшийся перед ней все более величественный вид. И чем ярче становился рассвет, тем более захватывающим было зрелище.

Разлом представлял собой трещину в земной коре, будто из нее гигантским ломом вывернули чудовищных размеров булыжник. Бездна перед Марикой простиралась на глубину в две с лишним тысячи футов, а сам Разлом тянулся в обе стороны, на сколько хватало взгляда. Север расстилался перед ней словно карта, частично скрытая туманом над озерами, реками и их берегами. В основном местность выглядела ровной и травянистой, может, даже болотистой, но вдали виднелась более темная зелень леса. Дальше начиналась тундра.

Марика взглянула на восток в поисках Большого Ущелья, широкой трещины в стене Разлома, через которую мигрировали как кочевники, так и кропеки. И через которую отступили те кочевники, кто предпочел уйти насовсем, – хотя, по слухам, многие решили остаться в Верхнем Понате. Отряды из Акарда охотились и на них.

Никаких следов Ущелья видно не было.

Широкие северные просторы гипнотизировали. Глядя на них, Марика невольно начала грезить наяву.

Что-то слегка коснулось ее разума, будто паутинка на ветру. Вздогнув, она инстинктивно уклонилась, потом сосредоточилась... И очень испугалась.

Эта силта была не из их отряда. Это была силта оттуда.

Несмотря на всю свою решимость учиться, Марика пока овладела лишь зачатками собственных силтам умений и самоконтроля. И все же благодаря полученным знаниям она успокоилась, избавилась от лишних эмоций и ушла в себя, пытаясь найти тот проход, которому учила ее Горри.

И, о чудо, проход с легкостью открылся, и она скользнула в царство призраков, где повседневный мир был столь же нереален, как видения под воздействием чафа. Поймав легкого как перышко призрака, она приказала унести ее в лагерь кочевников. На удивление, тот послушался.

Она и раньше пыталась проделывать это, но получалось лишь несколько раз – когда хотелось причинить зло, когда ею руководил инстинкт и ее воля была подобна железной машине, подпитываемой черной ненавистью.

Ей не до конца повезло. Точно направлять призрака она не могла и уловила лишь несколько случайных картин из жизни лагеря.

Но этого вполне хватило.

Увиденное ее ошеломило.

Кочевников были тысячи. Большинство выглядели как шкура и кости, закутанные в лохмотья, немногим лучше тех, кого отряд Марики завалил на охоте. Хоть они и разграбили Верхний Понат, пользы это им принесло мало. Ей стало не по себе при виде голодных щенков – меньше всего ненависти и больше всего сочувствия вызывали совсем малыши.

Призрак пролетел мимо кого-то в черном, не страдавшего от недоедания. Этот некто спорил с главными охотницами кочевников. Марика попыталась развернуться и взглянуть еще раз, но не справилась с призраком, и некто в черном лишь еще раз мелькнул вдали. Одежда была как у силты, но слегка отличалась от известной Марике.

На нее обрушился затихающий пронзительный вопль, донесшийся из другого мира, где ждало, окаменев, на нависшем над северными просторами утесе ее тело. В этом вопле слыша-

лись нотки ужаса и смерти. Она попыталась увести призрака от лагеря кочевников, вернуться назад.

Но ей не хватало опыта. Летать на призраке – это все равно что управлять бабочкой, которая порхала туда-сюда, лишь постепенно перемещаясь в нужном направлении.

Тело передавало ей сигналы тревоги, волнения, опасности. Она чувствовала, как ее сжимают щупальца паники. Потом она ощутила легкое прикосновение силты, которое становилось все сильнее, превращаясь в якорь, в спасательный трос, за который можно уцепиться, чтобы вернуться в собственное тело.

Она резко пришла в себя, инстинкт призывал то ли бежать, то ли драться. Ее окружали меты, которые возбужденно переговаривались, кроме вернувшейся из мира призраков Райсин, помогшей Марике найти путь назад. Когда она открыла глаза, слегка озадаченная, слегка разозленная и основательно сбита с толку, глава отряда яростно уставилась на нее, а затем повернулась к главной охотнице:

– Убери отсюда всех этих мет.

Охотница попыталась исполнить приказ, но одна мета уходит не собиралась. Держа в лапах тяжелое охотничье копье, она готова была сражаться, но не двинуться с места. Барлог.

– Что случилось? – едва слышно спросила Марика, уверенная, что в ее отсутствие произошли некие драматические события.

– Глупо пытаться проделывать подобное с твоим уровнем. – В голосе Райсин прозвучала удивившая Марикку озабоченность. – Тебе еще долго предстоит учиться под руководством наставницы.

– Что случилось? – повторила Марика. – Я почувствовала что-то ужасное.

– Оброткаск свалилась с обрыва. – Райсин показала на место всего в двух футах от Марики. – Одному Всеединому ведомо, что она там делала.

Райсин яростно уставилась на Барлог. Охотница еще не оперла копье о землю, и оскал ее был столь свиреп, что Марика поняла – та примет любой вызов и будет сражаться, но не сделает ни шагу.

– Обсудим это позже, – бросила Райсин. – В более благоприятных условиях. Успокой ее. И всем отдыхать. К ночи выступаем на юг.

– В том лагере есть силты, – сказала Марика в спину Райсин.

– Да, наверняка.

Райсин осторожно обошла Барлог. Охотница медленно повернулась к ней, держа копье наготове. Лишь когда глава отряда скрылась среди камней, она постепенно расслабилась.

Марика проделала несколько успокаивающих упражнений, ожидая, когда пройдет ярость Барлог, а затем спросила:

– Что случилось? Как вышло, что Оброткаск упала?

Барлог присела рядом с Марикой, глядя на лагерь кочевников. Взгляд ее был холоден и расчетлив, без какого-либо благоговейного трепета перед красотами природы.

– Получила в спину тупым концом копья. И потеряла равновесие.

– Но как?..

– По слухам, тебя предупреждали, что нужно быть начеку. Возможно, ты не восприняла предупреждение всерьез. – Барлог полезла под доху и достала стальной нож – из тех, за которые торговцы просили дюжину шкурок отека. – Пусть этот талисман станет для тебя напоминанием. Если бы не тупой конец копья, он уже вонзился бы тебе в сердце. И ты лежала бы там, где сейчас валяется та ведьма.

Марика взяла сверкающий клинок, с трудом соображая. Барлог встала и направилась к лагерю, с копьем на плече.

С полчаса Марика размышляла, глядя на нож. Нож Оброткаск. Но Оброткаск была всего на несколько лет ее старше, и они едва знали друг друга. У Оброткаск не было поводов на нее

нападать. Наверняка она поступила так не по собственной воле. И она была самой неприметной и ничем не выделявшейся ученицей-силтой.

«Береги хвост», – не раз говорила Брайдик. А Марика не восприняла ее предупреждение с надлежащей серьезностью. И в итоге погибла мета.

Вскочив, Марика заглянула за край обрыва. Упавшей силты не было видно – тело лежало далеко внизу, к тому же в тени. Бросив взгляд в сторону лагеря, Марика швырнула нож вслед его владелице.

Она только что выкинула двенадцать шкурок отека. Барлог наверняка пришла бы в ужас. Но возможно, нож мог стать своего рода уликой.

Обратный путь прошел в молчании. Над отрядом нависла смерть Оброткаск, о которой никто не мог забыть. Как силты, так и охотницы сторонились Марику и Барлог. Охотницы из стаи Дегнан редко выпускали Марику из виду.

Марика пришла к выводу, что все в курсе случившегося, но делают вид, будто им ничего неизвестно. Гибель Оброткаск должна была остаться в истории как несчастный случай.

Марика задумалась: как выглядит у силт траурный обряд? Разрешат ли ей на нем присутствовать? Сумеет ли она его запомнить, а затем втайне применить в отношении неоплаканых соплеменников?

Размышляя о старых долгах и той поре жизни, которая казалась далекой, будто история щенячества другой меты, она вдруг поняла, что не видела снов с тех пор, как покинула окрестности Акарда. Вернутся ли сновидения, когда она вновь окажется в крепости?

После этого она ни разу не позволяла себе былой беспечности. И никто больше не предпринимал столь грубых и непосредственных попыток от нее избавиться.

Марика чувствовала, что покушение на ее жизнь, последовавшая за ним смерть и, возможно, даже провал этого покушения вызвали чей-то тайный гнев. Она подозревала, что виновную в том мету никогда не найдут.

Стать свидетельницей траурного обряда силт ей не удалось. В том смысле, как она его понимала, такого ритуала просто не существовало.

Лето быстро пролетело, и в мир снова ворвалась зима.

Глава десятая

I

Зима мало чем отличалась от предыдущей, ставшей роковой для стаи Верхнего Поната. Она была столь же суровой, но началась с ложных намеков на большую мягкость. Усыпив бдительность, она выпустила когти и обрушивала на Верхний Понат бурю за бурей, засыпая его снегом, пока сугробы не начали угрожать стать выше северной стены Акарда. Без устали завывал холодный ветер, покрывая все коркой льда. На какое-то время силты Акарда потеряли связь с сестрами Рюгге на юге.

Зима мало чем отличалась от предыдущей. С севера снова явились кочевники, и их было еще больше, чем в прошлом году. Многие стаи, пережившие первое вторжение, не перенесли нынешнего – хотя большая часть дурных известий добралась до Акарда лишь после ухода зимы. Десятки беженцев просили защиты, и силты принимали их, пусть и неохотно.

Небольшие банды кочевников дважды появлялись на снежной равнине за северной стеной, там, где летом меты выращивали зерно для крепости. Оглядев мрачное каменное сооружение, они двигались дальше, предпочитая не рисковать. Когда они появились во второй раз,

Марика случайно оказалась на стене, где в одиночестве предавалась размышлениям. И она внимательно рассмотрела их с расстояния в несколько сотен ярдов.

– Они пока еще не настолько отчаялись, чтобы жертвовать собой, – сказала она потом Брайдик.

– Главное слово – «пока», – ответила Брайдик. – Все еще впереди. – Связистка выглядела рассеянной и не столь склонной к разговорам и наставлениям, как обычно. Из-за льда и холода приходилось вести постоянную борьбу с аппаратурой, и иногда ей не хватало опыта, чтобы починить очередную неисправность. – Больше так продолжаться не может. Вряд ли стоит ожидать, что зимы станут мягче. Лучше бы прислали мне какую-нибудь ремонтницу. Вот только им, естественно, наплевать, даже если они вообще больше о нас не услышат. Они будут только рады, если нас поглотит лед.

Марика в это не верила – как, собственно, и Брайдик, которой лишь хотелось сорвать злость.

– Нет, пока они не станут пытаться, Марика. Но когда-нибудь обязательно попытаются. Возможно, следующей зимой. Самое позднее – через одну. Этим летом они предпримут больше усилий, чтобы закрепиться в Верхнем Понате. Мы почти не создали им проблем, и вряд ли у них возникнет желание сбежать. К тому же они начинают привыкать к жизни одной гигантской стаей. Эта битва за выживание затмила все их давние ссоры и вражду. По крайней мере, так я слышу от моей кровной сестры и остальных, когда они собираются, чтобы обсудить этот вопрос. На поворот к лучшему они не рассчитывают. Помощи из Макше ждать не приходится. А без помощи нам не остановить эту лавину. Кочевников многие десятки тысяч. Даже силты не всесильны.

Те немногие новости, что просачивались вместе с беженцами, были одинаково мрачными и лишь подтверждали пессимизм Брайдик. Поступило также сообщение о кочевниках, замеченных в сотне миль к югу от Акарда, ниже по течению Хайнлин, в связи с чем Брайдик получила несколько весьма неприятных посланий. Предполагалось, что Акард должен охранять путь на юг, полностью его перекрывая.

– В такие бури моя кровная сестра не станет посылать никого – даже тебя – на охоту на кочевников, – сказала связистка Марике. – У нас не хватает сил, и у нас нет лишних жизней, чтобы тратить их впустую. Нужно дождаться лета. Когда у нас останется только один враг.

Враг – как некая группа. Подобное понятие с трудом можно было выразить на общем наречии Верхнего Поната. Марике пришлось искать его в языке силт, и ей это не понравилось.

Старшая и силты Акарда действительно не делали ничего, чтобы остановить разбой кочевников, что вызвало у Марики весьма смешанные чувства.

Стаи безжалостно истреблялись. Мет, таких же как она сама, убивали ежедневно. Она понимала, почему те, кто должен их опекать, ничего не предпринимают, но никак не могла с этим смириться. Когда приходила горстка беженцев, оставивших на снегу кровавые следы, обмороженных, бросивших в ледяном лесу щенков и Мудрых, ей хотелось с воем кинуться в снежные просторы, оседлав смертоносных призраков, чтобы очистить Верхний Понат от напасти кочевников.

Именно в таком настроении она делала наибольшие успехи в освоении магии силт. Слишком сильна была ее темная сторона.

Та зима стала для нее временем одиночества и растущей неуверенности в себе. Временем, когда она лишилась цели. Звезды, бывшие единственной ее мечтой, будто затянуло облаками, и мечта эта казалась еще более далекой и бессмысленной в осажденной крепости на краю земли. Задумываясь всерьез, она вынуждена была признать, что не имеет ни малейшего понятия, чего будет ей стоить или что повлечет за собой осуществление этой мечты.

Марика месяцами не видела Грауэл и Барлог, даже украдкой, – что, возможно, и к лучшему. Они наверняка поняли бы стоящую перед ней дилемму и заняли бы вполне опреде-

ленную сторону. Им несвойственно было предаваться грезам. Для диких охотниц взросление означало конец любым глупым мечтам.

Брайдик не имела ничего против грез Марики, но ее мнение значило меньше, чем она сама полагала. Марика должна была примириться с реальностью, причем самостоятельно.

Уроки продолжались, растягиваясь на долгие часы. Марика училась дальше, хотя ее всепоглощающий энтузиазм понемногу угасал.

Порой она боялась, что сходит с ума, гадая, не пришло ли на смену прошлогодним ночным кошмарам нынешнее умственное расстройство.

Дегнаны оставались неоплаканными. И иногда она винила себя в том, что не чувствует себя больше виноватой, не соблюдая надлежащий обряд.

То был не лучший год для дикой щены-силты из Верхнего Поната.

II

Каг прыгнул к горлу Марики, но она не двинулась с места. Она ушла в себя через лазейку в реальности, за которой видела призраков, и зверь предстал перед ней «оголенным». Насквозь просматривались мышцы, пульсирующая кровь, внутренности и примитивная нервная система. Казалось, хищник завис в воздухе, по чуть-чуть сдвигаясь в ее сторону, и она решила, что он настоящий, а не сотворенная Горри иллюзия.

Месяц назад она бы настолько перепугалась, что застыла бы на месте, и ее растерзали бы на части. Теперь же действовала полностью осознанно.

Коснувшись точки возле печени кага, она представила себе огонь и увидела вспыхнувшую на долю секунды искру. Каг начал медленно поворачиваться, продолжая висеть в воздухе и цепляясь когтями за охваченное болью брюхо.

Марика выскользнула через лазейку в реальное время и реальный мир. Она стояла не шевелясь, пока хищник не пролетел в нескольких дюймах от нее. И даже не обернулась, когда он ударился о белый пол позади нее, яростно лягнув когтями о камень. Но торжествовать, пусть даже на мгновение, было рано.

Когда испытания проводила Горри, ожидать можно было чего угодно.

Марику не удивило, что Горри использовала для тренировки настоящего хищника. Горри ее ненавидела и с радостью бы избавилась от нее способом, который не вызвал бы лишних вопросов среди сестер.

Старая силта достаточно часто при всех предупреждала Марику, что ее методы обучения могут быть смертельны. И ясно давала понять, что ученица может в любую минуту поплатиться за ошибку.

Объяснять, как придется платить за ошибку, Горри пришлось лишь однажды.

Марика не могла проникнуть в разум Горри так, как она проникала в разум Похсит, но ей этого и не требовалось. Было очевидно, что Горри унаследовала тот покров безумия, который окутывал Похсит, и даже не пыталась этого скрывать.

Взвыв, каг снова бросился на Марику. И снова она ушла через свою лазейку, на этот раз коснувшись точки у основания его мозга. Зверь потерял равновесие и рухнул на пол, словно самец, укравший и выпивший галлон ормонового пива.

Она хотела направить зверя к лестнице, ведшей на балюстраду, но тут же отбросила эту мысль. Еще будет время и место лучше.

Каг продолжал попытки. Марика, как бы дразня, коснулась его нервных окончаний, вызвав ощущение, словно его кто-то жалит.

Забавляясь с противником, Марика протянула мысленное щупальце вверх, к облоковитившейся на балюстраду Горри, и взглянула на старую силту примерно так же, как до этого на

кага. Однако касаться разума силты она не стала, не желая показывать Горри истинные пределы своих способностей. Еще придет время, чтобы застигнуть старую силту врасплох.

Марика ждала почти два года. Можно было подождать и еще немного, чтобы отплатить за мучения.

Сердце Горри отчаянно колотилось, мышцы напряглись. Были и другие признаки, указывавшие на крайнее возбуждение и страх. Пасть ее невольно приоткрылась в угрожающем оскале.

Марика позволила себе краткий миг торжества.

Старуха ее боялась. Она знала, что слишком хорошо выучила Марику, пытаясь сделать обучение смертельным. Она знала свою ученицу. Знала, что рано или поздно придет час расплаты. И даже сейчас боялась, что может его не пережить.

Вздернутая в оскале губа Горри слегка подрагивала, выдавая неуверенность. У нее вполне мог сработать врожденный рефлекс подчинения, свойственный самкам метов. Это вызвало ответный рефлекс у Марики, погасив уже предвкушаемую жажду крови.

Марика осторожно отступила, предпочитая не пробуждать древние инстинкты, и вновь переключилась на кага и пространство вокруг него. Горри решила в очередной раз над ней поиздеваться, выбрав самца. Еще одна ошибка, вызванная чрезмерной гордостью старой дуры. Еще один стежок в ее смертном саване. Еще одно мелочное оскорбление.

Рядом проплыло что-то маленькое, мерцающее и красное, привлеченное болью кага. Марика мысленно его ухватила. Оно извивалось, но сбежать не могло, и она навязала ему свою волю.

Призрак вплыл в плоть кага, в правую заднюю лапу в области таза. Марика сжала его до размеров семечка и закрутила. Призраку вполне хватало плотности, чтобы разрывать плоть и царапать кость.

Каг взвыл и упал на задние лапы, но продолжал ползти к ней, сосредоточившись на единственной цели. Марика ощутила мысленную нить, связывавшую мозг зверя с разумом наставницы.

Нужно было лишить Горри власти.

После каждого рывка кага Марика снова раскручивала красного призрака. И всякий раз раздавался вой кага. Кто бы ни управлял зверем, учился он быстро.

Так же быстро, как училась Марика под мучительными пытками Горри.

Зверь все выл и выл. Управлявшая мозгом сила тянула вперед, в то время как боль в теле наказывала его за каждую попытку подчиниться этой силе. У Горри имелось одно преимущество – жалость была свойственна ей куда меньше, чем ученице.

Марика была уверена: Горри добровольно вызвалась стать ее наставницей в том числе и потому, что у нее не было никаких сторонников, никаких связей, никакой поддержки. И уж наверняка не из желания пробудить и взрастить новую силту. Нет. В Марике она видела лишь варвара, дикарку, которая могла стать прекрасной игрушкой для удовлетворения ее тайного желания причинять боль. Предметом, на котором она могла бы упражняться в своих болезненных наклонностях. И, будучи чокнутой, она вполне могла все это оправдать, искренне веря, что Марика крайне опасна.

Казалось, все сестры Рюгге в Акарде были слегка чокнутыми. Брайдик говорила неправду или не всю правду, утверждая, будто этих силт отправили в изгнание, потому что они нажили врагов в сестринстве. Их отправили на край земли потому, что они повредились умом. И повреждения эти были опасны.

Об этом Марика тоже узнала. Образование ее было куда обширнее, чем она ожидала, и глубже, чем представлялось учителям. Она подозревала, что даже сама Брайдик не вполне та, за кого себя выдает, и не вполне душевно здорова.

Связистка притворялась, будто отправилась за кровной сестрой в изгнание, опасаясь остаться без защиты. Марика не сомневалась, что Брайдик лжет.

Главным, чему научилась Марика, стала осторожность. Крайняя, абсолютная осторожность. Крайнее и абсолютное недоверие ко всем, кто притворялся друзьями. Она была одинока, словно остров, ведя войну с миром, поскольку мир вел войну против нее. Она едва доверяла Барлог и Грауэл и сомневалась, что это доверие долго продержится, – охотниц она уже давно не видела, и никто не знал, какое давление на них оказывали.

Она ненавидела Акард, Рюгге, силт.

Ненависть ее была полна и глубока, но она ждала минуты, когда можно будет свести счеты.

Каг подполз ближе. Марика выбросила из головы все, что ее отвлекало. Сейчас не время для размышлений. У Горри найдутся в запасе и более смертоносные испытания, которые обрушатся на нее в любую минуту. Нужно постоянно быть начеку, поскольку Горри уже подозревала, что Марика сильнее, чем кажется. Таких попыток, как тогда на Разломе, уже не будет, зато стоит ждать чего-то выходящего за пределы обычного.

Если только каг не сигнализировал о том, что пределы эти уже превышены. Марика не слышала, чтобы других учениц-силт подвергали столь суровым испытаниям на столь раннем этапе обучения.

Неужели Горри надеялась, что Марика ничего не подозревает, считая, будто чудовищный зверь – иллюзия?

Наверняка.

Хватит, решила она. Столь самоуверенные игры со зверем выдавали ее скрытую силу. Не стоило сообщать слишком многое той, которая желала ей зла.

Потянувшись через лазейку, она остановила сердце зверя. Тот испустил дух, благодарный за снизошедшие тьму и покой.

С минуту Марика отдыхала, а потом посмотрела наверх, тщательно изобразив недоумение на морде.

Несколько секунд Горри смотрела в пустоту. Затем она встряхнулась всем телом, словно только что выбравшаяся из воды мета.

– Отличная работа, Марика, – сказала она. – Еще одно подтверждение, что в тебе я могу не сомневаться. На сегодня достаточно. Больше никаких занятий и работ. Тебе нужно отдохнуть. – Голос ее дрожал.

– Спасибо, госпожа.

Марика прошла мимо служанок, поспешно уносивших кага на кухню, стараясь не показывать, что она несколько не устала. Она заметила несколько осторожных взглядов, но не подала виду. Служанки теперь были повсюду, и никто не обращал на них внимания. Из-за потока беженцев для них постоянно находилась работа.

Она отправилась в свою келью, где улеглась на койку, размышляя о сегодняшних событиях и даже не сознавая, что начинает рассуждать как силта. Следовало тщательно обдумать каждый нюанс случившегося – и неслучившегося тоже.

Марика была уверена, что каким-то образом прошла обряд посвящения. Обряд, который Горри вовсе не планировала. Но она не знала точно, в чем тот заключался.

Усилием воли она расслабила тело, мышца за мышцей, как ее учили, и погрузилась в легкую дрему. Сон ее был чуток, как у охотницы, ночующей в лесу далеко от родного стойбища.

Отчасти она оставалась охотницей. И вряд ли это когда-либо изменится.

Она знала, что всегда будет начеку.

III

Прошел еще один год изгнания, не более радостный, чем его предшественник.

Марика поднялась на ту часть стены, откуда были видны плотина и энергостанция. Там у нее имелось местечко, которое она считала собственным, и это знали и признавали все, кроме новых беженцев. Его окружал невидимый барьер, который при Марике не могла пересечь даже Горри или ее подруги из числа старых силт. Марика приходила туда, когда хотела полностью избавиться от чьей-либо опеки.

У каждой силты имелось подобное место. Для большинства таковым являлось их жилище. Но каждое чем-то отличалось, и о них постепенно узнавало все Сообщество силт. Точно так же и силты Акарда знали, что там, на стене, – владения щены-дикарки, принадлежащие только ей одной.

Ей нравились ветер, холод и открывавшийся со стены вид. Более того, ей нравилось, что к ней никто не приблизится внезапно, не дав привести мысли в порядок. Лишь немногие могли и осмеливались вторгаться в ее владения – к примеру, старшая и хлес Гибани, – но и они не поступили бы так без серьезной причины.

Река Хусген снова замерзла. Силты заставляли десятки беженцев рубить лед, чтобы тот не забивал ведущие к энергостанции трубы. Зима была еще более суровой, чем предыдущие две, и каждая ставила рекорды, принося новые бедствия. Бурь в этом году было меньше, как и снега, но ветер оставался столь же яростным, а когти холода – острее, чем когда-либо. Ледяной ветер пробирался даже в сердце крепости, передразнивая ревущее пламя, пылавшее в каждом очаге. Край леса, отстоявший на треть мили от границы вспаханной земли, прошлым летом отступил еще на двести ярдов. Валежник приходилось собирать во многих милях вокруг. Все закоулки крепости были забиты дровами. И тем не менее Брайдик пробирала дрожь, когда она прикидывала расход топлива на оставшееся время.

Отряды фуражиров этой зимой не покидали крепость. Никому не позволялось выходить за пределы, в которых простиралась совместная мощь силт Акарда. Ходили слухи, будто ни один кочевник в эту зиму не остался в Жотаке.

В ту первую суровую зиму на юг их пришло относительно немного. Несмотря на гибель Дегнанов, большинство стай Верхнего Поната выжили. Тех немногих кочевников, которые не сбежали на север, уничтожили силты. Во вторую зиму погибла половина стай Верхнего Поната, а последовавшим летом постоянно лилась кровь – силты пытались одолеть полчища кочевников, стремившихся удержаться в захваченных стойбищах. Многие кочевники погибли, но силтам не удалось их изгнать полностью.

У кочевников больше не было верлена, который бы их возглавил, но они в нем и не нуждались, слившись в одну огромную сверхстаю. В этом году северная орда явилась рано, во время сбора урожая. Силты делали все возможное, но дикарей не пугали ни резня, ни колдовство силт. Всегда находились более отчаянные стаи, приходившие на место тех, кого поглотила ярость Рюгге.

Большинство выживших стойбищ уничтожили или захватили. Брайдик предсказывала, что с наступлением весны никто из кочевников не уйдет безнаказанным.

Марика чувствовала, что третья зима ее изгнания означает конец Верхнего Поната как рубежа цивилизации. В этом году передовые отряды кочевников устремились далеко на юг от Акарда. Обойдя крепость по широкой дуге, они двинулись вдоль русла Хайнлин, превратившегося в извилистую ледяную дорогу, несущую их угрозу в южные земли. Лишь еще один оплот цивилизации оставался невредимым – крепость торговцев ниже по течению, Критца.

Марика видела Критцу лишь однажды и издалека, во время охоты на кочевников прошлым летом, – огромное каменное сооружение, столь же неприступное, как и Акард. Там тоже

приютили множество беженцев – даже больше, чем в Акарде, поскольку торговцев не боялись так, как силт.

Не боялись их и кочевники. Дикари атаковали Критцу один раз на вторую зиму и уже дважды в этом году, но безуспешно. Говорили, будто у торговцев есть много неизвестного и ужасного оружия. Кочевники оставили у стен Критцы сотни своих мертвецов.

Марика почти ничего не знала о Критце, пока не увидела ее сама. Тогда ее удивило, что силты закрывают глаза на столь независимую силу в своих владениях, к тому же находящуюся в лапах самцов. К самцам силты относились с крайним предубеждением, перед которым меркли любые предрассудки мет Верхнего Поната.

Неоскопленные самцы в Акард не допускались, что легло страшным бременем на плечи тех немногих выживших, которые бежали в крепость. Особенно стай, которые надеялись когда-нибудь восстановить численность.

Чуть ниже того места, где стояла Марика, располагалось небольшое поселение неоскопленных самцов. Они цеплялись за жизнь в прилепившихся к стене хижинах, моля Всеединое о помощи, не получив ее от тех, кто должен их защищать. С ними остались даже несколько особо упрямых охотниц, не желавших склоняться перед требованиями силт.

Марика подозревала, что, когда переход станет не столь рискованным, все эти меты переберутся в Критцу.

Но как Критца вообще могла существовать? У старых силт не находилось доброго слова в адрес торговцев, и никто не доверял им даже на самую малость. Они воспринимали их как самцов-одиночек, угрозу их абсолютной власти – хотя бы уже потому, что те разносили новости по стойбищам.

Брайдик говорила, что торговцы необходимы для поддержания равновесия. Они занимали общепризнанную нишу в подчинившемся не столь строгим законам обществе юга, нишу, которую признавали все сестринства. Силтам не нравилось братство торговцев, но они вынуждены были принимать его как данность – пока торговцы соблюдали некоторые профессиональные границы.

Марика вздрогнула от порыва яростного ветра, созерцая открывавшиеся перед ней владения крепости. Никогда еще за всю историю Акарда, уходящую в прошлое на многие века до прихода Дегнанов в Верхний Понат, зима не была столь суровой. А если вспомнить, что их таких уже три подряд и каждая хуже предыдущей...

Марика попыталась вспомнить зимы до прихода кочевников и рассказы Мудрых о холодных временах года. Но у нее остались лишь смутные воспоминания о жалобах, что зимы стали хуже, чем во времена их молодости. Охотницы лишь насмеялись над ними, заявляя, что это всего лишь старость.

Но Мудрые оказались правы. Прошедшие три зимы вовсе не были случайностью. Сестры говорили, что зимы становятся все суровее и так происходит уже больше одного поколения. Более того, они утверждали, что это только начало и погода станет еще хуже, прежде чем наконец начнет улучшаться. Но какая разница? Повлиять на это она все равно никак не могла. То был цикл, которому она не видела конца. Брайдик говорила, что пройдут века, прежде чем цикл развернется обратно, и еще века, прежде чем погода вновь придет в норму.

Марика заметила знакомую фигуру, взбирающуюся по предательски обледеневшим ступеням, ведущим на стену, но никак не отозвалась, хотя знала, что это Грауэл. Грауэл, которую она не видела несколько недель и по которой скучала, – и все же...

Пригибаясь на ветру, Грауэл подошла ближе, намереваясь вторгнуться в личное пространство Марики. Зубы ее стучали.

– Что ты тут делаешь в такую погоду, шена? Простудишься насмерть.

– Мне тут нравится, Грауэл. Особенно в это время года. Можно прийти сюда и поразмышлять, зная, что никто тебе не помешает.

Грауэл сделала вид, будто не поняла намек.

– Там, внизу, говорят о тебе, щена. – Марики отметила ее семейно-неформальный тон, на который Грауэл даже теперь переходила лишь в минуты особого волнения, но осталась столь же равнодушной. – Я только что слышала, – продолжала Грауэл. – Горри опять говорила со старшей. Злобно, как и всегда, но на этот раз, как мне показалось, она нашла сочувствующую слушательницу. Что ты натворила?

– Ничего.

– Что-то наверняка было. Ты настолько напугала Горри, что она настаивает на том, чтобы весной отправить тебя в обитель Макше.

Слова Грауэл застигли Марику врасплох. До сих пор Горри была полна решимости скрыть само существование Марики от обители в Макше, которой подчинялся Акард. Хотя она не сделала ничего такого, что могло бы встревожить Горри, старая наставница знала ее намного лучше, чем Марики подозревала. Еще один аргумент в пользу осторожности. Опыт и выдающиеся знания старой силты давали ей преимущество в их утонченном, не признанном никем поединке.

– Все равно я их не понимаю, Грауэл. С чего им меня бояться?

Горри она понимала – хотя бы на уровне личных отношений. Горри боялась потому, что зародила в ученице пылкую ненависть. Но страх Горри был куда большим, чем опасение возможной мести со стороны Марики. Хоть Марики до конца этого и не осознавала, она чувствовала, что все намного сложнее и страх Горри в какой-то степени разделяют все старые силты крепости.

Грауэл повторяла то, что Марики уже слышала от нее самой, Барлог и особенно Брайдик. Но воспринималось это несколько не лучше.

– Они боятся не того, какая ты сейчас, Марики. Их страшит то, кем ты можешь стать. Горри настаивает, что ты самая сильная ученица из всех, кого она встречала или даже о ком слышала. Включая тех, с кем училась она сама, – а она утверждает, что среди них были сильнейшие таланты современности. Что из этого правда? Кто знает? Они все лгут ради собственной выгоды. Но одно остается неоспоримым: тебя окружает ореол рока, от которого им становится не по себе.

Марики едва не повернулась к Грауэл. Это уже слегка отличалось от того, что она обычно слышала.

– Ореол рока? В каком смысле?

– Точно не знаю. Просто говорю, что слышала. А слышала я, что Горри считает, будто в тебе есть нечто большее. Нечто мифическое. Клык в пасти судьбы, если можно так выразиться. У Горри уже давно возникла эта мысль, но остальные над ней насмеялись. Теперь уже не насмеются – даже те, кто ее недолюбливал. Ты совершила нечто такое, от чего становится не по себе даже твоим сторонникам.

Марики вспомнила последние несколько месяцев. Ничего такого, что отличалось бы от происшедшего раньше, вроде бы не случилось. Разве что она достигла поры зрелости и ей велели ежедневно пить снадобье, предотвращавшее первую течку.

– Не понимаю, Грауэл. Я вовсе не чувствую себя носительницей рока.

– Откуда тебе знать, щена? Разве Джиана знала?

Это имя она слышала от Горри. Недавно, разозлившись, старая силта назвала ее Джианой.

– Это же миф, Грауэл. И вообще, Джиана даже не была метой.

Полубогиня Джиана родилась от союза самки реймгрита и отца-прародителя Гьерлина, воплощения Всеединого, который снизошел из великой тьмы, оплодотворив во сне мать Джианы. То была не общепринятая теория, лишь сказка, как и многие другие с начала времен. Донаучная попытка объяснить тайны мироздания.

Когда Джиана стала взрослой, она понесла проклятие миру, лишая всех животных речи и разума. Всех, кроме метов, которых предупредил Гьерлин, и они спрятались там, где Джиана не могла их найти.

То была древняя легенда, искаженная тысячами поколений пересказов. Любая правда, которая могла в ней содержаться, наверняка давно иссякла благодаря усилиям рассказчиков, пытавшихся улучшить оригинал. Марика воспринимала ее лишь как объяснение, почему меты были единственными разумными говорящими животными. И она не понимала, какое отношение имеет миф к тому, что происходило с ней сейчас.

Именно так она и сказала Грауэл.

– Миф это или нет, но Горри называет тебя своей маленькой Джианой. И некоторые воспринимают ее слова всерьез. Они уверены, что тебя коснулось Всеединое.

Сие высказывание могло иметь два значения. Марика понимала, что его можно счесть вежливым намеком на то, что она не в своем уме.

– Кого-то и впрямь коснулось Всеединое, Грауэл. И вряд ли этот кто-то – я. Эти силты сами не от мира сего, если приглядеться.

В свое время Марика весьма удивилась, обнаружив, что силты, несмотря на все их образование и знания, куда более склонны к мистике и обрядам, чем самые примитивные кочевники. Они чтит десятками благодарственных дней, о которых она никогда не слышала. Они приносили ежедневные дары как Всеединому, так и низшим силам, с которыми им приходилось иметь дело. Их подношения приводили в изумление ту, для кого жертва означала еженедельную миску каши, выставленную за ворота стойбища вместе с котелком ормонового пива, и небольшое животное, которое оставляли в пещере Мачен раз в три месяца перед слиянием двух больших лун. Силт же будто преследовал дьявол. Они до сих пор боялись призраков, которых повергло Всеединое, изгнав предшествовавшие ему силы. Они боялись теней, явившихся вместе со Всеединым, но якобы надежно закованных в цепи в других мирах. И особенно они боялись тех, кто мог призвать эти тени, обратив против них, – таковые умельцы всегда оказывались верленами.

Марика наблюдала за некоторыми обрядами, подглядывая через свою лазейку. Обряды эти почти не влияли на сущих, как называли силты те создания, которых Марика считала призраками, – единственные сверхъестественные силы, которые она признавала. В какую-то минуту она всерьез усомнилась в существовании самого Всеединого, не говоря уже о никем не виденных тенях, которые преследовали ее наставниц.

Призраки не нуждались в видимых подношениях. Насколько она могла понять, большую часть времени они оставались безразличными к миру смертных, отзываясь на происходящее в нем скорее из любопытства, только в самые напряженные минуты. И воздействовали на него, только когда ими управлял некто, обладающий даром.

Посланница рока. Таков был мистический титул Джианы, охотницы, искавшей то, чего она не могла найти, то, что всегда оставалось за спиной. Насколько понимала Марика, само это понятие было не более чем метафорой.

Однако миф о посланнице рока имел для силт немалое значение. И Марика подозревала, что Горри, опасаясь за собственное будущее, цинично на этом играла, пытаясь заручиться поддержкой других старших сестер. Силты Акарда не любили Горри, но все же с неохотой ее признавали, зная, кем она была до того, как отправилась в изгнание.

Но даже при этом ей пришлось бы долго убеждать других, прежде чем получить разрешение применить более жесткие меры к ученице. В этом Марика не сомневалась.

Осторожность и еще раз осторожность. Все, что от нее требовалось.

– Я вовсе не посланница рока, Грауэл. И чрезмерным честолюбием я не страдаю. Я просто делаю то, что приходится делать ради нашего выживания. Им вовсе незачем меня бояться. – Она полностью вошла в роль, которую играла для Грауэл и Барлог во время кратких встреч,

поскольку боялась, что те – по крайней мере, Грауэл – докладывают о каждом ее слове, чтобы выжить самим. – Я искренне верю, что стану одной из тех сестер, которые никогда не покидают обитель и редко пользуются даром для чего-либо, кроме обучения щен-силт.

Не слишком ли безумны были ее подозрения? Только сумасшедшая могла подозревать всех остальных в злых кознях. И уж одну конкретную мету – определено. В любом стойбище водилась как вражда, так и дружба. В каждом стойбище случались конфликты между старыми и молодыми, как между Горри и Марикой, – доказательством чему служила Похсит. Но подозревать, будто вся крепость исподтишка ополчилась против нее и ненависть эта растет с каждым днем – особенно по причинам, которые сама она считала мистическими и недосягаемыми... От этого уже пахивало отъявленным безумием. Даже при том, что подозрения подтверждались словами Брайдик, Грауэл и Барлог.

Так что, возможно, она и впрямь тронулась умом. Она убедила себя в собственной правоте и не видела иного выхода, кроме как поступать так, будто все придуманное – правда. И любая уступка здравому смыслу – проявление глупости.

Зачем нужны были силтам эти игры в сестринство? Или каждой сестре-силте пришлось столкнуться с таким же отношением со стороны остальных, как сейчас Марике? Не было ли сестринство лишь маской для внешнего мира? Образом, с помощью которого правители внушали благоговейный страх тем, кем они правили? Не царил ли в реальности в стенах обители постоянный хаос? Драка голодных щенков за объедки?

– Можешь мне не верить, Марика, – вмешалась в ее мысли Грауэл. – Но я обязана тебя предупредить. Мы были и остаемся Дегнанами.

У Марики имелось на этот счет вполне определенное мнение, но она не стала его озвучивать. Грауэл и Барлог мрачнели и обижались при любом намеке на то, что стая Дегнан осталась в прошлом. Они забрали у Марики Летопись, обнаружив, что щена больше ее не ведет. Барлог даже научилась разборчивее писать, чтобы продолжать вести Летопись.

Эти две меты были хорошими охотницами. Они не давали обитательницам крепости ни единого повода сожалеть, что те их приняли, и верно им служили. Но в итоге они оказались глупыми жертвами сентиментальности, предав свои идеалы. Не действовали ли они сейчас против нее, своей же сестры?

– Спасибо, Грауэл. Ценю твою заботу. Прости, что я так нелюбезна, но у меня было тяжелое утро. Очень сложное испытание Горри.

Грауэл злобно оскалилась. На мгновение у Марики возникло искушение надавить сильнее, проверить искренность Грауэл, использовать ее как оружие в поединке с Горри. Но она тут же передумала. Именно так кто-то пытался поступить с ней на Разломе. И попытка эта ни к чему не привела, кроме презрения к неизвестной, пославшей на смерть вместо себя другую. Свести счеты с Горри Марика должна сама.

– Спасибо, Грауэл, – повторила она, когда стало ясно, что уходить та не собирается. – Пожалуйста, оставь меня. Хочу послушать песню ветра.

– Это не песня, щена. Это скорбный вой. Но – как пожелаешь.

Следовало отдать Грауэл должное – она не стала совершать перед Марикой все почтительные жесты, которые полагались той как силте, пусть даже ученице. Если бы кто-то это увидел... Но Грауэл знала, что Марика терпеть не может искусственные почести, которыми окружали себя силты.

Когда Грауэл ушла, сжимая в лапах копьё, одновременно служившее официальным символом ее должности, Марика подумала, что об ее общении с ветром уже ходят слухи. Наверняка Горри с подругами считали это очередным свидетельством против нее. Джиана тоже говорила с ветром, и северный ветер был ближайшим ее союзником, иногданося ее по всему свету. Уже не одна сестра спрашивала – пока что в насмешку – о том, какие новости слышать с севера.

Марика не отвечала, поскольку ее все равно бы не поняли. Она могла бы сказать, что слышит холод, слышит лед, слышит шепот великой тьмы. Она могла бы сказать, что слышит шепот завтрашнего дня.

Глава одиннадцатая

I

Горри так и не удалось избавить Акард от его самой эксцентричной обитательницы. Весной Марика не отправилась в обитель Макше. Старшая еще недостаточно поизмывалась над самой непокорной ученицей, чтобы смириться с потерей лица, к которой неминуемо привела бы попытка передать проблему дальше.

Сколь бы безнадежным это ни казалось, изгнанницы Акарда изо всех сил старались выглядеть самым лучшим образом в глазах далеких начальниц. Порой политические ветры среди силт в вышестоящих обителях меняли направление, и изгнанниц возвращали назад – не часто, но достаточно, чтобы это послужило стимулом или, как считала Марика, ложной приманкой.

Так или иначе, старшая не желала терять лицо, отправив выше столь неподдающуюся ученицу.

Однако она не постеснялась убрать нелюбимую ученицу из Акарда на все лето.

Распоряжение пришло не из Макше, а из-за его пределов, из самой высшей обители сестринства Рюгге. Верхний Понат следовало очистить от кочевников, и никакие оправдания не принимались. Акард содрогнулся от страха. Марике казалось, будто страх этот не имеет цели и его причина – скорее далекие загадочные правительницы сестринства, чем более конкретная и близкая угроза со стороны орд кочевников.

Марика отправилась с первым отрядом, который состоял из сорока мет, и лишь три из них были силтами. Одна молодая дальночующая. Одна пожилая силта во главе. Тридцать семь охотниц, все набранные среди беженцев. И одна темносторонняя – Марика.

Возможно, они надеялись, что она не справится с задачей. Возможно, они надеялись, что ей не хватит силы воли, когда придет время схватить смертоносных призраков и швырнуть их против убийц Верхнего Поната. Или, возможно, глаза их вовсе не были затянuty пеленой, как она полагала. Возможно, они знали ее истинную силу.

Впрочем, по этому поводу беспокоиться было некогда. Слишком большого сосредоточения требовала охота.

Они вышли днем, преследуя кочевников, которые наблюдали за крепостью. Кочевники заметили их и бросились в бегство. Охотницы с трудом пробирались через недавно оттаявшие поля. Хватило нескольких минут, чтобы прекрасные сапоги Марики облепило грязью до колен. Бормоча ругательства, она пыталась идти по следу добычи. Кочевников можно было настичь с наступлением ночи.

Барлог шла слева от нее, Грауэл справа. Охотницы наблюдали за собственным отрядом пристальнее, чем за недружелюбным лесом.

– Что-то у вас довольный вид, – заметила Марика, взглянув на Грауэл.

– Так и есть. – Охотницы пребывали в отличном настроении, которое Марика поначалу списала на то, что они впервые за полгода вышли за пределы Акарда. – Мы их перехитрили. Они думали, что сумеют отправить тебя без нашего присмотра.

Возможно, этим объяснялся хмурый взгляд Архдвер, главной силты. Марика уставилась ей в спину, весело скалясь.

Предполагалось, что охота пойдет по левому берегу восточного притока Хайнлин, до нижней границы территории, прежде населенной оседлыми метами. Затем им предстояло свернуть через холмы на юг, потом – снова на север почти до самого Разлома, опять спуститься к восточному притоку и повернуть обратно. Это означало самое меньшее пятьсот миль пути, без какого-либо реального плана после того, как они покинут русло реки Хайнлин на востоке. По сути, они должны были все лето блуждать по восточной половине Верхнего Поната, питаясь подножным кормом и убивая захватчиков. Отряд Марики был лишь одним из десятка подобных.

В течение долгого времени ничего особенного не происходило. Снова, как и в то лето, когда они отправились к Разлому, кочевникам удавалось ускользать от них. Когда охота проходила возле стойбища Дегнанов, Марика, Барлог и Грауэл лишь мельком взглянули на разваливающийся частокол, не захотев подходить ближе. Они побывали в стойбище Ласпов, но там ничего не осталось, кроме едва заметных ровных линий на земле и подвальных ям в тех местах, где стояли логова.

Пошевелив мусорную кучу, Марика обнаружила обгоревшую и сломанную куклу-чакоту – и едва не сорвалась.

– Что случилось, щена? – спросила Барлог.

Не в силах выговорить ни слова, Марика лишь показала сломанную куклу. Барлог озадаченно посмотрела на нее.

К Марике вернулся дар речи.

– Первое, что я помню в своей жизни, – как поссорилась с Кублином. Я сломала его чакоту, и он настолько разозлился, что швырнул мою в огонь. – Она уже давно не думала об однопометнике и не видела его во сне, но теперь, когда вспомнила его, держа в лапе чакоту, прежняя боль обрушилась на нее с удвоенной силой. – Мы так их и не оплакали. Мы перед ними в долгу.

– Когда-нибудь, щена. Когда-нибудь. Все обязательно будет.

Барлог мягко почесала ее за ушами, и она не отстранилась, хотя уже была для такого слишком взрослой.

Приближаясь к долине Плентцо, они наткнулись на стойбище, которое еще несколько часов назад было обитаемым.

– Кое-кто из них сменил обычаи, – заметила Грауэл.

Ясно было, что стойбище покидали в спешке.

– Они знают, где мы и чем занимаемся, – сказала Марика.

Сама не понимая зачем, она хмуро взглянула на небо. А потом, не совещаясь с Архдвер, которая грабила брошенные склады с провизией, отправила полдюжины охотниц в окрестные леса поискать следы наблюдателей.

Архдвер сильно разозлилась, узнав о поступке Марики, но сдержалась. Хотя их поход длился всего неделю, она уже поняла, что дикарки, с которыми она путешествовала, куда лучше подчиняются дикой щене-силте, чем ей самой. Вряд ли было разумно идти на ненужный конфликт.

Марика послала на разведку тех охотниц, которых Грауэл считала лучшими. И она вполне им поверила, когда те вернулись и доложили, что никакие разведчики кочевников отряд не преследуют.

– С ними наверняка их собственные силты, – сказала она Грауэл и Барлог. – Они заранее нас чуют и успевают разбежаться.

– Столько силт? – возразила Барлог. – Будь у них столько, они вступили бы с нами в драку. Так или иначе, наткнуться на них мы можем только случайно.

Пока что они лишь дважды встретили одиноких охотниц, искавших дичь, – и охотницы Акарда прикончили их без особого труда и без помощи силт.

В поисках лучших складов с едой Архдвер сделала некое открытие.

– Я знаю, как им удастся не попасться на нашем пути, – сообщила она, но объяснять ничего не стала.

Порыскав вокруг, Марика ничего не нашла. Но интуиция и поведение Архдвер подсказывали, что дело в неких устройствах, вроде тех, которые Брайдик использовала для связи с Макше.

Это объясняло, каким образом стойбище получило предупреждение. Но откуда сообщавший мог знать, где сейчас охотничий отряд?

Крайне аккуратно, так чтобы казалось, что это идея Архдвер, Марика предложила отряду провести день или два в стойбище на отдыхе. Путь из Акарда был тяжел. Архдвер с ней согласилась, и Марика позвала Грауэл и Барлог:

– Нашли травы и корни, про которые я вам говорила?

– Все, кроме личинок, – озадаченно ответила Грауэл.

Сразу же после их первой встречи в Акарде Марика велела им собирать всякие мелочи в лесах каждый раз, когда они покидали крепость.

– Я и не думала, что мы их найдем, – ответила она. – Еще слишком рано. И слишком холодно. Даже летом столь прохладно, что они стали редкостью. Однако... – Она торжествуя показала маленький запечатанный глиняный сосуд, который принесла из крепости. – У меня тут кое-что есть. Я нашла их тем летом, когда мы ходили к Разлому. Найдите какой-нибудь котелок. И что-нибудь вместо разделочной доски.

Они расположились в стороне, остальные не обращали на них внимания, поскольку подобное уже вошло в привычку. И Марика взялась за дело.

– Надеюсь, память меня не подводит. Я только однажды видела, как это делается, – когда Блаз готовил яд для дротиков и стрел.

– Яд? – с легкой тревогой взглянула на нее Барлог.

– Мне тоже в определенной степени свойственно низкое подлое коварство, – беззаботно бросила Марика. – Я несколько лет собирала все составляющие, дожидаясь возможности. Есть возражения?

– Против самой идеи – нет, – ответила Грауэл. – Большого они не заслуживают. Они – паразиты, а паразитов нужно истреблять. – В голосе ее звучала ненависть. – Но – яд? Так поступают только вероломные самцы.

Барлог тоже была против.

– Почему ты решила готовить яд здесь, где никто не знает, что ты делаешь, и испытать его на тех, против чьей гибели никто не станет возражать? – прищурившись, спросила она. – Не случится ли так, что однажды меня удивит необъяснимая смерть кого-то в крепости?

Марика не ответила.

Охотницы переглянулись. Они все поняли, хотя и с неохотой. Барлог не скрывала недовольства. Возможно, подумала Марика, сейчас станет ясно, не работают ли они на старшую.

Они были с ней категорически не согласны. Яд – не орудие охотниц. Даже Мудрых. Возможно, вонючих силт. Но лишь самых худших из этого ведьмовского отродья...

Но они ничего не сказали. И Марика сделала вид, что не замечает молчаливого неодобрения.

Она со всей возможной осторожностью сварила яд. И незадолго до того, как охотничий отряд покинул стойбище – где по ее настоянию все оставили нетронутым, – она вылила три четверти яда в те кладовые с провизией кочевников, которыми, как она полагала, скорее всего, воспользуются в ближайшее время.

Охотничий отряд пересек долину Плентцо и три ночи продолжал путь на восток. А затем, после того как разбили дневной лагерь, Марика сказала Грауэл и Барлог:

– Пора вернуться и взглянуть на дело наших лап.

Грауэл нахмурилась.

– Не взваливай вину на нас, щена, – сказала Барлог. – Это тебе вздумалось играть в самцовые игры с ядом.

Обе весьма злились, но сопровождать ее не отказались.

Втроем они шли быстрее, не отвлекаясь от определенной цели, к тому же им не приходилось выслеживать дичь. К стойбищу они вернулись на второй вечер после того, как вышли из лагеря.

Кочевников никто не предупредил об их приближении. Марика отметила это на будущее, затем присела за частоколом и, нырнув в свою лазейку, проникла в стойбище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.